

О. Р. Айрапетов

Участие
Российской империи
в Первой
мировой войне

1917

Олег Рудольфович Айрапетов
Участие Российской империи в Первой
мировой войне (1914–1917). 1917 год. Распад

ABBYY PDF Transformer[®]

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17203807

*Участие Российской империи в Первой мировой войне. 1917 г. Распад / Айрапетов О. Р.: Кучково
поле; Москва; 2015*

ISBN 978-5-9950-0480-6, 978-5-9904362-7-5

Аннотация

Фундаментальный труд российского историка О. Р. Айрапетова об участии Российской империи в Первой мировой войне является попыткой объединить анализ внешней, военной, внутренней и экономической политики Российской империи в 1914–1917 годов (до Февральской революции 1917 г.) с учетом предвоенного периода, особенности которого предопределили развитие и формы внешне- и внутриполитических конфликтов в погибшей в 1917 году стране.

В четвертом, заключительном томе "1917. Распад" повествуется о взаимосвязи военных и революционных событий в России начала XX века, анализируются результаты свержения монархии и прихода к власти большевиков, повлиявшие на исход и последствия войны.

Содержание

Правительство, Дума и общественные организации в начале 1917 г.	4
Попытки правительства перехватить инициативу	11
Арест рабочей группы ЦВПК	16
Контакты оппозиции с союзниками	20
Политический зондаж на фоне межсоюзнических контактов	31
Оппозиция и командование армией	40
Гарнизон Петрограда, положение дел в столице	43
Ставка, железные дороги, признаки кризиса	52
Беспорядки в столице	56
Беспорядки перерастают в революцию	64
Ставка и революция	70
Армия, оппозиция и революция	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Олег Айрапетов

Участие Российской империи в Первой мировой войне. 1917 г. Распад

Люди видят, куда ведет не только ошибочная политика власть имущих, но и демагогическое разнуздание грубейших инстинктов широких народных масс, к какому печальному концу для государства приводит безоглядное осуществление социалистических лозунгов и теорий. Было бы страшным преступлением для России, если бы на русской катастрофе поучались бы все, кроме самих русских.

К. П. Крамарж. «Русский кризис»

Правительство, Дума и общественные организации в начале 1917 г.

В конце 1916 – начале 1917 г. произошли очередные изменения в правительстве империи. 27 декабря 1916 г. (9 января 1917 г.) премьер-министром был назначен председатель Комитета по оказанию помощи русским военнопленным князь Н. Д. Голицын¹. Это назначение состоялось внезапно для всех, включая самого князя. Поначалу он попытался отказаться от предложенного поста, но вынужден был принять его, когда император сказал ему, что верноподданный не имеет права отказываться от такого предложения². 6 (19) января 1917 г. на имя главы правительства был дан Высочайший рескрипт, в котором были названы основные направления деятельности его кабинета. Император вновь заявил о своем непреклонном намерении довести войну до победного конца: «В полном единении с нашими верными союзниками, не допуская мысли о заключении мира ранее окончательной победы, Я твердо верую, что народ русский, самоотверженно несущий бремя войны, исполнит свой долг до конца, не останавливаясь ни перед какими жертвами»³.

Новый премьер должен был проявить заботу о снабжении армии продовольствием и «о возможном смягчении в тылу неизбежных при мировой борьбе народов продовольственных затруднений», а также обеспечить улучшение железнодорожных и речных перевозок. Опорой правительства в деле устройства хозяйственной жизни страны были названы земства. Особое внимание новый премьер должен был уделить сотрудничеству с Государственной думой и Государственным советом. Рескрипт гласил: «Благожелательное, прямое и достойное отношение к законодательным установлениям Я ставлю в непрременную обязанность призванных Мною к государственному служению лиц»⁴.

12 (25) января 1917 г. император приказал образовать, в соответствии с приказом по армии и флоту от 15 (28) декабря 1916 г., Особое совещание по Польше под председательством главы правительства с участием министров – военного, внутренних дел, иностранных дел, финансов, исполняющего обязанности начальника штаба Ставки, председателей законодательных учреждений, государственного секретаря, а также статс-секретаря Горемыкина и гофмейстера Сазонова⁵. Голицын, обаятельный в общении и имевший репутацию доброго и безвольного человека, менее всего подходил на роль человека, способного решать подобного рода задачи. Сам он рассматривал свое назначение как временную меру и даже не торопился переезжать на полагавшуюся ему казенную квартиру⁶. Появившись в Думе, глава правительства даже не принял поздравления от своего старого друга – члена фракции

октябристов. «У меня осталось впечатление, – вспоминал граф Э. П. Беннингсен, – что уже напряженное тогда в Петрограде положение меньше беспокоило его, чем то, что о нем будет сказано в этот день в Думе»⁷.

Серьезные и ожидаемые изменения произошли и в Военном министерстве. 3 (16) января 1917 г. Шуваев был заменен генералом М. А. Беляевым⁸. В лагере оппозиции не скрывали своего злорадства. Их идеалом по-прежнему оставался предшественник Шуваева. «Выполнить чрезвычайные во время войны задания генералу Шуваеву не удалось, – сообщало «Утро России». – Стать “министром снабжения” мог генерал Поливанов, преемнику его эта роль оказалась не по плечу»⁹. Естественно, что при этом особо подчеркивалось, что, хотя отношение Шуваева к общественным организациям не было враждебным, но оно было не столь теплым, как те могли ожидать¹⁰.

Преемник Шуваева был вызван с румынского фронта, где он представлял русскую армию при короле Фердинанде. Что касается Беляева, то он, как и многие русские генштабисты того времени, был связан, прежде всего, со штабной службой, то есть был по преимуществу военным канцеляристом. Перед войной он был одним из помощников начальника Генерального штаба, во время войны служил представителем русской армии при Фердинанде Румынском, имел репутацию талантливого, исполнительного, трудолюбивого и аккуратного кабинетного работника¹¹, то есть имел те качества, которые хотел бы видеть в своем министре император. Оппозиция также нашла необходимым отметить, что Беляев имеет «опыт чисто канцелярского характера» и является специалистом по выполнению заранее выработанных схем. Все это, казалось, свидетельствовало о полной несамостоятельности генерала, но... Определенные надежды возлагались на него и в либеральном лагере. Особое внимание было обращено на то, что Беляев служил помощником военного министра при Поливанове и оставил эту должность после ухода своего начальника¹².

Отставка Шуваева сопровождалась знаками монаршего внимания. В тот же день на имя генерала был дан Высочайший рескрипт, под которым к официальному «неизменно благосклонный» император собственной рукой добавил «и искренно благодарный». Рескрипт гласил: «Благодаря неусыпным трудам вашим, первостепенной сложности вопрос снабжения и продовольствия армии находится в настоящее время на должной высоте. Считаю для Себя приятным долгом выразить вам сердечную благодарность за плодотворные труды ваши, назначаю вас членом Государственного совета, в коем ваша опытность и знания дадут вам возможность и впредь сотрудничать в делах государственных и на благо Престола и Родины»¹³. Тем не менее контекст этой отставки был достаточно очевиден и создавал неблагоприятное впечатление.

Оба назначения – и Голицына, и Беляева – общественное мнение связало с усилением влияния императрицы¹⁴. А. И. Верховский, так же, как и все либералы, связывавший всех своих противников с именем Распутина, описал Беляева следующим образом: «Это был еще нестарый генерал лет сорока пяти. Между собой офицеры называли его “мертвой головой”. И действительно, его череп, плотно обтянутый сухой кожей, редкие волосы, глубоко сидевшие в глазных впадинах глаза невольно напоминали череп мертвеца. Но в глазах Беляева светилась своеобразная жизнь, чувствовался умный и хищный зверь»¹⁵.

Это был сильный человек с задатками хорошего организатора, который должен был стать эффективным преемником Шуваева. 7 (20) января 1917 г. он представил императору свой первый доклад по министерству¹⁶. Так же, как и его предшественник, Беляев имел опыт сотрудничества с общественными организациями и не намерен был отказываться от использования их возможностей. Более того, почти сразу же после вступления в должность он заявил, что считает совместную работу с Земгором и ЦВПК необходимой¹⁷. Однако это

ему не помогло: Беляев попал под критику либералов сразу же после своего назначения. Министр попросту не успел добиться сколько-нибудь значительных результатов.

Планы дворцового переворота открыто обсуждались в столице, и некоторые из участников заговора, предполагаемого или реального, обсуждали его перспективы даже с иностранными дипломатами¹⁸. Представитель британской военной разведки в Петрограде подполковник Самуэль Хор 20 января 1917 г. отправил в Лондон свой анализ сложившейся в России ситуации и возможных выходов из нее: «По моему мнению, возможны три варианта развития событий. Дума или армия могут провозгласить Временное правительство. Я сам не думаю, что это произойдет, хотя эти события гораздо ближе, чем можно себе представить (подчеркнуто мной. – А. О.). Во-вторых, император может отступить, как он отступил в 1906 году, когда была установлена Дума. В-третьих, все может продолжать дрейф от плохого к худшему, что и происходит сейчас. Вторая и третья альтернатива кажутся мне наиболее возможными, и из этих двух, по моему мнению, наиболее вероятной является третья»¹⁹.

Английскому разведчику вторит русский офицер, тесно связанный с кружком Гучкова: «Город был полон слухов о заговорах, о готовящемся восстании. Шло брожение в гарнизоне Петрограда. Недавнее убийство

Распутина явно говорило, что надвигаются серьезные события»²⁰. Особенностью сложившейся ситуации Хор считал усиление влияния армии, к лидерам которой впервые за время войны обращаются с предложениями активизации своей позиции деятели общественного движения как частным образом, так и через различные организации. Этот анализ хорошо соотносится с оценкой политического положения в России в конце 1916 – начале 1917 г., данной генералом В. Н. Воейковым. Он перечисляет пять центров «революционного брожения», которые я бы предпочел назвать центрами политической оппозиции: 1) Государственная дума во главе с М. В. Родзянко; 2) Земский союз во главе с князем Г. Е. Львовым; 3) Городской союз во главе с М. В. Челноковым; 4) Военно-промышленный комитет во главе с А. И. Гучковым (необходимо отметить, что в Англии эта фигура была хорошо известна: «Таймс» еще в 1915 г. называл его «русским Ллойд-Джорджем» и сравнивал ВПК с Министерством боеприпасов); 5) Ставка во главе с М. В. Алексеевым²¹. Бывший начальник ГУГШ и доверенное лицо Алексеева генерал Палицын также был склонен возлагать часть вины за случившееся на Государственную думу, Совет и Генеральный штаб, которые, на его взгляд, совершили массу непростительных ошибок²². Представляется, что лидер ВПК действовал довольно осознанно и последовательно.

Гучков имел все основания быть недовольным: правительство неизменно сокращало финансирование ВПК, не справлявшегося со взятыми заказами. Если с середины 1915 до 1 февраля 1916 г., то есть за 8 месяцев, механический отдел ВПК получил заказов на 129 млн руб., то за 12 месяцев, с 1 февраля 1916 по 1 февраля 1917 г., сумма заказов этого отдела составила только 41 млн руб. Чем хуже шли дела у комитетов, тем агрессивнее становились их требования смены политического курса и «ответственного министерства»²³. В первом номере печатного органа ЦВПК за 1917 г. была опубликована статья «Итоги деятельности военно-промышленных комитетов за 1916 г.», в которой утверждалось, что работа идет очень успешно и была бы гораздо более успешной, если бы ее не тормозила бюрократия. Автор отчета К. Клопотов ставил под вопрос устоявшуюся уже тогда цифру выполненных комитетами заказов – 2–3% от общего объема – и утверждал, что она гораздо выше – от 50 до 100 %. Вывод был очевиден: правительство мешает мобилизации русской промышленности²⁴. Очередной виток борьбы Гучкова за ее интересы происходил на фоне забастовочной активности в столице, основной причиной которых сам ЦВПК склонен был считать... слухи²⁵. Минский губернатор князь В. А. Друцкой-Соколинский, приехавший в столицу

4 (17) декабря 1916 г. на праздник училища правоведения был шокирован атмосферой и настроениями Петрограда. «Впервые я ощутил, – вспоминал он, – возможность катастрофы. Войной в Питере буквально никто не интересовался. Все были утомлены сверх меры. Все обмякли, и все на почве экономических затруднений и продовольственных лишений. Все роптали, все негодовали, и, главное, все сплетничали и все злословили»²⁶.

В ноябре 1916 г., когда после скандалов начала месяца был объявлен двухнедельный перерыв в заседаниях Думы, по фабрикам и заводам Петрограда распространялся проект резолюции с требованиями создания правительства «спасения страны», опирающегося на Думу. Родзянко посетили делегации Путиловского, Обуховского, Металлического и некоторых других заводов с приветствиями в адрес Думы²⁷. 14 (27) декабря 1916 г. на заседание ЦВПК пришел представитель градоначальника, сопровождаемый приставом. Они намеревались присутствовать при работе общего собрания комитета, что вызвало бурные протесты. Через три дня А. И. Коновалов озвучил их с думской трибуны: «Я вас спрашиваю: какой же смысл имело по отношению к центральному комитету применение закона 10 сентября, дающее право министру внутренних дел командировать своих агентов не только в общие собрания, но и в исполнительные органы, комитет и бюро (голос слева: *обнаглели*). Когда представитель власти явился в собрание 14 декабря, собрание не нашло возможным продолжать занятие при создавшихся условиях. Собрание справедливо усмотрело, что в данном случае командировка лица от министра внутренних дел или градоначальника есть не более не менее как акт вызова, диктуемый недоверием к общественным организациям. Собрание выразило свой негодующий протест по поводу проявления властью новых форм насилия, глумления и издевательства над общественными организациями, все силы свои направляющими на святое дело помощи армии»²⁸.

Коновалов действовал в стиле своих товарищей по борьбе: Львов и Челноков в июле 1916 г. протестовали против запрещения съездов Земского и Городского союзов, заявляя о том, что такие запреты, прежде всего, ставят под угрозу выполнение военных заказов. Тогда они просили о разрешении собраний союзов для обсуждения проблем, связанных с их работой. В сентябре 1916 г. газета Коновалова активно поддержала этот маневр²⁹. Через несколько месяцев он начал осуществляться. В начале декабря 1916 г. в Москве в особняке князя П. Д. Долгорукова должен был состояться съезд городских и земских деятелей. 4 (17) декабря московские военные и полицейские власти предупредили его организаторов о запрете этого собрания. 8 (21) декабря союзы вновь обратились за разрешением к командующему Московским военным округом генералу И. И. Мрозовскому и после очередного отказа решили собраться явочным порядком³⁰. Совершенно очевидно, что эти собрания должны были санкционировать принятое ЦК кадетской партии в этом доме ранее решение относительно Львова как потенциального главы будущего правительства³¹.

Львов и Челноков обещали, что съезды будут носить закрытый и деловой характер, но, весьма вероятно, помимо их воли съезды вынесут резкие постановления. Отложить проведение съездов они, по собственному признанию, были бессильны: на созыве настаивали первичные организации. Трудно не согласиться со следующим утверждением современного исследователя: «Как можно быть “бессильными” и в то же время гарантировать деловой характер съездов? Лидеры союзов, видимо, не раскрывали карты перед градоначальником (московским. – А. О.)»³². Львов заготовил речь, может быть, впервые не разбирая слов и выражений. «Страна жаждет полного обновления и перемены самого духа власти и приемов управления. Куда же ведет нас наша путевая звезда, – писал он, – наш долг, долг истинных сынов родины? Когда историческая судьба призывает весь народ к государственной работе, а власть стала совершенно чуждой интересам народа, тогда ответственность за судьбу родины должен взять на себя сам народ. В такие роковые минуты нечего искать, на кого возложить

ответственность, а надо принимать ее на самих себя... Оставьте дальнейшие попытки наладить совместную работу с настоящей властью! – они обречены на неуспех, они только отделяют нас от цели. Не предавайтесь иллюзиям! Отвернитесь от призраков! Власти нет, ибо в действительности правительство не имеет ее и не руководит страной. Безответственное не только перед страной и Думой, но и перед монархом, оно преступно стремится возложить на него, монарха, всю ответственность за управление, подвергая тем страну угрозе государственного переворота. Стране нужен монарх, охраняемый ответственным перед страной и Думой

правительством (подчеркнуто мной. – А. О.)»³³.

Легко заметить, что подготавливаемое именно Львовым «резкое постановление» содержало как резкие угрозы в адрес правительства, так и программу государственного переустройства, весьма близкую настроениям либеральной оппозиции в первые дни февральских событий 1917 г. Последнее не удивительно, так как именно в это время, по свидетельству П. Н. Милюкова, данному 4 (17) августа 1917 г., «представители земского и городского союзов, военно-промышленного комитета и члены блока («Прогрессивного». – А. О.) вступили друг с другом в сношения, на предмет решения вопроса, что делать, если произойдет какое-нибудь крушение, какой-нибудь переворот, как устроить, чтобы страна немедленно получила власть, которую ей нужно. В это время, в этих предварительных переговорах и было намечено правительство, которое явилось в результате переворота 27 февраля. Назначен был, как председатель совета министров, кн. Львов, затем частью намечались и другие участники кабинета. Тогда же было намечено регентство Михаила Александровича при наследии Алексея. Мы не имели представления о том, как, в каких формах произойдет возможная перемена, но на всякий случай мы намечали такую возможность»³⁴. Был создан и организационный центр подготовки переворота. Первоначально в его состав вошли А. И. Гучков, М. И. Терещенко и Н. В. Некрасов, позже к ним присоединились А. И. Коновалов и А. Ф. Керенский. Эта пятерка установила контакты с социалистическими организациями и попыталась выйти на военных³⁵. Реальные действия либеральной оппозиции свидетельствуют о том, что формы будущего переворота обсуждались, но, конечно, не предвиделись его последствия.

Съезды были запрещены, но инициативная группа из 59 земских представителей от 22 губерний собралась для подготовки резолюции на основе все той же речи Львова. Когда к все же собравшимся делегатам явилась полиция, они были вынуждены разойтись³⁶. Тем не менее земцы успели принять ряд резолюций резко антиправительственного характера, объявлявших, что отечество в опасности. Их тексты призывали к действию: «Опираясь на организующийся народ, Государственная Дума должна непосредственно и мужественно довести начатое великое дело борьбы с нынешним политическим режимом до конца. Ни компромиссов, ни уступок... Пусть знает вся армия, что вся страна готова сплотиться для того, чтобы вывести Россию из переживаемого ею гибельного кризиса»³⁷. Глава Земского союза провожал расходившихся криками «Верьте, мы победим!». Эти возгласы сопровождались аплодисментами. «Протокол составлен, – вспоминал сотрудник Львова. – Присутствующие медленно покидают зал»³⁸. 14 (27) декабря Съезд областных представителей ВПК присоединился к этим резолюциям и призвал общественные организации подняться на борьбу за «ответственное министерство». Собравшиеся обратились и к армии: «В единении усилий страны и армии лежит залог и победы над общим врагом, и скорейшего водворения в России требуемого всем народом измененного политического строя»³⁹. Рабочая делегация съезда пошла дальше и потребовала использовать создавшееся положение для «ускорения ликвидации войны в интересах международного пролетариата», создания Временного правитель-

ства, которое смогло бы обеспечить справедливый мир без аннексий и контрибуций⁴⁰. Представители ВПК также отказались работать в присутствии полиции.

Коновалов не мог пройти мимо этих событий. Земгор и ЦВПК получили общего защитника, который заявил в Думе: «Власть бравирует своим недоброжелательством к Думе, к народу и к общественным организациям. Неустанно ведя с ними борьбу, власть прибегает к таким приемам самоуправства, к таким насилиям, которые должны быть безусловно заклеямены. Разве, господа, в Москве не произошел на днях новый акт трагедии русской жизни? Власть, опираясь на голую силу, не стыдясь обнаружить перед всей страной все убожество своего морального авторитета, чуть не со штыками разгоняет городских и земских деятелей, съехавшихся со всей России, готовых своим трудом, своей бескорыстной работой в патриотическом рвении исполнить свой долг граждан и патриотов перед армией и всей страной. Этот акт глумления над общественными силами России в момент величайшей борьбы дает нам новое свидетельство о полной отчужденности власти от народа, о полной к нему враждебности и ставит перед нами во весь рост грандиозную проблему власти»⁴¹.

С думской трибуны Коновалов от имени Съезда областных ВПК призвал довести до конца борьбу за ответственное министерство. На мой взгляд, этот призыв был гораздо более серьезен: «В грозный час переживаемых испытаний должно быть покончено с политической системой, грозящей создать неисчислимые бедствия для страны. Безответственная власть дезорганизует, ослабляет, обессиливает страну. Долг Государственной думы – неуклонно, настойчиво вести борьбу с действующим режимом. Пусть будет вестись эта борьба до конца, пусть ведется она неустанно, и пусть не будет никаких иллюзий, никаких уступок, никаких компромиссов на этом пути. Задача страны облегчить Государственной думе эту ее борьбу. В стране нет колебаний, пусть не будет недомолвок в Думе и чем шире будет вестись Думой эта борьба, тем больше страна поддержит Государственную думу»⁴². Один из думцев вспоминал: «...надо отметить удивительную безвольность власти в самые последние, перед революцией дни, а также непонимание того, что создавшееся положение требует принятия каких-то новых нешаблонных мер»⁴³. Строго говоря, оппозиция также действовала шаблонно.

Среди приехавших для встречи в Москве был и председатель Кавказского отдела Земгора городской голова Тифлиса А. И. Хатисов. Председатель съезда князь Г. Е. Львов пригласил к себе на частную встречу нескольких видных деятелей Земгора на совещание. Там он заявил, что выход из кризиса возможен только с помощью дворцового переворота. Для подтверждения своей позиции князь показал письменное заключение с подписями многих видных земцев. Выступление Львова нашло понимание у Хатисова, и он согласился известить о позиции Земгора Николая Николаевича (младшего) и сообщить о его реакции в Петроград. При согласии должна была быть отправлена телеграмма «госпиталь открывается», в противном случае – «госпиталь не будет открыт». Вернувшись в Тифлис, Хатисов явился к великому князю с новогодними поздравлениями на 1917 г. и испросил личной аудиенции. В ходе последовавшей приватной беседы, исполняя поручение Г. Е. Львова, Хатисов сообщил Николаю Николаевичу (младшему), что многие политики считают дальнейшее пребывание императора у власти нежелательным и видят выход в переходе трона к великому князю. Предполагалось организовать отречение Николая II за себя и наследника. Николай Николаевич (младший) взял на размышление несколько дней. 3 (15) января 1917 г. он вновь принял Хатисова, на этот раз в присутствии генерала Н. Н. Янушкевича, и отказался поддержать переворот, сославшись на то, что не верит в поддержку армии, так как смену царя не поймут, как он выразился, «солдат» и «мужик». В Петроград ушла телеграмма о невозможности «открыть госпиталь», и там перешли к плану установления регентства во главе с вели-

ким князем Михаилом Александровичем. О переговорах, состоявшихся в Тифлисе, Николай Николаевич императору не сообщил⁴⁴.

Попытки правительства перехватить инициативу

В Петербурге напряженные настроения не успокаивались, – вспоминал один из видных кадетов. – В Военно-промышленном комитете говорили о рабочем брожении. Правительство подливало масла в огонь арестами¹. Что же происходило на самом деле? Участники съездов общественных организаций и представители либеральной думской оппозиции активно распространяли по стране листовки с принятыми в Петрограде декларациями². В Петрограде распространялись слухи, что новый министр внутренних дел готовит городскую полицию к провокации в день открытия сессии Думы и даже вооружает городских пулеметами. Численность этого грозного оружия, якобы поступившего в столицу, постоянно росла в рассказах: «пятьсот, шестьсот, тысяча»³.

На самом деле удар готовился на другом направлении. А. Д. Протопопов смотрел на рабочие группы при ВПК как на связующее звено между революционно настроенной частью рабочих и оппозицией, то есть «Прогрессивным блоком» с конституционными демократами во главе. Эту связь он хотел разрушить, тем более он имел исчерпывающую информацию о том, какой вклад в организацию забастовочного движения внесли эти организации. Теперь министр внутренних дел хотел арестами предупредить новые забастовки и политические шествия к Думе⁴.

Чем дальше, тем больше он становился фигурой, вызывающей всеобщее раздражение либерального лагеря. Поскольку общественное мнение было соответствующим образом организовано, то эти чувства постепенно начали воплощаться в действия. 30 декабря 1916 г. (12 января 1917 г.) Протопопов был исключен из членов «Союза 17 октября»⁵. Через два дня, 2 (15) января 1917 г., при встрече на новогоднем приеме в Царском Селе Родзянко устроил Протопопову сцену. Увидев своего бывшего заместителя, глава

Думы отказал ему в рукопожатии и сделал так, чтобы об этом услышали все находившиеся рядом. Немедленно поползли слухи о дуэли⁶. Вскоре выяснилось, что она не состоится. Разумеется, виной были некие высшие инстанции, заявившее о ее нежелательности: храбрость Родзянко не могла быть поставлена под сомнение⁷. Безусловно, эта история не украшала Протопопова, как и новости о том, что его постоянно хвалит германская печать, которая в то же самое время ругает Сазонова⁸.

Причиной этих атак был, как представляется, тот факт, что министр не сидел сложа руки. В результате совещания Протопопова с начальником Петроградского гарнизона генерал-лейтенантом С. С. Хабаловым было принято решение обратиться к главе ЦВПК с официальным письмом о деятельности рабочей группы с предоставлением трехдневного срока на ответ⁹. 3 (16) января 1917 г. Хабалов действительно обратился к Гучкову с официальным письмом. «По дошедшим до меня сведениям, – сообщал генерал главе ЦВПК, – рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета устраивала за истекшие месяцы собрания, на которых участвовали не только члены этой группы, но и представители различных касс и рабочих кооперативов и иные совершенно непричастные к военно-промышленному комитету лица, причем на означенных собраниях обсуждался ряд требований революционно-политического характера, как, например, о немедленном заключении мира, о ниспровержении настоящего правительства и об осуществлении программных требований социал-демократической партии»¹⁰.

Ссылаясь на закон 1 (14) сентября 1916 г. о контроле над деятельностью общественных организаций, Хабалов требовал впредь уведомлять о времени и месте заседаний рабочей

группы для того, чтобы на них мог присутствовать представитель власти¹¹. Ответа в определенный срок не последовало¹². Через печать Гучков заявил о том, что получил письмо Хабалова только 6 (19) января, в то время как уже в 20:00 5 (18) января в помещение ЦВПК прибыл представитель петроградского градоначальника. Застать кого-то не удалось, хотя здание предварительно было оцеплено полицией. Помещение, где проходили заседания рабочей группы, оказалось пустым¹³. Это было довольно странным совпадением, отнюдь не свидетельствовавшим в пользу искренности слов главы ЦВПК.

Между тем претензии Хабалова были, мягко говоря, небеспочвенными. Собрания рабочей группы на самом деле уже превратились в публичные, некое подобие будущего Петросовета, в котором члены группы были представлены в меньшинстве¹⁴. Власти имели надежный источник. «Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета, – отмечал на допросе 26 июня 1917 г. начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор К. И. Глобачев, – освещалась охранным отделением главным образом другим сотрудником, именно Лушуком, состоявшим в секретариате группы. Сведения Лушука были более ценны, чем сведения Абросимова, потому что через его руки проходили в секретариате все сведения о деятельности группы, и, таким образом, Лушук давал охранному отделению документальные доказательства. Ликвидация группы, состоявшаяся в конце января текущего года, была предпринята на основании сведений, полученных от Лушука, а не от Абросимова. Поводом для нее послужило воззвание рабочей группы к рабочим Петрограда, отпечатанное, кажется, на mimeографе, с призывом к выступлению 14 февраля с целью ниспровержения существующего государственного строя. Рабочая группа предполагала предложить Государственной думе, низвергнув правительство, опереться в дальнейшем в своей деятельности на рабочих. Экземпляр такого воззвания и сведения о предполагаемом выступлении рабочих были получены охранным отделением от Лушука»¹⁵.

Сам Хабалов позже утверждал, что, по имевшейся у него информации, на собраниях рабочей группы предложено было продовольственный вопрос, а на самом деле – «вопрос об организации беспорядков»¹⁶. Требования начальника гарнизона к ЦВПК не были жесткими, а его терпение – удивительным. На мой взгляд, оно свидетельствовало лишь о том, что 59-летний генерал плохо подходил к занимаемой должности. Армии он был почти неизвестен, общественности – тоже, к роли, уготованной ему историей, подготовлен слабо¹⁷. Последний градоначальник Петрограда генерал-майор А. П. Балк дал ему исключительно верную характеристику: доступный, работающий, спокойный, не лишенный административного опыта, но «тиходум», и «без всякой способности импонировать на своих подчиненных и, главное, распоряжаться войсками»¹⁸.

Гораздо лучше к этой должности подходил предшественник Хабалова – инженер-генерал князь Н. Е. Туманов. 15 (28) июня 1916 года он был замещен на посту главного начальника Петроградского военного округа Хабаловым и переведен на должность начальника снабжения армий Западного фронта¹⁹. Туманов был решительным и жестким человеком, хорошо знакомым с обстановкой в столице. Его симпатии и антипатии были ясны и понятны. Когда в конце 1916 г. приехавший в штаб Западного фронта Родзянко попытался устыдить генерала репрессиями против рабочих на Путиловском заводе, Туманов публично заявил в ответ, что жалеет лишь об одном – что не успел повесить некоторых членов Государственной думы и самого Родзянко²⁰. Уход такого генерала был серьезной потерей для правительства. Хабалов слабо соответствовал требованиям текущего момента. В 1886 г. он окончил Академию Генерального штаба, до 1900 г. служил в различных штабах в Петербурге, потом в военно-учебных заведениях. С января 1914 по июнь 1916 г. Хабалов был военным губернатором Уральской области и наказным атаманом Уральского казачьего войска²¹. Свое назна-

чение он принял без какой-либо радости, а на постоянное вмешательство Рузского в командование смотрел как на наказание²².

О настоящих настроениях, которые царили среди руководителей некоторых общественных организаций и членов Государственной думы, можно судить по следующей записи в дневнике великого князя Николая Михайловича, оставленной 4 (17) января после беседы с В. В. Шульгиным и М. И. Терещенко: «Какое облегчение дышать в другой атмосфере! Здесь другие люди, тоже возбужденные, но не эстеты, не дегенераты, а люди. Шульгин – вот он бы пригодился, но, конечно, не для убийства, а для переворота! Другой тоже цельный тип, Терещенко, молодой, богатейший, но глубокий патриот, верит в будущее, верит твердо, уверен, что через месяц все лопнет, что я вернусь из ссылки раньше времени (31 декабря 1916 (13 января 1917 г.) он был отправлен в ссылку в свое имение под Киевом Грушевку). Дай то Бог! Его устами да мед пить. Но какая злоба у этих двух людей к режиму, к ней, к нему, и они это вовсе не скрывают, и оба в один голос говорят о возможности цареубийства!»²³

7 (20) января 1917 г. была арестована рабочая группа Московского ВПК. Формально она собралась для обсуждения вопроса о фабрично-заводских старостах. В момент начала заседания появилась полиция и, несмотря на возражения руководства комитета, арестовала восемь членов группы и двух присутствовавших на заседании выборщиков²⁴. Вслед за этим немедленно последовали протесты и требования освободить арестованных со стороны руководителей комитета²⁵. Члены рабочей группы Одесского ВПК в знак протеста отказались продолжать свою работу. Через два дня арестованные были освобождены²⁶. Весьма интересным совпадением было то, что именно в день ареста московской рабочей группы Челноков счел необходимым обратиться к правительству с открытой телеграммой, в которой заявил о том, что в город поступает недостаточное количество хлеба, запасов муки в Москве, по его словам, оставалось на 5 дней, после чего «Москву ожидает настоящий голод». Городской голова просил принять меры²⁷.

Неудивительно, что подобные заявления вызвали у населения панику и повышенный спрос на продовольствие. На улицах появились очереди в булочные. 11 (24) января московский градоначальник генерал-майор В. Н. Шебеко обратился к москвичам с разъяснением ситуации. «Ложная тревога ни на чем не основана», – заверял он. Как оказалось, запасы пшеничной (792 тыс. пудов) и ржаной (478 тыс. пудов) муки в Москве позволяли обеспечить снабжение ее хлебом в течение трех недель, даже если не будет никакого подвоза. Шебеко призывал жителей города успокоиться²⁸. Генерал не ограничился словами. Им были приняты и другие меры: он лично инспектировал хлебную торговлю. Хозяева булочных, которые прекращали торговлю при наличии муки или вывешивали ложные объявления об ее отсутствии, подвергались штрафам от 500 до 1000 рублей²⁹.

В начале февраля в связи с метелями и морозами, усложнившими обстановку на железной дороге, положение со снабжением Москвы мукой вновь ухудшилось. При наличии около 2100 вагонов с мукой, рассредоточенных по разным станциям к востоку от Среднего Поволжья, в первопрестольную столицу удавалось ежедневно перебрасывать по 17 вагонов из необходимого минимума в 35 вагонов в день. Недостаток покрывался из запасов интендантства и продовольственного отдела³⁰. Впрочем, к концу месяца обстановка разрядилась: город стал ежедневно получать от 90 до 100 вагонов муки (преимущественно пшеничной), что позволило резко улучшить его снабжение хлебом³¹. В немалой степени снятию ажиотажа способствовало введение в Москве 20 февраля (5 марта) 1917 г. карточной системы распределения хлеба (по карточкам он распределялся по твердым ценам)³².

В целом можно отметить, что, несмотря на сложное положение, обстановка в Москве все же несколько разрядилась. В Петрограде с начала года она оставалась неизменно напря-

женной. 11 (24) января 1917 г. К. А. Гвоздев на заседании бюро ЦВПК заявил о том, что в условиях, предлагаемых властями, рабочая группа работать не может³³. На следующий день под председательством Гучкова состоялось «многолюдное» заседание ЦВПК, где в ходе обсуждения требования Хабалова подверглись жесткой критике и было принято решение ответить на них протестом³⁴. При этом в газетах было заявлено о том, что 12 (25) января ЦВПК принял требование петроградской полиции об уведомлении ее относительно времени, места и программы заседаний рабочей группы³⁵.

13 (26) января Гучков ответил наконец на письмо Хабалова. Ответ был почти откровенно издевательским. Председатель ЦВПК заявлял, что он лично крайне отрицательно относится к закону 1 (14) сентября 1916 г., а так как указанный закон не возлагает на общественные организации обязательства сообщать о своих собраниях в администрацию, то ЦВПК не будет извещать о времени, месте и программе заседаний рабочей группы. Более того, Гучков считал возможным прибегнуть к откровенной демагогии, обвиняя правительство в предвзятом отношении к общественным организациям. По его мнению, такое отношение, «диктуемое соображениями, чуждыми самым насущным в данное время интересам Родины, может принести стране непоправимый вред»³⁶.

Вечером 17 (30) января в здание комитета явился пристав Литейной части с двумя чиновниками. Они удостоверились в том, что в помещении рабочей группы нет собрания, и удалились³⁷. На следующий день сюда вновь прибыли представители администрации. Они должны были присутствовать на заседании рабочей группы, однако ее секретарь заявил, что собрания нет и оно не планировалось. Вновь повторилась та же история: убедившись, что в помещении рабочей группы никого нет, чиновники удалились³⁸.

19 января (1 февраля) Хабалов вновь отправил Гучкову письмо, пытаясь доказать необходимость выполнения закона. Генерал призывал председателя ЦВПК войти в суть дела, так как рабочая группа обсуждает вопросы в резко революционной тональности и начальник гарнизона просто обязан принять меры. Поэтому генерал предупреждал: или ЦВПК будет давать требуемую информацию, или военные власти не допустят более собраний рабочей группы³⁹. Ответа не последовало. На следующий день во время заседания рабочей группы ее помещение вновь посетили частный пристав и чиновник для особых поручений при градоначальнике. Явившемуся товарищу председателя ЦВПК М. И. Терещенко был задан вопрос о том, на каком основании группа ведет работу, не известив об этом предварительно власти. Терещенко прибегнул к отговорке. Он заявил, что рабочая группа подобных указаний от бюро ЦВПК не получала, и попросил К. А. Гвоздева закрыть собрание во избежание недоразумений. Представители власти составили протокол⁴⁰. Эта история немедленно была отражена в прессе⁴¹, а 21 января (3 февраля) работа рабочей группы возобновилась в обычном режиме⁴².

Именно в это время газеты либерального направления единодушно выступают с публикациями письма графа Д. А. Олсуфьева и разъяснительного письма Протопопова в адрес предводителей губернского дворянства, собранных в Москве в августе 1916 г.⁴³ Исчерпанная и почти забытая история превращается в обвинение в адрес министра внутренних дел. Лучшим направлением для дискредитации власти, естественно, были опробованные на практике слухи о предательстве, лучшим поводом для этих слухов – встреча Протопопова с Варбургом в Стокгольме.

Принципиально важным вопросом было, по мнению Олсуфьева, то, что Варбург не являлся официальным представителем враждебного государства: «Вообще ни о каких германских дипломатах и помина не было, и беседа имела совершенно частный характер. Я настаиваю на этих обстоятельствах потому, что, как мне думается, все то преувеличенное

внимание, которое вызвала в наших официальных кругах и обществе встреча А. Д. Протопопова с Варбургом объясняется несколько ее внешней официальной стороной. Всех интересовал вопрос, кто таков был сам Варбург, по чьему полномочию он выступал и при каких условиях происходил разговор. Действительно, беседа гамбургского банкира за чайным столом в небольшом кружке русских людей с формальной стороны не имеет больше значения, чем какая-нибудь случайная встреча с немцем в вагоне или беседа с военнопленным»⁴⁴.

Полное отсутствие каких-либо доказательств предательства, естественно, ни о чем не свидетельствовало. Более того, сделанные Олсуфьевым разъяснения, фактически подтверждавшие правоту слов Протопопова, но отрицавшие причастность к организации встречи русского посланника в Швеции (который был информирован о ее подготовке⁴⁵), были перетолкованы самым чудесным образом. 20 января (2 февраля) Милюков так прокомментировал их: «Для меня разоблачения гр. Д.А. Олсуфьева не были новостью, т. к. я сам имел случай указывать на “неточное” изложение А. Д. Протопопова и в частности на странность его ссылки, что будто бы наш посланник в Стокгольме г. Неклюдов просил его побеседовать с Варбургом, но, я должен признаться, я не ожидал, что на долю фантазии А. Д. Протопопова приходится так много, как это видно из письма Д. А. Олсуфьева»⁴⁶.

Арест рабочей группы ЦВПК

Итак, предатели и реакционеры демонстрировали готовность к исполнению агрессивных замыслов, их противники изображали покорность. 20 января (2 февраля) 1917 г. Московский ВПК заявил о своем присоединении к решению ЦВПК от 12 (25) января¹. Внешне могло показаться, что комитеты готовы были капитулировать. 23 января (5 февраля) 1917 г. председатель ЦВПК «разрешил к размножению» 4 документа рабочей группы: 1) Об административных преследованиях рабочих групп в Петрограде и других городах; 2) О переписке с Хабаловым; 3) Анкету о распространении института фабричных старост; 4) Анкету о сборах среди рабочих подарков для солдат². На самом деле, после массовых выступлений рабочих столицы в годовщину событий 9 (22) января 1917 г. рабочая группа ЦВПК призвала рабочих к однодневной забастовке в день открытия Думы, 14 февраля. Предполагалось организовать шествие к Таврическому дворцу, а на демонстрации у здания Думы потребовать создания правительства «народного спасения»³.

24 января (6 февраля) группа распространила среди рабочих прокламацию со следующим призывом: «Рабочему классу и демократии нельзя больше ждать. Каждый пропущенный день опасен. Решительное устранение самодержавного режима и полная демократизация страны являются теперь задачей, требующей неотложного разрешения, вопросом существования рабочего класса и демократии... К моменту открытия Думы мы должны быть готовы на общее организованное выступление. Пусть весь рабочий Петроград к открытию Думы, завод за заводом, район за районом, дружно двинется к Таврическому дворцу, чтобы там заявить основные требования рабочего класса и демократии. Вся страна и армия должны услышать голос рабочего класса. Только учреждение Временного правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ, сможет вывести страну из тупика и губительной разрухи, укрепить в ней политическую свободу и привести к миру на приемлемых как для российского пролетариата, так и для пролетариата других стран условиях»⁴.

«Вплоть до начала февраля, – писала 5 (18) марта в своем первом номере восстановленная «Правда», – атмосфера стояла какая-то особенно нудная, душная, – уж подлинно, как перед грозой. Некуда было податься, почти нельзя было дышать. Невероятно возрастающая дороговизна, отсутствие то одного, то другого необходимого продукта страшно возбуждало массы. По заводам стали распространяться листки (без всякой подписи) с критикой политики государства и призывом к рабочим – направиться 14 февраля (день открытия Гос. думы) к Таврическому Дворцу с требованием Временного Правительства. На заводах стали устраиваться митинги, где выступали сторонники этого призыва – “гвоздевцы”. Передают, что именно в связи с этим была арестована “рабочая группа” при Центральном военном-промышленном комитете»⁵. Нельзя не отметить неплохую информированность большевистского органа, впрочем, она легко объяснима.

Впрочем, из происходившего никто и не делал особого секрета. Обстановка в Петрограде тем временем становилась все более сложной. Настроение в рабочих районах накалялось. Распространялись слухи о пулеметах, которые полиция устанавливает на чердаках и пожарных каланчах, о росте арестов среди рабочих активистов и т. д. Нарастала готовность к выступлению⁶. Увеличивалось количество стачек, начались столкновения с полицией. Генерал Глобачев представил министру внутренних дел доклад о действиях руководителей ЦВПК и рабочей группы и испросил разрешения на арест Гучкова, Коновалова и членов группы. Протопопов после колебаний согласился только на арест рабочей группы по ордерам военных властей⁷.

Со своей стороны, провоцируя власти на аресты, Гучков готовился представить рабочую группу как организацию, прежде всего заботящуюся о фронте и благе трудящихся. В ночь с 26 на 27 января (с 8 на 9 февраля) 1917 г. в помещении рабочей группы ЦВПК был произведен обыск, и в ту же ночь на своих квартирах было арестовано 10 из 11 ее членов. В ночь на 31 января (13 февраля) арестовали последнего из них⁸. «Арест рабочей группы произвел ошеломляющее впечатление на ЦВПК, – вспоминал генерал Глобачев, – и в особенности на Гучкова, у которого, как говорится, была выдернута скамейка из-под ног: связующее звено удалено и сразу обрывалась связь центра с рабочими кругами. Этого Гучков перенести не мог; всегда в высшей степени осторожный в своих замыслах, он в эту минуту потерял свое самообладание и, наряду с принятыми им мерами ходатайства об освобождении арестованных перед главнокомандующим Петроградского военного округа, рискнул на открытый призыв петроградских рабочих к протесту против якобы незаконного ареста народных избранников. По заводам и фабрикам рассылались об этом циркуляры ЦВПК за подписью его председателя А. И. Гучкова»⁹.

29 января (11 февраля) на заседании ЦВПК, где присутствовали представители партий-участниц «Прогрессивного блока» Гучков известил собравшихся об арестах. Он заявил о солидарности с политической деятельностью группы. Присутствовавший Вл. И. Гурко заявил о том, что к данному вопросу нельзя подходить только с юридической точки зрения. С протестом в защиту арестованных в Думе выступил А. И. Коновалов. Столичная общественность негодовала, эти настроения передавались и рабочим¹⁰. В газетах было помещено сообщение о том, что арестованный Гвоздев болеет¹¹. Следует отметить, что либеральная пресса заняла весьма двусмысленную позицию по вопросу о рабочих группах. С одной стороны, их стремились представить как совершенно необходимый инструмент для будущего послевоенного экономического возрождения России¹².

Еще более они были нужны для контроля над рабочим движением в настоящее время: «Стремление к объединению за последнее десятилетие стало, несомненно, лозунгом рабочих масс, но для того, чтобы эти стремления не приобретали агрессивного, а подчас, может быть, даже революционного характера, нельзя загонять это движение в подполье, нельзя “выемкою” выборных людей ликвидировать такое стихийное явление, как движение в рабочей среде»¹³. По мнению коноваловской газеты, рабочие группы ВПК вполне справлялись с задачей контроля над рабочим движением, ведя борьбу с дезорганизацией труда, являясь фактически инструментом мобилизации труда, без которой невозможна и мобилизация промышленности¹⁴.

Со своей стороны, руководители военно-промышленных комитетов делали все возможное для того, чтобы показать свою заботу о рабочих. 31 января (13 февраля) Гучков и Коновалов посетили главу правительства и в разговоре с ним попытались заступиться за арестованных. Голицын ответил отказом, сославшись на сообщение, сделанное в Совете министров Протопоповым¹⁵. Министр внутренних дел верил, что предпринятый с его санкции шаг является достаточной гарантией от возможных волнений, и был абсолютно спокоен. Значение ареста рабочей группы ЦВПК было явно переоценено властями¹⁶.

31 января (13 февраля) последовало официальное сообщение о причинах случившегося: «Образовавшаяся в ноябре 1915 года в Петрограде при Центральном военно-промышленном комитете рабочая группа избранных петроградскими рабочими уполномоченных, оказавшихся принадлежащими к революционным партиям, с самого начала открытия своей деятельности заняла обособленное в комитете положение и вместо того, чтобы посвятить свои силы делу обороны страны, стала обращаться в центральную организацию по подготовке и осуществлению рабочего движения в империи, поставив своей конечной целью пре-

вращение России в социал-демократическую республику. Подготовка рабочих масс, как это в настоящее время обнаружилось, велась последовательно, но настолько втайне, что если и можно было многое подозревать, то лишь о частном и второстепенном имелись положительные сведения. За последнее время участники сговора стали действовать смелее и настойчивее, в силу чего определились данные, уже не составляющие дальнейших сомнений в преступном и опасном характере организации»¹⁷.

4 (17) февраля «Русские ведомости» опубликовали переписку Хабалова и Гучкова по вопросу о рабочей группе, предшествовавшей ее аресту. Демонстративная оппозиционность руководителя ЦВПК стала широко известной¹⁸. 9 (22) февраля 1917 г. было проведено заседание ЦВПК, на котором обсуждался арест рабочей группы. Протокол заседания, опубликованный почти сразу же после Февральской революции, производит потрясающее впечатление. Очевидно, возбуждение было настолько сильным, что выступающие не очень следили за логикой, нервозность их речей постоянно увеличивалась. Руководитель рабочего отдела ЦВПК П. П. Козакевич начал с утверждения о том, что вся деятельность группы сводилась исключительно к защите прав рабочих, к созданию профсоюзов и т. п.¹⁹ Впрочем, удержаться в рамках защиты он не смог и вскоре сам перешел к наступлению.

Признав, что арестованные обсуждали вопрос о мире и занимались политическими вопросами, он заявил: «С точки зрения правительства политическая деятельность преступна, но с точки зрения нашего правительства политическими преступниками являются и все здесь присутствующие, поскольку они вмешиваются в политическое положение. Больше того, в этом преступлении повинна вся страна. И когда правительство ведет страну к гибели, рабочие не могут не вмешиваться в политику. Борьба ведется сейчас в России всеми общественными силами, всеми классами, и не принять участия в ней рабочие не могут»²⁰. Выступление завершилось призывом к Думе и всем общественным организациям: «...нельзя отдать рабочую группу на растерзание правительству, приведшему страну к ужасной внешней и внутренней катастрофе»²¹. Разумеется, этот призыв был встречен бурными аплодисментами, а при дальнейшем обсуждении действий властей вновь прозвучали милюковские слова «глупость или

измена»²².

На следующий день под председательством Гучкова состоялось «многолюдное заседание» ЦВПК, на котором руководитель комитетов изложил историю рабочей группы и рассказал о том, что руководство ЦВПК сделало для нее. Речь получила полную поддержку слушателей, а выступивший вслед за Гучковым председатель рабочей группы Московского ВПК А. А. Федоров заявил, что рабочие твердо выступают против «мира во что бы то ни стало», и призвал обратиться к общественным организациям, Думе и «ко всей стране» с запросом о судьбе рабочего представительства в военно-промышленных комитетах. Предложение Гучкова одобрить работу ЦВПК было принято с одобрением²³. Казалось, что мечта лидера октябристов о контроле сверху начала осуществляться на практике, несмотря на то, с каким трудом начиналось ее воплощение в жизнь.

Влияние рабочей группы на рабочих было все же немалым, и с ним должны были считаться и большевики, тем более что накануне февральских событий их позиции в столице были крайне слабыми. Попытки действовать самостоятельно и организовать выступление рабочих к 10 (23) февраля, то есть к очередной годовщине суда над депутатами-большевиками, успеха не имели²⁴. Накануне Милюков призвал рабочих отказаться от выступления и не выходить на улицы²⁵. Очевидно, сказала и продемонстрированная властями готовность к действиям. Еще 8 (21) февраля Хабалов обратился к рабочим столицы с воззванием. Генерал призывал их не поддаваться на призывы устроить демонстрацию в день открытия

думской сессии и оставаться на рабочих местах. «Берегите нашу общую Мать, нашу Родину – Россию, – гласил этот документ. – Тем же, кто останется глух к моему обращению, я напомню, что Петроград находится на военном положении и что всякая попытка насилия и сопротивления законным властям будет немедленно прекращена силой оружия»²⁶.

Обращение Милюкова последовало за этим воззванием. Призывы к выступлению лидер кадетов назвал провокацией «темных сил». Коварная реакция только и ждала удобного случая, чтобы расправиться с либералами, но те, по его свидетельству, оставались начеку: «Общественной России известно, какие именно темные силы борются у нас с идеей народного представительства, от каких именно организаций только что вышла пресловутая петиция о разгоне Государственной думы. Эти темные силы мы смело ставим в непосредственную связь с теми силами, которые рассылают сейчас по заводам и фабрикам агентов-провокаторов, подстрекающих под маской членов Государственной думы рабочих к выходу на улицу»²⁷.

Итак, к этим призывам, как убеждал Милюков, Дума не имела никакого отношения. Открестился от них и ЦВПК, благо на его заседании представитель рабочей группы Московского ВПК А. Ф. Федоров-Девяткин призвал воздержаться от эксцессов, вредных для дела обороны государства²⁸. Точно такую же позицию занял и Родзянко. По его мнению, заявление Хабалова не имело никаких оснований, никто не обращал к рабочим призывов выйти на улицу. Впрочем, по его мнению, русские рабочие и сами прекрасно понимали, что происходит: «Я глубоко убежден, что все русские рабочие всех заводов и предприятий настроены вполне патриотично, и поэтому все эти слухи и предположения мне кажутся совершенно невероятными»²⁹. Следовательно, власти не было никакой необходимости запугивать рабочих применением силы.

Демонстрация сорвалась, что, во всяком случае, не означало отказа от планов выступления. В искренность заверений Милюкова и Родзянко верится с трудом. Представляется, что можно доверять словам Гучкова, сказанным сразу же после февраля в Петрограде о ЦВПК, о его политике после ареста рабочей группы: «И вот таким образом мы, мирная, деловая, промышленная, хотя и военно-промышленная организация, вынуждены были включить в основной пункт нашей практической программы переворот, хотя бы и вооруженный»³⁰. В планы переворота были посвящены и представители Антанты в России. Для союзников вопрос о грядущей революции в России стоял довольно остро до донесения Хора от 20 января 1917 г. Тесные контакты с французским и британским посольствами в России оппозиция установила с осени 1915 г. В мае 1916 г., после того как вслед отставкой Поливанова выявилась новая линия в отношении финансирования общественных организаций, она впервые попыталась повлиять на власть через правительства и общественное мнение союзников³¹.

Контакты оппозиции с союзниками

Британский посол Бьюкенен поддерживал доверительные контакты с Милюковым и Гучковым, в Москве ту же работу возглавил вице-консул Р. Б. Локкарт. Активно участвовала в этом процессе и великокняжеская фронда во главе с Кириллом Владимировичем (его супруга Виктория Федоровна (Виктория-Мелита Кобург-Готская) была внучкой королевы Виктории и давно дружила с британским послом). На происходившие в России события британские дипломаты смотрели глазами русских либералов. Естественно, что их не могли не волновать разговоры о «немецкой партии», германофильстве императрицы и мифических планах заключения сепаратного мира¹. Не удивительно, что в ноябре 1916 г. на конференции в Шантильи среди английской военной делегации ходили разговоры о возможности детронизации Николая II². Берти отмечал, что французские официальные источники со второй половины августа 1916 г. предсказывали революцию в России, что вызывало закономерную обеспокоенность французских государственных деятелей (А. Бриан), боявшихся, что она начнется до окончания войны. 2 января 1917 г. во французских газетах была опубликована без каких-либо купюр скандальная речь Милюкова в Думе от 1 ноября 1916 г.³

Действия либеральной оппозиции, направленные на дискредитацию монархии, приводили к дискредитации страны. «В Лондоне относились к России с большим недоверием, – вспоминал русский представитель при Гранд Флите. – Виной этому была внутренняя политика России в связи с начинавшимся экономическим развалом, военной усталостью и другими явлениями. Многочисленные скандалы при дворе, усилившееся влияние Распутина и назначение Штюрмера премьер-министром усилили недоверие, и в январе 1917 года меня часто спрашивали, действительно ли Россия желает заключить сепаратный мир с Германией?»⁴

Информация о возможных политических потрясениях в России дошла и до ее противников. По свидетельству А. В. Неклюдова, русского посла в Швеции, в начале 1917 г. его посетил болгарский дипломат Ризов с целью зондажа на предмет возможного заключения мира. Ризов имел репутацию русофила, во всяком случае, до начала балканских войн⁵. На отказ Неклюдова обсуждать подобную тему его болгарский коллега заявил: «Я вижу, что Вы не хотите ни обратить внимание на то, что я сказал Вам, ни говорить со мной открыто. Но через месяц, в крайнем случае через полтора месяца произойдут события, после которых, я уверен, русская сторона будет более

расположена к разговору с нами (подчеркнуто мной. – А. О.). Может быть, тогда Вы захотите увидеть меня снова»⁶.

15 ноября 1916 г. в здании Министерства иностранных дел Франции начала работу союзническая конференция. Перед ее началом Д. Ллойд-Джордж подал лорду Г. Асквиту меморандум, в сокращенном виде доведенный до сведения участников конференции. В нем, в частности, говорилось: «Мы предлагаем, чтобы ответственные военные и политические руководители четырех великих союзных держав впервые с начала войны встретились и обсудили положение с тем, чтобы наметить политику и стратегический план войны. Ответственные руководители центральных держав и их союзников все время встречаются для обсуждения планов, выработки новых и пересмотра старых. Подлинные военные руководители России ни разу не имели случая в течение хотя бы пяти минут переговорить с военными Запада... Я не считаю обсуждение русского вопроса с генералом Жилинским, или даже с генералом Палицыным обменом мнений между Востоком и Западом. История посмеется над

нами за то, что мы не позаботились о том, чтобы настоять на свидании военных и политических руководителей различных фронтов в течение трех кампаний»⁷.

Логика Ллойд-Джорджа была простой: в России есть два человека, которые решают все – император и генерал М. В. Алексеев. Раз они не могут приехать во Францию, союзники должны приехать к ним сами. Именно в начале 1917 г. возникла реальная возможность договориться с союзниками по вопросу о направлении комбинированного удара Антанты и об увеличении военных поставок для летнего наступления русской армии на Юго-Западном фронте. В конце декабря 1916 г. произошли серьезные изменения в руководстве Англии и Франции: правительство Г. Асквита пало, премьер-министром нового правительства стал Д. Ллойд-Джордж, один из ярых сторонников перенесения главного удара на Балканы, и подал в отставку маршал Ж. Жоффр, замещенный генералом Р. Нивеллем. Союзники вплотную подошли к реальной возможности сделать выводы из совершенных ошибок. В качестве цели будущего совместного наступления все чаще называлась Болгария.

Этому должна была помочь конференция в Петрограде. Новому английскому премьеру необходимо было сделать правильный вывод о сложившейся в России ситуации. Это было тем более важно, что конференция должна была решить и вопрос о размерах новых военных поставок, а в Лондоне уже открыто говорили о неминувости революции в России. Британское общественное мнение уже привыкло рассматривать свою страну в качестве благодетеля, а на Россию смотрело как на просителя⁸. Его возможности должны были быть проверены. Для этой миссии Ллойд-Джордж выбрал консерватора – лорда Альфреда Милнера.

Выбор определили деловые качества и партийная принадлежность (в Англии вообще предпочитали посылать в Россию для официальных переговоров консерваторов). Отметив то, что Милнер был плохим оратором, Ллойд-Джордж дал следующую оценку человеку, поставленному им во главе британской делегации: «У него не было также и необычайной силы анализа, отличавшей Бальфура, или того дара полемики, которым в совершенстве владел Бонар Лоу, но Милнер превосходил их всех силой творческой мысли и богатством идей... Милнер был неустрашим; он никогда не боялся сделать предложение или присоединиться к предложению других только потому, что оно было слишком оригинальным и могло задеть какие-либо партийные или профессиональные предрассудки»⁹. Это качество, очевидно, было определяющим в выборе Ллойд-Джорджа. Кроме того, Милнер был близок к Ллойд-Джорджу и в другом, очень важном вопросе: он, как и премьер, не верил в успех наступательной политики на Западном фронте и возлагал большие надежды на перспективы договоренности с Россией¹⁰. Милнеру должен был помочь генерал Генри Вильсон, посещавший до войны Россию и знавший императрицу Александру Федоровну еще по Darmstadt¹¹.

В полночь 21 января 1917 г. группа из 50 английских, французских и итальянских представителей (союзническая миссия на будущей конференции) отплыла из порта Обан на пароходе «Kildonan Castle» в сопровождении двух эсминцев. После Шетландских островов их заменил крейсер «Duke of Edinburgh». Столь жесткие меры были вызваны ростом активности германских подводных лодок¹² и опасением повторения судьбы крейсера «Hampshire», на котором погиб отправлявшийся в Россию военный министр лорд Китченер (это была первая попытка наладить утраченный после отставки Николая Николаевича (младшего) с поста Верховного главнокомандующего личный контакт между военным и политическим руководством двух стран)¹³. Кроме английской делегации, которую возглавляли Милнер и генерал Г. Вильсон, в состав миссии входили французская делегация под началом П. Думера (бывшего премьер-министра, в это время – министра колоний) и генерала Н. Кастельно и итальянская во главе с министром без портфеля В. Шалоя, маркизом А. Карлотти (итальянским послом в

России) и генералом графом Л. Руджери (бывшим военным агентом в России). Итальянцы и французы считались сторонниками союза с Россией, а Руджери был даже женат на русской¹⁴.

На пароходе главы союзнических делегаций провели совещание. Выступивший на нем Генри Вильсон заявил, что он категорически против плана комбинированного удара по Болгарии, ссылаясь на решение, принятое конференцией в Шантিলи. Что же касается проблемы с оружием и боеприпасами, то Вильсон имел полномочия на разрешение поставок, однако, по его словам, готов был использовать его только после того, как убедится в способности и желании русских продолжать войну¹⁵. Последние слова, как мне представляется, были весьма важными. Британские военные исходили из расчетов, что союзники имеют пять солдат против каждого трех, которых могли выставить центральные державы. Следовательно, они могли потратить четырех солдат на уничтожение трех неприятельских и тем обеспечить победу¹⁶. Ясно, какое значение приобретала в этих планах Россия.

Союзники боялись того, что в императорском правительстве после отставки А. А. Поливанова и С. Д. Сазонова укрепились сторонники сепаратного мира. Напрасно представитель Великобритании при Ставке генерал-майор Дж. Генбери-Вильямс, убежденный в верности Николая II международным обязательствам и в его желании довести войну до победного конца, информировал об этом свое правительство¹⁷. К пропаганде русских либералов внимательно прислушивались в Лондоне и Париже. Перед отъездом в Россию Кастельно был принят президентом Франции, который отдал генералу приказ обратить внимание на «пожелания сепаратного мира с Германией, которые, казалось, проникли и развивались более или менее скрыто в окружении императора, в правительственных кругах и в русском народе»¹⁸. Кастельно должен был «решительно противодействовать этим настроениям»¹⁹. Перед генералом была поставлена нелегкая задача – бороться с тем, чего не было на деле и что существовало только в воображении либеральной оппозиции.

Не стоит недооценивать силу мифов, создаваемых этим воображением. Умело дирижируемая организация общественного мнения приводила к тому, что против слухов решительно ничего не помогало. 2 (15) декабря 1916 г. новый министр иностранных дел России Н. Н. Покровский в ответ на германское предложение приступить к переговорам о мире выступил в Думе с довольно односложным заявлением относительно готовности России довести войну до победного конца. Перечислив все, сделанное Берлином и Веной для начала войны, и нарушения международного права, допущенные в русской Польше²⁰, министр закончил свою речь, следующими словами: «И русское правительство отвергает с негодованием мысль о самой возможности ныне прервать борьбу и дать тем Германии возможность воспользоваться последним случаем подчинить Европу своей гегемонии. Все уже принесенные жертвы были бы уничтожены преждевременным заключением мира с врагом, силы которого подорваны, но не обезврежены, и который ищет передышки под обманным лозунгом прочного мира. В этом неколебимом решении Россия находится в полнейшем единодушии со всеми своими доблестными союзниками. Все мы одинаково проникнуты жизненной для нас необходимостью довести войну до победного конца и не дадим остановить нас на этом пути никаким уловкам наших врагов»²¹.

Дума неоднократно прерывала выступление министра аплодисментами и так же единодушно приняла следующую формулу перехода к делам, озвученную С. И. Шидловским 1-м: «Выслушав заявление министра иностранных дел, Государственная дума единодушно присоединяется к решительному отказу союзных правительств вести какие бы то ни было переговоры о мире в настоящих условиях и со своей стороны полагает, что германское предложение мира является лишь доказательством ослабления наших противников и лицемерным шагом, рассчитанным не на практический успех, а на сложение с себя ответственности

за начало войны и за ее ведение перед общественным мнением Германии, что преждевременный мир был бы только коротким перемирием и повлек бы за собою опасность новой войны и новых тяжелых жертв со стороны населения и что прочный мир возможен только после решительной победы над военным могуществом наших врагов и после окончательного отказа Германии от тех стремлений, которые сделали ее виновницей мировой борьбы и всех сопровождающих ее ужасов»²².

12 (25) декабря Покровский дал пространное интервью журналистам ведущих русских газет, в котором подтвердил положения своей речи в Думе и заявил, что предложения мира со стороны Германии отвергнуты²³. В частности, он заявил: «Курс внешней политики останется прежний. Никакие перемены в личном составе правительства не вносят ни изменений, ни колебаний в раз назначенное направление, по коему идет Россия согласно предначертаниям державного своего Вождя»²⁴. Что касается императора, то в приказе по армии и флоту от 12 (25) декабря 1916 г. он также подтвердил курс на войну до победного конца, призвав воинов: «Будем же непоколебимы в уверенности в нашей победе, и Всевышний благословит наши знамена, покроет их вновь неувядаемой славой и дарует нам мир, достойный наших героических подвигов, славные войска Мои, мир, за который грядущие поколения будут благословлять вашу священную для них память»²⁵.

Чтобы успокоить союзников после смерти одного из старейших русских дипломатов, посла в Англии графа А. К. Бенкендорфа, 12 (25) января 1917 г. на этот пост был назначен Сазонов²⁶. 15 (28) января он встретился с представителями прессы и изложил свои взгляды на основные принципы политики России. Сазонов считал необходимым работать над продолжением русско-британского союза и в послевоенный период. Новый посол в Лондоне приветствовал призыв президента США В. Вильсона к миру, но не поддерживал предложение возврата к довоенным реалиям: «Возвращение к положению вещей, существовавших до войны, представляется немыслимым. Необходимы изменения в ущерб одной и пользу другой, и это должно явиться результатом победы одной из сторон. Для того чтобы можно было мечтать о возвращении к прошлому, надо было бы сказать, что нынешняя война является дурным сном, но кто же решится произнести это слово после того, чему мы были свидетелями за последние 30 месяцев»²⁷.

К этому остается лишь добавить, что, призывая воздерживаться от точных сроков окончания войны, Сазонов был уверен в неизбежности победы союзников и в правильности выбранного ими способа сокрушения своего основного врага: «Весьма вероятно, что в эту войну не Иена и не Седан приведут Европу к миру и что для победы держав согласия в настоящей войне немалую роль сыграет внутреннее положение воюющих держав. Симптомы экономического истощения Германии налицо»²⁸. Публичные заявления представителей власти были достаточно решительны, и, во всяком случае, однозначны. Тем не менее все они явно не пересиливали шепота либеральной интриги, заверяющей всех и вся в наличии предательских замыслов о мире в верхах императорской России.

25 января «Kildonan Castle» пришел в порт Романов (Мурманск), и по недавно открытой железной дороге (официально она была открыта 25 ноября (8 декабря) 1916 г.²⁹) представители союзников отправились в Петроград. Это был первый поезд, прошедший по дороге, которая должна была способствовать выходу империи из транспортной блокады. В столицу России миссия прибыла 29 января, и вечером того же дня под председательством Н. Н. Покровского состоялось предварительное собрание конференции³⁰. Ее заседания проходили в Мариинском дворце, а представители союзников были размещены поблизости, в гостинице «Европейская». Некоторые из них в первый же день своего пребывания в северной

столице успели дать интервью, «они были полны уверенности в плодотворности предстоящих занятий»³¹.

На самом деле посланцев (во всяком случае, из Лондона и Парижа) ожидали неприятные известия. Французский и английский послы в начале 1917 г. были настроены весьма пессимистически относительно перспектив политической стабильности в России и существования русской армии³². Именно в британском посольстве в первый же день своего пребывания в Петрограде к своему ужасу Милнер узнал о том, что неприязнь к императорской семье зашла так далеко, что возможность их убийства открыто обсуждается среди «ведущих русских кругов»³³. Генерал Кастельно, получивший приблизительно такую же информацию от посла своей страны в России М. Палеолога, сразу же заявил о том, что правительство Франции желало бы получить от Николая II гарантии относительно послевоенной судьбы прирейнских провинций³⁴.

18 (31) января все члены союзнических делегаций получили аудиенцию у Николая II³⁵. Утром они отправились в Царское Село, где в 9:30 были представлены императору. Переговорив сначала с послами союзных держав, он вышел к членам делегаций для краткой беседы с ними³⁶. В 13:30 они вернулись в город, и уже в 14:00 Вильсон встретился с прибывшим из Могилева В. И. Гурко. Василий Иосифович собирался выехать раньше, под Новый год, но специально задержался для того, чтобы его прибытие в столицу не было связано с убийством Распутина. В Петроград он приехал только 5 (18) января 1917 г.³⁷ Во время встречи, продолжавшейся почти два часа,

Гурко изложил пожелания русского командования по военным поставкам. Он просил 4000 75-мм орудий, 100 6-дюймовых полевых гаубиц (вместо первоначальной цифры в 600), 200 9,2-дюймовых (вместо 30–40). «Они очень тяжелые, господа», – суммировал свои впечатления от разговора Вильсон³⁸. Это были весьма существенные цифры.

К январю 1917 г. в составе русских армий четырех фронтов находилось 160 пехотных и 40 кавалерийских дивизий³⁹. На их вооружении находилось 5459 легких орудий (3-дюймовые различных образцов) и 1946 тяжелых, причем 8-, 11- и 12-дюймовых гаубиц только 49. Противники – армии Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции – на разных участках русского фронта имели 5070 легких и 4060 тяжелых орудий⁴⁰. В составе каждого русского фронта предполагалось создать группу тяжелой артиллерии по 160 орудий, из них 120 дальнобойных 6-дюймовых и 40 орудий калибром от 8 до 12 дюймов. Кроме того, в резерв Ставки должно было быть выделено 500 тяжелых орудий, из них 125 дальнобойных 6-дюймовых и 325 калибром от 8 до 12 дюймов. Четыре русских фронта и резерв Ставки требовали, таким образом, 1090 тяжелых орудий. С учетом необходимости пополнения ежемесячной убыли в 36 орудий разного калибра и возникала цифра в 645 орудий на первое полугодие 1917 г.⁴¹

Объем заграничных поставок в 1917 г. по предложениям русской стороны должен был в три раза превзойти таковой же за 1916 г. В принципе, они были завышены: перевозке подлежало 8 млн тонн при пропускной способности русских железных дорог в 5 млн тонн, и это притом, что по воде предполагалось перевезти 1 млн тонн. В результате было принято решение поставить в Россию 4,25 млн тонн, не считая поставок из Японии и Швеции⁴².

Положение Гурко было очень тяжелым: он ощущал себя «калифом на час». Каждый командующий фронтом отстаивал важность своего направления, рассчитывать на поддержку Алексеева было трудно, хотя он и пытался вмешиваться из Севастополя. «Это был период, – вспоминал генерал А. С. Лукомский, – когда характер позиционной борьбы, выразившийся, прежде всего, в кордонной системе и стремлении быть достаточно сильными на всех направлениях, подавлял ум и волю старшего командного состава»⁴³.

Небольшие резервы растаскивались по фронтам. В этой ситуации успех будущего русского наступления целиком зависел от формирования боеспособного резерва, который был немыслим без увеличения артиллерийского парка. В это время Гурко проводил реформу, смысл которой сводился к увеличению числа русских дивизий. Количество батальонов в русской дивизии сокращалось с 16 до 12 за счет выделения четвертого батальона в полку при переходе его на трехбатальонный состав. Новая дивизия получала более гибкую и подвижную структуру, новый корпус – третью дивизию, а армия – 48 таких новых сводных дивизий. Таким образом, они должны были создаваться путем слияния некоторой части фронтовых офицеров и унтер-офицеров с кадрами запаса. Разумная на бумаге, на деле эта мера оказалась далекой от успеха. При ослабленных немногочисленных кадрах естественной реакцией на реформу стало желание командиров сохранить все наиболее ценное и освободиться от ненужного⁴⁴.

Кроме личного состава, действующие дивизии также выделяли небольшое количество пулеметов и обоза; артиллерию для них Гурко, очевидно, надеялся получить от союзников. Его предложение о создании четырехорудийных батарей (вместо шестиорудийных) не решало проблемы. Впрочем, если бы союзники и решили выполнить требование о поставке орудий для приблизительно 100 новых артиллерийских бригад, их вряд ли можно было обеспечить кадрами и лошадьми. Впрочем, положение в русской артиллерии к этому времени стало действительно неплохим. Кризис со снарядами преодолен, увеличено количество тяжелой и дальнобойной артиллерии, хотя по мощности русская тяжелая артиллерия по-прежнему уступала противнику. Ее основным тяжелым орудием оставалась 6-дюймовая гаубица, в то время как немцы уже в конце первого года войны использовали орудия калибром в 12 дюймов. Запасы снарядов для 6-дюймовых гаубиц у отдельных армий достигали десятков тысяч⁴⁵.

1 февраля начались официальные заседания конференции в здании русского МИДа. Россию представлял не только министр иностранных дел, но и представители других министерств, а также генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович, С. Д. Сазонов, незадолго до этого получивший назначение послом в Лондон и товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов. Конференция образовала три комиссии – политическую, военную, техническую. С самого начала возникли прежние разногласия по определению направления и сроков комбинированного наступления. Русская сторона стремилась увязать вопрос с военными поставками⁴⁶. Уже на первом заседании конференции, которое открыл Гурко, он призывал к объединению ресурсов и согласованности действий⁴⁷.

Особенно активными были французы, так как новый главнокомандующий их армиями – дивизионный генерал Р. Нивелль – готовил гигантское наступление и именно на Западном фронте. При обсуждении планов на 1917 г. Кастельно предложил исходить из того, что в этом году война должна закончиться и планируемые операции должны носить решающий характер. В результате было принято следующее решение: «Кампания 1917 года должна вестись с наивысшим напряжением и применением всех наличных средств, дабы создать такое положение, при котором решающий успех союзников был бы вне всякого сомнения»⁴⁸.

2 февраля, после аудиенции у императора, члены военных союзнических миссий отправились на фронт⁴⁹. Еще через два дня в царскосельском Александровском дворце был устроен прием и обед в честь делегации союзников, членов которой приветствовал Николай II⁵⁰. Работа конференции продолжалась вплоть до 7 (20) февраля⁵¹. 2 (15), 3 (16) и 4 (17) февраля императором были отдельно приняты главы британской, французской и итальянской миссий⁵². Воспользовавшись аудиенцией, 4 (17) февраля

Милнер представил Николаю II конфиденциальную записку, в которой отметил важность достижения союзниками соглашения с целью организации весной – летом 1917 г. одновременного наступления, которое должно быть проведено с наибольшей энергией⁵³.

Глава британской делегации признавал важность союзных поставок в Россию для достижения этой цели, но при этом особо подчеркивал, что союзная помощь не может решить все проблемы воюющей России. «Существуют почти всегда два способа парировать недостаток в материалах, – рассуждал он. – Первый – это увеличить производство; второй – пользоваться тем, что имеешь, более усовершенствованным способом, более экономно. К такому методу Россия и должна будет прибегнуть. Вот каковы неопровержимые последствия настоящего положения. Ясно, что просто нет возможности ввозить в Россию из заграницы все материалы, в которых она нуждается. Эти материалы не существуют и не могут быть изготовлены в короткое время; если бы они были приготовлены, их нельзя было бы доставить за недостатком транспорта. Таким образом, Россия оказывается вынужденной в силу абсолютной необходимости применить свои собственные ресурсы более систематическим образом»⁵⁴.

Слабые позиции России исключили возможность использовать разногласия, имевшиеся в союзническом лагере по этому вопросу. Конференция решила отказаться от идеи совместного наступления на Болгарию с юга и севера и рассматривать войска Салоникского фронта исключительно как силу, сдерживающую часть армий противника на Балканах. Только в случае, если значительные части неприятеля покинут этот фронт, союзники предусматривали возможность частичного наступления с целью перерезать железнодорожное сообщение на линии Белград – Константинополь. Саррайлю была предоставлена полная свобода действий в Греции. Союзники договорились об одновременных ударах на Западном, Восточном и итальянском фронтах⁵⁵.

Русская армия готовила наступление на Юго-Западном фронте, обращенном против Австро-Венгрии⁵⁶. Следует отметить, что на кампанию 1917 г. именно в отношении Восточного фронта германское командование имело наиболее неблагоприятные для себя прогнозы. Особенно опасались неприятностей на том его участке, где оборонялись австро-венгерские войска. Сведений о разложении русских войск немцы не имели⁵⁷. Союзники считали, что в марте – апреле 1917 г. их армии в целом будут готовы к наступлению. По мнению Гурко, в зимний период, пока не закончится начатая реорганизация, русский фронт не сможет наступать, и ранее 1 мая (по новому стилю) армия не будет в состоянии провести крупные наступления, а также, в случае если это сделают союзники, будет вынуждена ограничиться второстепенными операциями для того, чтобы удержать на месте австро-германские силы⁵⁸.

Для весеннего наступления и требовал артиллерию у союзников генерал Гурко. «Накануне революции перспективы кампании 1917 года были более ясными, чем те, что были в марте 1916 года на кампанию этого года... Русская пехота устала, но она была менее усталой, чем 12 месяцев назад», – вспоминал А. Нокс⁵⁹. Настроение армии было неплохим, ее резервы составляли 1 900 000 человек, а призыв 1917 г. должен был прибавить к ней еще 600 000 человек⁶⁰. Несколько хуже обстояло дело с качеством этих пополнений, и особенно с офицерами запаса. «Шестинедельной выучки прапорщики никуда не годятся, – отмечал один из фронтовиков. – Как офицеры они безграмотны, как юнцы, у которых молоко на губах не обсохло, они не авторитетны для солдат. Они могут героически погибнуть, но они не могут разумно воевать»⁶¹.

Пока политики в Петрограде обсуждали вопросы большой стратегии, военные посещали фронт. Генерал Вильсон вместе с полковником А. Ноксом отправился в Псков, в штаб Северного фронта, откуда после встречи с генералом Рузским они отправились на позиции

русской армии под Ригой⁶². Поездка состоялась почти сразу же после январского наступления 12-й армии на правом берегу реки Аа у озера Бабич. В начале января командовавший армией генерал Р. Д. Радко-Дмитриев получил разрешение от главнокомандующего фронтом генерала Рузского на частную операцию с обязательством обойтись исключительно собственными силами. Основной целью наступления была «боевая практика для войск».

Командование строило свои расчеты на внезапном ударе, без предварительной артиллерийской подготовки. Перед его началом 17-й и 55-й полки 20-й Сибирской стрелковой дивизии отказались идти в наступление. Стрелки кричали о предательстве и шпионажах, которые продают и предают их⁶³. Парадокс ситуации заключался в том, что залогом успеха наступления его организаторы считали внезапность, основанную на действиях «без выстрела», в то время как на рядового бойца предварительный артиллерийский обстрел действовал ободряюще хотя бы потому, что он обеспечивал проходы в заграждениях противника. Солдаты вообще неохотно шли на неразрушенные проволочные заграждения. По приказу командования ненадежные полки были выведены в тыл, 13 стрелков преданы суду военного трибунала и расстреляны, несколько сотен человек были сосланы на каторгу. Расстрел стрелков получил полное одобрение императора⁶⁴.

Митавское, или «Рождественское», наступление началось вечером 23 декабря 1916 г. (5 января 1917 г.), то есть накануне православного Рождества. Немцы были застигнуты врасплох. Первыми в атаку пошли латышские стрелки, вслед за ними удар нанесли сибирские части⁶⁵. «Давно лелеянная мысль командующего армией, – писал фронтовой корреспондент «Нового Времени», – прорвать германский фронт грудью без единого артиллерийского выстрела блестяще оправдалась. В первый же день было порвано бесчисленное множество проволочных заграждений, несмотря на убийственный огонь пулеметов, солдаты молча врывались в укрепления, блокгаузы, редюиты»⁶⁶.

Уже 5 января 6-й Сибирский корпус сумел прорвать оборону немцев на двух участках. На участке прорыва резервов у немцев не оказалось, в результате путь на Митаву был открыт. Сказался фактор внезапности, на который рассчитывал Радко-Дмитриев⁶⁷. Не менее сильно сказалось и отсутствие резервов: ни за одним из участков прорыва не было свежих сил, которые могли бы развить успех. Когда они появились, было уже поздно. Наступление выдыхалось в столкновениях за опорные пункты⁶⁸. После войны начальник штаба германского Восточного фронта отметил, что это было единственное за всю войну русское наступление, не сопровождавшееся радиоболтовней и поэтому заставшее немецкие войска врасплох⁶⁹. Успешный прорыв, весьма эффективное использование тяжелой артиллерии заставили немцев оставить «Пулеметную горку» – возвышенность, господствующую над дефиле в болотах на пути к Митаве⁷⁰.

Людендорф отмечал, что удар в направлении на Митаву едва удалось локализовать поспешно стянутыми резервами⁷¹. Задача стабилизации фронта для германского командования упрощалась волнениями среди сибирских стрелков. Известие о нем на время парализовало порыв наступавших, повлияло на настроения стрелков, находившихся в резерве, и, в конечном итоге, прорыв остался без поддержки. Через несколько дней наступление остановилось⁷². Уже 11 января 1917 г. начальник штаба Восточного фронта генерал-майор М. Гофман отмечает в своем дневнике, что на фронте одного батальона ландштурма было занято несколько траншей⁷³. В этот день наступление 12-й армии прекратилось. Радко-Дмитриев приказал утвердиться на занятых позициях⁷⁴. За время боев было захвачено около 1 тыс. пленных, 2 тяжелых и 11 легких орудий, 2 прожектора и т. п. При этом велики были и потери: около 23 тыс. человек убитыми, ранеными, обмороженными (бои шли при 20-градусном

морозе) и пропавшими без вести (около 9 тыс. человек)⁷⁵. В Риге у православного собора были выставлены захваченные у противника орудия и пулеметы.

Это была частная изолированная зимняя операция, не имевшая шансов на стратегический успех, да и не рассчитанная на таковую. Конечно, при условии развития прорыва можно было бы рассчитывать на то, что немцам придется податься назад по всему участку фронта. Однако без немедленной поддержки ближайшими резервами рассчитывать на это не приходилось. Сразу же после остановки наступательных операций по армии, а затем по фронту поползли слухи о том, что наступление было остановлено по приказу императрицы, что войска чуть ли не овладели Митавой (на самом деле они далеко не дошли до нее) и оставили город по телеграмме Александры Федоровны. В Риге, где сказывалось и традиционное противостояние латышей с немцами, к этим слухам добавлялись и другие – о высоких потерях латышских полков, о бесполезно пролитой по вине императрицы крови⁷⁶.

Гурко получил информацию об этом в январе 1917 г., когда был в Петрограде. Именно в это время С. Хор отмечает усилившуюся пропаганду против «реакционеров» на окопах, что привело к тому, что политические вопросы открыто обсуждаются на фронте, и, по его информации, был даже случай отказа полка идти в атаку, так как его офицеры потребовали «уничтожить врагов в тылу»⁷⁷. Настроения офицеров проникали и в солдатскую среду. Генерал А. В. Горбатов вспоминал: «Денщикам удавалось иногда услышать из офицерских разговоров отдельные слова: “все прогнило, все продажно”, “этого нужно было ожидать”, “бездарные правители”, “на краю пропасти” и т. п. Все это немедленно передавалось нам (солдатам. – А. О.)»⁷⁸. Интересно, что это происходило в частях генерала, который в бытность своей отставки по болезни не считал для себя зазорным обращаться с телеграммами к Распутину, прося его молитвенного заступничества о возвращении на фронт⁷⁹. В тылу Северного фронта зрело недовольство, но оно было еще незаметно. Общее состояние русских позиций и русской армии в окопах произвело на Вильсона самое хорошее впечатление⁸⁰.

Совсем другой взгляд на возможности русских войск вынес из поездки на Юго-Западный фронт генерал Кастельно. По его мнению, командование, управление и транспорт в России отстали от союзников на 18–20 месяцев, и ни о каком удачном наступлении в ближайшем будущем речи быть не может⁸¹. Тем не менее даже Кастельно похвалил дух войск: он показался ему превосходным⁸². Эти оценки наступательных возможностей русской армии абсолютно не разделялись главой британской военной миссии. Однако Милнер, узнав о них, оказался под влиянием авторитета французского генерала. Эта информация негативно повлияла на представителя Ллойд-Джорджа, и он стал сомневаться в возможности наступления на русском фронте. Вильсон записывает в своем дневнике 17 февраля: «Я сказал ему (Милнеру. – А. О.), что Кастельно не имеет причин для пессимизма, он ничего не видел, его точка зрения ошибочна»⁸³.

В какой-то степени Кастельно был прав в своих оценках технического состояния русского фронта: наша армия по-прежнему уступала англичанам и французам в артиллерии. У союзников во Франции было 9176 легких и 6369 тяжелых орудий против 4349 легких и 5510 тяжелых германских орудий, что при меньшей длине фронта составляло в среднем 13 орудий на километр фронта у англичан и 10 орудий на километр фронта у французов (для сравнения – средний показатель на русском фронте составлял 1 орудие на 1 километр фронта)⁸⁴. Преодоление подобной отсталости зависело, в том числе, и от позиции союзных правительств по военным поставкам. Сам Кастельно на конференции был против излишней, по его мнению, поддержки русской армии, он считал «.. недопустимым облажать французский фронт ради русского»⁸⁵.

Вильсон был, конечно, более объективен, чем его французский коллега. Дело в том, что Кастельно посетил фронт в Галиции, где окопной войны, характерной для Западного фронта, не было и не могло быть. Во Франции линия фронта стабилизировалась к концу 1914 г., а русский Юго-Западный фронт за 2,5 года войны пять раз перемещался на расстояние от нескольких десятков до нескольких сотен километров. После окончания Брусиловского наступления прошло чуть больше двух месяцев. Естественно, что освоение прифронтовой полосы здесь было несравнимо с тем, что было у союзников в Европе. Кроме того, и довоенное развитие данной территории было далеко от северо-западных областей Франции и Бельгии. На Северном фронте, который посетил Вильсон, положение было совсем иным: его линия приобрела стабильные очертания в конце 1915 г., прифронтовая полоса была хорошо освоена.

Опыт европейского Западного фронта, опыт окопной войны, осложненной огромной плотностью артиллерии и пулеметов, был неприменим на галицийском участке русского фронта. Да и насколько эффективен был этот опыт? Немцы и русские тратили на артиллерийскую подготовку несколько часов (германская армия потратила перед штурмом Вердена в феврале 1916 г. 9 часов), в то время как союзники – несколько дней (в июле 1916 г. на подготовку перед наступлением на Сомме было отведено 7 дней, а перед наступлением во Фландрии в июле 1917 г. – 16 (!) дней)⁸⁶.

Тем не менее особыми успехами в том, что считалось военной доктриной союзников наиболее важным показателем, то есть в отвоевывании территории, они никак не могли похвастаться. Вильсон, конечно, имел все основания не соглашаться с Кастельно. Важно отметить, что расхождения между англичанами и французами в оценках боеспособности русской армии касались только технической части. Мораль войск и тыла не вызывала у них сомнений. Не сомневался в ней, как было уже отмечено, и сам Кастельно. На заданный ему вопрос, удовлетворен ли он результатами конференции, генерал ответил: «В высшей степени. Я уеду из России с сознанием, что союзники одушевлены одной общей задачей, единой конечной целью»⁸⁷.

Доволен был и Думерг, заявивший в своем интервью: «С минуты моего приезда в Россию все мои беседы с самыми разносторонними лицами – членами правительства, политическими деятелями, военными, представителями промышленности – ярко подтвердили мое постоянное мнение о русской мощи и о достойном восхищения русском патриотизме. На каждом шагу мне оказалось возможным отметить проявление горячей любви русского народа к своей родине. В патриотизме русских я вижу лучший залог нашего общего торжества. Недаром наши враги всегда старались пошатнуть эту нравственную силу, которая ведет нас к победе»⁸⁸. Сила эта казалась еще и незыблемой. В начале 1917 г. по Северному фронту проехал американский журналист Арно Дош-Флеро. Он с самого начала войны работал военным корреспондентом на Западном фронте во Франции и Бельгии и прежде всего обратил внимание на состояние морали войск. Оно показалось ему прекрасным: офицеры и солдаты жили единой семьей⁸⁹.

Но только ли пессимизм французского генерала вызвал у лорда Милнера такие же чувства сомнения относительно возможностей России в будущей кампании? Кроме аудиенций у императора и переговоров с членами его правительства, делегатам из Англии и Франции предстояли встречи с представителями общественности. Эти встречи, как, впрочем, и сама конференция, не были предметом пристального внимания отечественного, да и зарубежного историка. Впрочем, они и не были вообще обойдены вниманием. «Союзные делегаты, – отмечал советский историк А. Л. Сидоров, – выслушали все претензии представителей царского правительства – руководителей хозяйства, армии и флота. Они имели возможность посетить фронт и ознакомиться с состоянием армии, беседовали с лидерами русской бур-

жуазной оппозиции и были в курсе всей работы, которую вели английское и французское посольства и “Прогрессивный блок” по организации государственного переворота. Их не особенно страшил рост недовольства внутри страны; приход к власти буржуазных лидеров им казался желательным»⁹⁰.

Политический зондаж на фоне межсоюзнических контактов

Действительно, в отсутствие военных политики встречались с представителями либеральной общественности. Последние ожидали активной помощи от союзников при реализации своих планов¹. Источниковая база этих встреч невелика. О них можно было судить по «Военным мемуарам» Ллойд-Джорджа и в лучшем случае по воспоминаниям Роберта Брюса Локкарта. Вскоре после войны лорд Милнер скончался, не оставив мемуаров. Во время работы в архивах Форин оффис мне не удалось обнаружить его отчетов, и я использовал ту их часть, которая была воспроизведена Д. Ллойд-Джорджем. На встречах Милнера с представителями общественных организаций переводчиком выступал Локкарт (с 1912 г. – британский вице-консул в Москве, кстати, встречавший делегацию в Петрограде)², оставивший определенную информацию об этом. Однако картину великолепно дополняют дневники генерала Г. Вильсона, с которым Милнер откровенно делился впечатлениями об увиденном и услышанном. В высшей степени характерно то, что о подобных встречах почти ничего не пишут в своих воспоминаниях французский посол Палеолог и его британский коллега Дж. Бьюкенен.

Особенно активными в этих встречах были французы. «Я пытаюсь доставить Думеру возможно полный обзор русского общества, – записывает в своем дневнике 8 февраля 1917 г. Палеолог, – знакомя его с самыми характерными представителями его»³. Через своего знакомого французский посол пригласил представителей общественности на завтрак в посольстве. Это делал именно тот человек, который впервые высказал свою мысль о возможности «революционных беспорядков» в России буквально на следующий же день после отставки Николая Николаевича (младшего) в 1915 г.⁴

Характерно, что приглашены были исключительно представители либерального лагеря, в том числе бывший военный министр генерал А. А. Поливанов, А. И. Шингарев, П. Н. Милюков, В. А. Маклаков и другие (чудовищным образом, учитывая убежденность правительства Франции в будущей революции в России, выглядел подарок ее президента императрице, украсивший приемную Александровского дворца, – гобелен, изображавший королеву Марию-Антуанетту вместе с ее детьми)⁵. На этих встречах, прежде всего, обсуждались вопросы внутренней политики.

Активно проводил встречи с членами правительства, Государственной Думы и Государственного совета, а также с военными Кастельно. Он вынес собственные и весьма яркие впечатления из того состояния, в котором пребывали обе русские столицы: «Если для оценки умов в России в связи с войной ограничиться наблюдением за обществами таких больших городов, как Петроград и Москва, то нам кажется, что гигантская борьба, заливающая мир кровью, не занимает первое место в заботах русского народа. Ничего не изменилось, кажется, в течении жизни, в удовольствиях, в труде. Конечно, война всех стесняет, но она ничему не препятствует, в особенности буйному возбуждению внутренней политики, которое недавно проявилось в одной кровавой драме и которое чувствуется во всех душах, будь то на фронте или в тылу»⁶.

Вообще, в это время фронт был явно не в центре внимания лидеров общественности, во всяком случае, фронт, направленный против немцев. Неудивительно, что Думерг на встрече с «характерными представителями» рекомендовал своим собеседникам быть терпеливее и просил их не забывать о том, что идет война. Это вызвало бурный протест у Милюкова и Маклакова: «Довольно терпения!... Мы истощили все свое терпение... Впрочем, если мы

перейдем скоро к действиям, массы перестанут нас слушать»⁷. Еще дальше пошел Гучков, заявивший, что в случае, если это правительство останется у власти, то союзникам не стоит рассчитывать на дальнейшую помощь России в разгроме немцев. Выходом из внутреннего кризиса, по его мнению, была только милитаризация производства, но на этот шаг могло решиться лишь правительство, облеченное доверием народа⁸.

Внутри узкого круга посвященных в тайнства политики либерального лагеря говорили о том, что «русские политические деятели просили помощи у своих заграничных друзей; они мечтали вывезти царя и Александру Федоровну из России и поставить регентом Михаила»⁹. «Друзья» воспринимали обращенные к ним жалобы по-своему. Кастельно, например, в ходе встреч убедился, что ни император, ни правительство, ни общественность не думают о сепаратном мире и твердо настроены довести войну до победного конца. Его собеседники, в отличие от тех, с кем встречался Думер (среди прочих Кастельно имел долгую беседу с Родзянко по просьбе последнего), убедили генерала, что жесткая критика правительства и требование реформ продолжатся, но не во вред общим интересам союзников: решение этих проблем будет отложено на послевоенный период, и союзники не должны «опасаться революционных беспорядков»¹⁰.

Впрочем, далеко не всех гостей удалось заставить поверить в то, что столь сложная задача может быть реализована, хотя принимавшая сторона и старалась изо всех сил. Милнер отправился в Москву. Программу мероприятий для представителей союзников готовил Локкарт¹¹. Накануне приезда их союзников «Утро России» посвятило целый разворот проблеме назревших изменений. По мнению газеты, Россия стояла на распутье и нуждалась в министерстве «национальной обороны». «Какое самое сильное и самое яркое переживание русской действительности в настоящий момент? – вопрошал Б. П. Вышеславцев. – Это, безусловно, чувство дезорганизации. С этим принуждены будут согласиться все, без различия партий и воззрений. Сейчас есть только две партии в России: людей, страдающих от дезорганизации, и людей, пользующихся дезорганизацией; и последних не мало. Организация национальной обороны есть для нас, русских, организация России вообще»¹².

Как сообщал своим читателям П. Сурмин, у власти есть только два пути: первый – сохранение существующей политической системы или второй – путь, который прошла Франция. Исторический выбор для автора был очевиден: «Не сохранение status quo, необходимость не простой, а великой перемены власти чувствуется всеми»¹³. «...Для достижения полной спайки между различными обществами “вооруженного народа”, будь то действующая армия, или органы тыла, работающие на нужды страны»¹⁴ необходимо создание нового аппарата власти, убеждал П. Бурский. Представители союзников прибыли в столицу еще 27 января (9 февраля), их бурно и торжественно приветствовали. Некоторые газеты опубликовали приветствия на французском и английском языках. Руководителям делегаций были посвящены статьи, особое внимание уделялось Милнеру. Он был назван «человеком действия»¹⁵.

Действовали и представители либералов. Торжественные встречи и банкеты следовали один за другим. И везде звучали бодрые и часто длинные речи¹⁶. На встрече в городском управлении Челноков говорил о том, что войну сейчас ведут не правительства, а народ; союзники, находясь в Москве, в самом центре России, имеют возможность познакомиться с ее возможностями, ведь, «естественно, на Москву выпала обязанность организовать всю общественную Россию»¹⁷. На следующий день на торжественном банкете к тому же призывал и В. А. Маклаков: он обратил внимание на необходимость для союзных держав сбли-

жаться не только с государством и властью, им управляющей, но и с народом, которого союзники не знают¹⁸.

Союзники воспользовались возможностью сделать то, о чем их просили. Результатом было сильнейшее разочарование. «До конца своей жизни, – вспоминал Локкарт, – лорд Милнер не мог забыть этих двух дней в Москве. Это был последний гвоздь в гроб его дискомфорта»¹⁹. По возвращении в Петроград дискомфортные чествования продолжились. На встрече, организованной русско-английским обществом 31 января (13 февраля) 1917 г. под председательством Родзянко, в лучших традициях банкетной кампании Поливанов, Сазонов, профессор Виноградов, Бьюкенен и Милнер произнесли речи, воспевающие яркие перспективы сотрудничества двух стран и их общественности²⁰. Вне банкетов союзникам приходилось слышать и другие слова.

Вслед за главами делегаций союзников в Москву прибыла английская военная миссия во главе с Вильсоном, которого сопровождали Нокс, Локкарт и несколько британских офицеров²¹. Вернувшийся с фронта Вильсон находился в прекрасном настроении²². 2 (15) февраля он посетил Московский ВПК, где его приветствовали речами заместитель председателя комитета С. А. Смирнов и сам председатель – П. П. Рябушинский, который не замедлил заявить, что военно-промышленные комитеты трудятся, «преодолев много препятствий, тормозивших нашу работу». Возникла картина почти изолированной заботы ВПК о нуждах фронта: «Конечно, наша работа могла бы быть значительно продуктивнее, если бы общественные организации встречали должную поддержку»²³.

На фоне публичной демагогии такого рода неудивительно, что во время пребывания английской военной делегации в Москве один из русских генералов подвел Вильсона и Нокса к карте России. Нокс вспоминает: «Там, – сказал он, указывая на прифронтовую область, – все в порядке, но здесь, в тылу, все в хаосе»²⁴. Теперь в этом предстояло убедиться англичанам. Интересно, что с этими словами русского генерала почти полностью совпала оценка, данная представителем вражеской страны. Осенью 1916 г. посольство Австро-Венгрии в Румынии после того, как вопрос о его выезде через Болгарию был решен негативно, получило разрешение вернуть его домой окружным путем – через Россию, Швецию и Германию. Путь через Киев и Петроград затянулся почти на три недели.

Бывший посол граф Оттокар Чернин вместе со своими подчиненными внимательно отслеживал ситуацию: «Путешествие через неприятельскую страну было весьма любопытно. В то время как раз шли кровопролитные бои в Галиции, и нам и днем и ночью встречались непрерывные поезда, или везущие на фронт веселых, смеющихся солдат, или оттуда – бледных перевязанных, стонущих раненых... Население всюду встречало нас удивительно приветливо, и здесь мы не замечали и следа той ненависти, которую мы испытали в Румынии. Все, что мы видели, проявляло себя под знаком железного порядка и строжайшей дисциплины. Никто из нас не верил в возможность того, что эта страна находится накануне революции, и, когда по моем возвращении император Франц-Иосиф спросил меня, достал ли я какие-нибудь данные об ожидающейся революции, я ответил решительно отрицательно. Старику императору это не понравилось. Он потом говорил одному из придворных: “Чернин дал очень верный отчет о Румынии, но дорогу через Россию он проспал”»²⁵. Упреки Франца-Иосифа были несправедливы: Чернин, внимательный наблюдатель, просто не имел возможности общаться с представителями столичной общественности. Зато с ними общались представители союзников.

Творческому консерватору, каким был Милнер, пришлось познакомиться с одной особенностью русского либерала, которую очень тонко заметил Б. Пейрс (британский журналист, с 1905 г. работавший в России, с 1908 года – профессор русской истории, языка и литературы Ливерпульского университета). Образ Англии вообще был популярен среди русского

общества независимо от политических пристрастий его членов. Но для либералов, конституционалистов симпатии к Великобритании были условием *sine qua non*¹, они были почти идентичны желанию «освобождения России»²⁶. В либеральных кругах Англия обожествлялась или, точнее, идолизировалась. Сделать это было тем более просто, что представители этого идола в России как раз казались такими милыми и близкими людьми. Когда 12 (25) ноября 1916 г. делегация из Москвы во главе с Челноковым вручала Бьюкенену диплом почетного гражданина Первопрестольной, тот в ответном слове заявил, что «...я москвич сердцем и душой»²⁷.

Глубокая внутренняя несвобода русского западника заставляла его создавать некий образ идеальной страны, представителям которой он собирался пожаловаться на собственное непрогрессивное правительство. Однако это была внешняя сторона действия, в которую могли искренно верить только люди, подобные князю Г. Е. Львову, возглавлявшему Земгор. С ним, а также с московским городским головой М. В. Челноковым встретился по их просьбе лорд Милнер. Первая встреча носила протокольный, торжественный характер, произносились речи, которых Милнер не понимал, вручались награды. Глава английской делегации, несмотря на желание посетить Кремль, был вынужден не только несколько часов потратить на первую встречу, но и согласиться на вторую, в которой принимали участие Милнер, британский дипломат Дж. Клерк, Локкарт в качестве переводчика, а также Львов и Челноков²⁸. Этот разговор, по мысли думцев, должен был привлечь внимание и симпатию главы британской делегации, авторитет которого они хотели использовать «для давления на императора». Аджемов, довольно верно передавший содержание встречи в разговоре с Верховским, отметил: «Львов и Челноков с чувством глубокого отчаяния в душе пошли на то, чтобы привлечь иностранцев в русские внутренние дела»²⁹.

На встречу Львов принес с собой длинный письменный вариант речи (Локкарт называет его меморандумом) и стал зачитывать его. Перспективы союзов земств и городов и их масштабы были потрясающими. Львов говорил о 220 таких комитетах, описывал их работу и затем перешел к острой критике правительства³⁰. Львов обвинял министра внутренних дел А. Д. Протопопова в желании удушить Земгор: «Единственное разумное предложение, которое выдвинул князь Львов, сводилось к тому, чтобы союзная миссия поставила условием дальнейшей поставки материалов использование этих материалов или хотя бы части их организациями, к которым союзники относились с доверием, например, Союзом городов и Земским союзом, возглавлявшимися кн. Львовым и г. Челноковым»³¹.

Земгору, по их мнению, угрожал и новый председатель Совета министров, и новый министр внутренних дел. Земцы требовали передачи власти в руки правительства, созданного ими, «вышедшего из думских кругов и пользующегося доверием народа»³². Речь завершалась утверждением, что если решение не будет принято и отношение императора к общественным организациям не изменится, то в течение трех недель в стране начнется революция³³. В конце 1916 г. Львов и Челноков посетили заседание «Прогрессивного блока» и заявили, что единственное спасение страны лежит в революции, так как при сохранении старого режима войну не выиграть. Правда, некоторые «прогрессисты» все же возразили им, что во время войны революция – предательство³⁴. Теперь Львов и Челноков повторяли свои слова перед руководителем британской делегации. Правда, ситуация несколько изменилась, и они, потеряв государственные субсидии, хотели, как минимум, приобрести контроль над распределением союзных поставок, а в лучшем случае заручиться сочувствием союзников для проведения необходимых с их точки зрения политических изменений.

¹ Необходимое условие (*лат.*). (Примеч. ред.)

Это была удивительная по самоуверенности речь. Конечно, накануне Февраля формально земства были реальной силой, и их руководители осознавали это. «Во второй половине 1916 года Земский союз уже был целым государством в государстве: годовой бюджет его дошел до 600 миллионов рублей и продолжал неудержимо расти, – с гордостью писал биограф князя Львова. – Сотни тысяч людей – мужчин и женщин разных профессий – или служили в нем или работали на него... Никто, очевидно, не думал о преходящем значении союза»³⁵. Действительно, союзы проделали значительную работу по организации питательных и медицинско-санитарных пунктов для беженцев в 1915 г. Несмотря на вынужденное переселение нескольких миллионов человек в чудовищно сложных условиях, не было зарегистрировано ни одного случая эпидемии³⁶. Они организовали 75 поездов Красного Креста, перевезли 2 256 531 человека из 4 300 000 эвакуированных. К концу 1916 г. число учреждений Земского союза составило 7728, из них учреждений Главного комитета – 172, губернских комитетов – 3454 и фронтовых комитетов – 4100³⁷.

Но, во-первых, земства существовали в 43 губерниях Европейской России, где проживало около 110 млн человек. На территории 51 губернии и области, где проживал 61 млн человек, они не действовали³⁸, а во-вторых, наличие земских органов само по себе не превращало их в лидеров, способных повести за собой массы. И, наконец, в-третьих, Земгор вовсе не был весьма авторитетной организацией, во всяком случае, для англичан. Большая часть вооружения и боеприпасов поставлялась фронту вовсе не земцами, существовавшими за счет государства. Это не было секретом.

Нокс отмечал в своем дневнике крайне неудовлетворительную работу и ВПК: из его филиалов только одесский (каким-то чудом его возглавил артиллерийский генерал) отличался работоспособностью. В армии по отношению к организациям, патронируемым Львовым и Челноковым, была распространена шутка: «Что такое армия? Армия – собрание людей, которые не смогли избежать военной службы. Что такое общественные организации? Общественные организации – это большие собрания людей, которым удалось избежать военной службы»³⁹. В рабочих комитетах ВПК и других организациях Союза городов часто укрывались революционно настроенные рабочие⁴⁰. Уже в апреле 1916 г. в составленной Московским охранным отделением справке «Земский и Городской союзы» отмечалось: «За последнее время наблюдается наплыв в союзы непригодных к работе лиц, коим гарантируется освобождение от воинской повинности»⁴¹. «В мировой войне, – вспоминал командир 6-го Финляндского стрелкового полка А. А. Свечин, – в поездах-банных, позади русского фронта люди с высшим образованием раздавали мочалу и мыло, а фронт оставался темным и безграмотным»⁴². Особой симпатии к этим раздатчикам фронт, судя по всему, не испытывал. Сотрудников Земгора в армии презрительно называли «земгусарами», «гидроуланам», а автомобили Союза – «сестровозами»⁴³.

Слабая дисциплина среди земских организаций действовала на войска, по свидетельству П. Н. Врангеля, разлагающим образом: «...“земгусары”, призывного возраста и отличного здоровья, но питающие непреодолимое отвращение к свисту пуль или разрыву снаряда, с благосклонного покровительства и помощью оппозиционной общественности заполнили собою всякие комитеты, имевшие целью то устройство каких-то читален, то осушение окопов. Все эти господа облакались во всевозможные формы, украшали себя шпорами и кокардами и втихомолку обрабатывали низы армии, главным образом, прапорщиков, писарей, фельдшеров и солдат технических войск из “интеллигенции”»⁴⁴. В отчете о состоянии армии, подготовленном для председателя Совета министров в начале 1917 г. отмечалось следующее: «Влияние Земгора в войсках совершенно не замечается»⁴⁵. В армии вообще и на

фронте в частности на организации земств и городов смотрели как на собрание тех, кто «словчился», чтобы не попасть в окопы⁴⁶.

Очевидно, это было почти стандартное отношение армии к этим учреждениям. Ф. А. Степун, прослуживший всю войну прапорщиком в полевой артиллерии, не очень расходился в оценках с представителями кадрового офицерского корпуса, своего и британского: «“Земгусар” – интеллигент, либерал и защитник войны до конца; внешность под офицера, душа под героя. Звенит шпорами и языком, а на самом деле всего только дезертир, скрывающийся от воинской повинности в общественной организации»⁴⁷. В конце 1916 г. две трети состава местных отделений Всероссийского союза городов приходилось на городскую интеллигенцию: это были врачи, статистики, бухгалтеры, юристы, учителя. Примерно такая же картина наблюдалась и у земцев⁴⁸. «Малое сознание в интеллигентных кругах России того, что защита Родины с оружием в руках является долгом каждого гражданина, приводило к тому, что “интеллигент легко устраивался” в тылу или на “безопасных” местах армии. Автору лично приходилось видеть лиц, – вспоминал генерал Н. Н. Головин, – продолжавших носить полковничий мундир, несмотря на то, что они стояли не во главе полков, а во главе учреждений Красного Креста, и это было в то время, когда каждый, даже младший офицер, ценился в войсках на вес золота»⁴⁹.

Численность земских служащих и лиц, состоящих на жаловании у земств, составила в 1912 г. 150 тыс. человек. За годы войны эта армия выросла, достигнув к осени 1917 г. численности в 252 тыс. человек (данные, которые приводит Н. Н. Головин – 5352, – явно занижены: очевидно, эта цифра включает в себя только центральные учреждения). Из них в учреждениях на фронте было задействовано меньшинство: например, к 1 января 1916 г. Земский союз создал на всех фронтах 2500 учреждений, в которых работало около 15 тыс. человек. В военно-промышленных комитетах на 1 октября 1916 г. работало 976 312 человек⁵⁰. Части из них суждено было сыграть решающую роль в ближайшем будущем. В Центральном комитете работали А. И. Гучков и А. И. Коновалов, в Московском – П. П. Рябушинский и С. Н. Третьяков, в Киевском – М. И. Терещенко⁵¹. Руководство ВПК действительно было «скрытым кадром» будущего Временного правительства. Что касается Земгора, то его обособленное, бесконтрольное положение вызывало настороженное, а потом и враждебное отношение со стороны правительства. Земцы же все время расширяли требования к финансированию. Если к концу 1914 г. оно составило 43 млн руб., то на начало октября 1916 г. государственное финансирование союзов составило 553 459 829 руб., в то время как за тот же период поступления из земских и городских источников были более скромными – 9 650 986 руб. 74 коп.⁵² К 1 февраля 1917 г. Земгор выполнил заказов на сумму в 80 млн руб. из общего их объема в 242 млн руб.⁵³ Тем не менее на первое полугодие 1917 г. только Союз городов запросил 65 786 895 руб.⁵⁴

Правда, существовала и другая точка зрения о союзах. Локкарт, например, высоко оценивал работу Земгора. Признавая, что она полностью контролировалась либералами, английский дипломат все же признавал существование в земских организациях антиправительственных настроений, отмечая, что оппозиционными их делала политика правительства⁵⁵. Правительство продолжало выделять деньги Союзу и одновременно не доверять ему, но в конце 1916 г. этой противоестественной ситуации решили положить конец. Государство должно было или прекратить финансирование Земгора, или поставить его под контроль. Инициатором этих действий был Протопопов, что, на мой взгляд, было одной из причин единодушного объявления его сумасшедшим либералами. Впрочем, еще будучи «здравомыслящим», то есть до своего вхождения в правительство, Протопопов был недоволен работой общественных организаций, и, кстати, считал, что члены ВПК спровоцировали забастовку

на Путиловском заводе своими неумелыми действиями⁵⁶. В декабре 1916 г. полиция сорвала попытку Земгора провести свой съезд в Москве, а в январе 1917 г. была арестована рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета⁵⁷. Конечно, Земгором было сделано немало полезного: так, например, были созданы лазареты, поезда Красного Креста, питательные пункты, бани, прачечные и прочее, но существуют многочисленные свидетельства того, что земцы пользовались этими учреждениями для антиправительственной пропаганды в армейском тылу⁵⁸. «Польза, принесенная России совещанием по обороне и Военно-промышленным комитетом, парализовалась вредом, принесенным ими ее государственному спокойствию», – вспоминал Курлов⁵⁹. Решимость лидеров общественных организаций внушить офицерской элите свои политические идеи была действительно велика, но прав был Катков, отмечавший единственный ее результат: «На деле же они просто лишили монархию ее единственной опоры против революции – армии»⁶⁰.

Милнер, которого Ллойд-Джордж ценил за способность к творческим идеям, отреагировал на чтение «меморандума» довольно тривиально, что, впрочем, объясняется его положением. Он ответил, что не имеет полномочий для обсуждения внутривластной ситуации в России. В этом его поддержал генерал Вильсон. Однако Милнер все же пообещал довести до императора положение дел в Земгоре и далее попытаться все же найти выход из тупика. Он сказал, что на предстоящей аудиенции «охотно заявил бы Его Величеству, хотя ему и не следует этого делать, что, по его мнению, русскому царю следовало бы назначить князя Львова министром внутренних дел»⁶¹. Князь Львов тотчас же заявил, что он не мог бы занять этого поста, но подчеркнул, что он вполне понимает точку зрения лорда Милнера. Эти слова должны были произвести весьма сильное впечатление на британцев.

Видный общественный деятель убеждал их в неизбежности революции, вызванной непрофессионализмом действий правительства, претендуя, таким образом, на некое знание, реализация которого могла бы избавить страну от надвигающейся катастрофы, но отказывался даже обсуждать свое вхождение в правительство. Кроме этого, глава британской делегации заявил думцам, что по возвращении на Родину сообщит «своему правительству все, что ему стало известно»⁶². В последнем, правда, можно было не сомневаться. Очевидно, этому сообщению мы во многом обязаны анализу Февральской революции, который дал глава английского правительства: «Как и все революции, российская революция представляла собой запутанную историю. Весьма различные и резко противоположные силы вызвали ее к жизни. Здесь были генералы, которые хотели только заставить царя отречься от престола, чтобы учредить регентство и освободиться от интриг и мелочного контроля придворных кругов. Здесь были демократические лидеры Думы, которые хотели создать ответственное конституционное правительство. Здесь были нигилисты и анархисты, которые хотели вызвать всеобщее восстание против существующего порядка. Здесь были интернациональные коммунисты, которые хотели создать марксистское государство и III Интернационал. Невозможно было предвидеть, которая из этих различных сил одержит победу и завладеет рулем революции. Основная масса народа в России желала лишь хоть какой-нибудь перемены. Эти люди требовали пищи и топлива»⁶³. Эти чувства и хотели оседлать либералы. Им тоже хотелось перемен.

С Думергом в Москве встречались практически те же люди. Говорили они то же самое, может быть, даже в более резких тонах. Гучков заявил французскому министру, что главной задачей является борьба не с внешним, а с внутренним врагом, единственной в России силой, не желающей победы, – Царским Селом⁶⁴. Тогда же в Первопрестольной состоялись встречи представителя Франции с Львовым и Челноковым. Главы союзов произвели на Думерга сильное впечатление. Они тоже жаловались на правительство, причем особенно

отличился Рябушинский, сказавший по-французски в Купеческой управе довольно резкую речь о том, как правительство, находящееся во вражде с нацией, мешает последней работать. «Doumergue не знал, кто Рябушинский, – отмечала в своем дневнике З. Гиппиус, – и очень удивился, что это “membre du Conseil de l’Empire” et archimillionaire»⁶⁵. По возвращению в Петроград Милнер был информирован, и довольно подробно, о беседах П. Н. Милюкова и В. А. Маклакова с М. Палеологом⁶⁶. На Милнера эта информация, а также оценка состояния русской армии, данная Кастельно, произвели самое гнетущее впечатление. Генерал Вильсон после встречи со Львовым и Челноковым занес в свой дневник интересную запись: «Они (императорская чета. – А. О.) потеряли свой народ, свое дворянство, а сейчас и свою армию (подчеркнуто мной. – А. О.), и с моей точки зрения их положение безнадежно, в один день здесь произойдут ужасные события»⁶⁷.

Это тем более удивительно, что о позиции армии, а в данных условиях генералитета, по отношению к императору разговора, вроде бы не было. Откуда же эта убежденность Вильсона в том, что Николай II потерял, и именно «сейчас», свою армию? Вспомним анализ положения в России, данный С. Хором. В начале января он сомневался в возможности переворота именно потому, что не было приемлемого для всех лидера. После же прибытия Милнера английский премьер-министр сделал вывод: «Вожди армии фактически уже решили свергнуть царя. По-видимому, все генералы были участниками заговора. Начальник штаба генерал Алексеев был, безусловно, одним из заговорщиков. Генералы Рузский, Иванов и Брусилов также симпатизировали заговору»⁶⁸. В это же время активно налаживал отношения с Л. Г. Корниловым Гучков: их встречи привели к тому, что и этот генерал попал в список отмеченных доверием думцев⁶⁹. Высший генералитет начал склоняться к мысли о допустимости больших перемен под влиянием политиков, считавшихся влиятельными и способными к «перехвату власти».

Весьма интересную характеристику Алексею дал в своих воспоминаниях лично встречавшийся с ним зимой 1917 г., уже после Февральской революции, Т. Масарик: «Он был педантом, обладавшим критическим умом, и, несмотря на свой консерватизм и русскую узость во взглядах, он не стал бы колебаться даже перед тем, чтобы принести в жертву Царя во имя спасения России»⁷⁰. Как же лидер чешских националистов пришел к таким выводам? Ведь, судя по его собственным мемуарам, во время встреч с Алексеевым обсуждались вопросы русской славянской политики и проблема создания чешских частей в составе русской армии. Мне кажется маловероятным, чтобы педантичный и уравновешенный Алексеев стал бы говорить с Масариком о столь щекотливой теме, относящейся к внутренней политике России, да еще после Февраля, ведь разочарование в переменах началось у генерала очень быстро. Другое дело – это люди, с которыми «Федора Федоровича» (так называл Масарика П. Н. Милюков) связывала долгая дружба и единство взглядов, люди, лишенные «русской узости во взглядах». Создается ощущение, что эти слова являются передачей Масариком трактовки взглядов кадетов и их оценки Алексеева. В начале у них были основания быть довольными произошедшим.

Трудно удержаться от мысли о том, что эти встречи были организованной кампанией, целью которой было убедить представителей Антанты в несоюзоспособности императорского правительства, подготовить союзников к грядущим событиям. При встрече с русским поверенным в делах Ллойд-Джорж заявил: «Лорд Милнер заверил английский кабинет, что до окончания войны революции в России не будет»⁷¹. Судя по всему, в том, что она неизбежна, он уже не сомневался. Можно считать, что русская оппозиция достигла цели, кото-

² Член Императорского совета и архимиллионер (фр.). (Примеч. ред.)

рую поставила перед собой. Летом и осенью 1916 г. Россия была в апогее своей популярности в Англии. «Впервые за целое столетие, оказавшись нашими “братьями по оружию”, – вспоминал К. Д. Набоков, – англичане хотели изгладить из памяти своей и нашей все прежние недоразумения и прежнюю вражду: Крым, Берлинский конгресс, сочувствие к Японии, дипломатическую затяжную распрю в Персии»⁷². За несколько месяцев все изменилось, а после возвращения британской делегации из Петрограда в прессе и обществе появилась и стала расти критика русского государственного порядка⁷³. Неудивительно, что весть о революции в России большинство населения Англии, и, что самое важное, Военный кабинет, приняли с удовлетворением⁷⁴. Однако, как мне представляется, либералы не пошли бы на эти весьма откровенные действия, если бы они не были уверены в поддержке со стороны армейского командования.

Оппозиция и командование армией

С февраля 1916 г. английский посол во Франции лорд Берти, ссылаясь на российские источники, неоднократно упоминает об «антидинастических» настроениях в гвардейской пехоте в отношении великого князя Николая Николаевича (младшего), и после каждой победы «консерваторов и сторонников мира с Германией» упоминания о возможном совместном выступлении «армии и народа» становятся все более уверенными¹. На фоне этого трудно не поверить выводам полковника Хора о том, что единственным препятствием на пути планов либеральных кругов является отсутствие лидеров общенационального масштаба. Из находившихся в столице великих князей для этой роли не годился ни один. Исключение составлял, по мнению Хора, один человек: «Я лично тем не менее не вижу человека, который был бы армейским лидером в великом национальном движении. Очевидно, что Алексеев такой человек. Однако, Алексеев серьезно болен, настолько болен, что он не может быть в курсе событий, которые сейчас происходят»².

Когда Хор писал этот доклад, он, очевидно, еще не знал о встрече Алексеева с Гучковым в Севастополе. После ареста членов Рабочей группы Гучков отбыл для лечения в Крым, рекомендовав своим подчиненным быть сдержанными³. Ситуация в столице была очень напряженной. То, что Алексеев в это время находился в Севастополе на лечении, отнюдь не означало, что он в изоляции. Морское собрание, где проживал генерал, было связано прямой телеграфной связью со Ставкой, он фактически продолжал участвовать в руководстве армией⁴.

Настроение на основной базе Черноморского флота в это время было невеселым, современник вспоминал, что «...все находились в каком-то подавленном состоянии»: «Приходили зловещие известия о брожении в войсках столичного гарнизона и о волнении в народе. Было известно, что многие члены императорской фамилии недовольны Царем и просто ненавидят императрицу. Какой-то взрыв ожидался и сверху, и снизу, предвещая для страны ужасные последствия. С самыми мрачными предчувствиями мы вступили в 1917 год»⁵. По словам одного из сопровождавших Гучкова депутатов Государственной думы, Алексеев после длительной беседы якобы ответил: «Содействовать перевороту не буду, но и противодействовать не буду»⁶. Керенский с чужих слов подтверждает, что с Алексеевым велись беседы о перевороте с осени 1916 г., но генерал, якобы соглашавшийся тогда с планами высылки императрицы, в Севастополе решительно отказал Гучкову в поддержке⁷. Об этом свидетельствует и А. И. Деникин, отмечая притом, что борьба «Прогрессивного блока» с правительством в общем находила сочувствие у генерала⁸. Тем временем в столице на Алексеева и В. И. Гурко возлагали большие надежды. «Он был настолько осведомлен, – вспоминал Гучков, – что делался косвенным участником»⁹. Такое положение было само по себе неплохим результатом деятельности Гучкова. В пользу правоты его слов свидетельствует и внезапное возвращение Наштаверха в Ставку.

По окончании петроградской конференции Гурко получил телеграмму из Севастополя от Алексеева. Он извещал своего заместителя, что поправил здоровье и собирается вернуться в Могилев немного раньше конца отпуска, 5 марта 1917 г. Гурко поторопился вернуться в Ставку¹⁰. Перед отъездом из Петрограда он отправился на свой последний доклад к императору и известил его о полученной телеграмме. Николай II не имел информации о состоянии здоровья своего начальника штаба и еще не знал о том, что Алексеев возвра-

щается, и был этому удивлен, так как, по его мнению, начальник штаба не мог достаточно поправиться за столь короткий промежуток времени¹¹.

Это было тем более неожиданно, что информация, которая приходила из Севастополя до этого, позволяла предполагать, что Алексеев вообще не сможет вернуться к исполнению своих обязанностей¹². Сам император в разговоре с Воейковым объяснил необходимость быстрого возвращения просьбой Алексеева о встрече, в которой генерал хотел обсудить некоторые вопросы планируемого наступления. Алексеев после четырехмесячного пребывания в Крыму накопил достаточно сил для того, чтобы вновь работать в своей обычной манере¹³. Брусилов, столь сложный и противоречивый мемуарист, все же позволил себе следующую фразу, описывая ситуацию перед февралем 1917 г.: «Но в Ставке, куда уже вернулся Алексеев (Гурко принял опять Особую армию), а также в Петербурге было, очевидно, не до фронта. Подготавливались великие события, опрокинувшие весь уклад русской жизни и уничтожившие и армию, которая была на фронте»¹⁴.

14 (27) февраля 1917 г. в письме к великому князю Николаю Михайловичу Ф. Ф. Юсупов предлагал принять решительные меры, включавшие приезд в Петроград вдовствующей императрицы Марии Федоровны с этими двумя генералами, которые, опираясь на верных людей, должны были провести аресты А. Д. Протопопова, И. Г. Щегловитова, выслать Александру Федоровну и А. Вырубову в Крым¹⁵. Впрочем, в январе – феврале 1917 г. Гучков вел активную работу, организуя встречи, в которых принимали участие и представители от военных¹⁶. На них обсуждалось состояние армии и страны и возможные пути выхода из кризиса. Среди участников этих встреч были и те, кто входил когда-то в кружок «младотурок»: Н. В. Саввич, братья Евграф и Максим Ковалевские, – а также те, кто назовет себя так в начале Февральской революции: полковник Б. А. Энгельгардт и подполковник А. И. Верховский. Последний в своих мемуарах явно недоговаривает об этих встречах, однако даже из них очевидно, что генерал Беляев был подвержен серьезной критике, а упоминание имени генерал-лейтенанта А. М. Крымова было обставлено таким образом, что можно не сомневаться, что речь шла далеко не только о путях мирного выхода из сложившейся ситуации, как пытался представить это Верховский. Обсуждался вопрос о дворцовом перевороте¹⁷.

На Крымова, бывшего командира 1-го Нерчинского казачьего полка, а впоследствии начальника Уссурийской конной дивизии, имевшего заслуженную репутацию волевого человека, по многочисленным свидетельствам, еще до февраля 1917 г. возлагали особые надежды и Гучков, и Алексеев¹⁸. Гучков не скупился на самые положительные отзывы о Крымове: «Очень сильный, волевой, с большим талантом, большим политическим умом, с пониманием положения и чувством ответственности за себя, своих людей»¹⁹. Сам Крымов, в свою очередь, возлагал огромные надежды на Гучкова и считал его блестящим специалистом по армии, которому, по его словам, «никакие Шуваевы в подметки не годятся». Позже он с восторгом встретил назначение Гучкова военным министром. Крымов, по словам П. Н. Врангеля, «выдающегося ума и сердца человек, один из самых талантливых офицеров Генерального штаба, которого приходилось мне встречать на своем пути...», в беседах с ним неоднократно доказывал ему, что страна идет к гибели и «что должны найтись люди, которые ныне же, не медля, устранили бы Государя “дворцовым переворотом”»²⁰.

По словам генерала Пустовойтенко, сказанным им 8 (21) ноября 1915 г. своему доверенному лицу – Лемке, как впрочем, и по комментариям этого доверенного лица, Крымов был на особом счету в Ставке: «Пустовойтенко сказал мне (Лемке. – А. О.): “Я уверен, что в конце концов Алексеев будет просто диктатором”. Не думаю, чтобы это было обронено так себе. Очевидно, что-то зреет, что-то дает основание предполагать такой исход. Недаром есть такие приезжающие, о цели появления которых ничего не удастся узнать, а часто даже и

фамилий их не установишь. Да, около Алексеева есть несколько человек, которые исполняют *каждое* его приказание, включительно до ареста в могилевском дворце. Имею основание думать, что Алексеев долго не выдержит своей роли около набитого дурака и мерзавца, что у него есть что-то, связывающее его с генералом Крымовым именно на почве политической, хотя и очень скрываемой, деятельности»²¹.

Крымов приехал в Петроград в январе 1917 г. и попросил Родзянко дать ему возможность неофициально выступить перед представителями общественности. На квартире у председателя Думы собрались, по его словам, «многие из депутатов, членов Государственного совета и членов Особого совещания»²². Уточнил данные Родзянко Керенский: были собраны лидеры «Прогрессивного блока». Он же сделал характерную оговорку: «Чтобы лучше понять атмосферу, царившую на последней сессии Думы, которая длилась с 1 ноября 1916 года по 26 февраля 1917 года, надо иметь в виду, что мысли всех депутатов были заняты ожиданием дворцовой революции»²³. На этой встрече Крымов убеждал собравшихся в необходимости торопиться с организацией переворота и в том, что армия встретит его с радостью. По свидетельству Родзянко, присутствовавшие на совещании Шингарев, Шидловский и Терещенко поддержали эту идею, и только он сам, по его собственным словам, выступил против. Керенский вспоминает, что хозяин квартиры всего лишь попросил не употреблять в адрес монарха особо сильных выражений. При этом Родзянко не протестовал против того, чтобы военачальники сами убедили императора отречься. В качестве одного из вариантов рассматривалась остановка царского поезда между Ставкой и Петроградом, где офицеры верных частей заставили бы Николая II отречься от престола²⁴.

Стране для дальнейшего ведения войны и выхода из возможного послевоенного кризиса необходима была диктатура. Если союзники и противники России вели тотальную войну, то основная проблема России заключалась в том, что она-то как раз не вела такой войны. Домашний фронт, тыл страны, не был мобилизован. Генбери-Вилльямс довольно точно описал дилемму внутренней политики Империи во время войны: «Что должно было снабжаться прежде всего: армия или гражданское население? И в какой степени? В этом вопросе нужна была решительная и железная рука, но эта сила должна была понять, что преимущество было на стороне коррупции и против кооперации (с правительством. – А. О.)»²⁵.

Когда еще в сентябре 1915 г. отставной генерал Н. Н. Четыркин обратился к Алексееву с письмом, в котором излагался план мобилизации промышленности, тот совершенно не заинтересовался этими предложениями и поручил ответ М. К. Лемке. Последний всего лишь на второй день своего пребывания в Ставке не постеснялся ответить, «...что Алексеев не имеет времени читать такую чепуху»²⁶. Шавельский, ссылаясь на в высшей степени надежный, по его словам, источник – могилевского губернатора Д. Г. Явленского – говорил о том, что в октябре 1916 г. Штюмер предлагал Алексееву заменить ненадежный гарнизон Петрограда отборными частями. Тот отказался²⁷. Столица была перенасыщена воинскими частями.

Гарнизон Петрограда, положение дел в столице

Еще весной 1915 г., перед эвакуацией Львова, Ставкой было принято решение о переводе запасных батальонов в крупные городские центры. Причиной этого было отсутствие провинции в казармах, в стенах которых возможно было изолировать резервистов от развращающего влияния тыла, пропаганды, которую тогда возглавляли либеральные деятели. Очевидно, поэтому в сентябре 1915 г. император отказался от предложенной И. Л. Горемыкиным программы освобождения столицы и ее ближайших окрестностей от резервистов и перевода на замену им гвардейской кавалерии с фронта. Дисциплинированные части, сохранившие в основном офицерский костяк мирного времени, могли усилить силы полиции в городе. Основу гарнизона Петрограда в военное время составляли 14 запасных батальонов гвардейских полков – Преображенского, Семеновского, Измайловского, Павловского, Егерского, Московского, Гренадерского, Финляндского, Литовского, Кексгольмского, Петроградского, Волынского, 1-го и 2-го стрелковых. Кроме того, в городе находились 1-й запасный пехотный, 1-й и 4-й Донские казачьи полки, запасный самокатный батальон, запасный броневой автомобильный дивизион, несколько военных училищ и курсов. Были и незначительные вспомогательные части.

Если в мирное время столичный гарнизон составлял не более 40 тыс. человек, то уже весной 1916 г. только в гвардейских резервных батальонах насчитывалось 31 700 человек, то есть целый корпус. К началу 1917 г. гарнизон вырос в 4 раза по сравнению с довоенными нормами. Роты запасных батальонов включали до 1 тыс. человек и больше. Некоторые запасные батальоны достигали численности от 18 тыс. до 25 тыс. человек¹. Приблизительно такие же цифры на встрече с военными представителями союзников сразу же после февральских событий привел Гучков. Гарнизон Петрограда, по его словам, насчитывал 150–160 тыс. запасных, разделенных по полкам приблизительно по 10–15 тыс. солдат и по 50–60 офицеров в каждом².

Если в мирное время в гвардейском пехотном полку было 16 рот по 100 человек, то в 1917 г. – 16 рот по 1,5 тыс. человек³. Даже после мобилизации 1914 г. гвардейские полки выглядели куда скромнее – лейб-гвардии Финляндский, например, выступил на фронт, имея в составе 4600 нижних чинов, 72 обер-офицеров, трех штаб-офицеров и одного генерала. К 1917 г. из этого числа выбыло 93,5 % офицеров, а солдат списка 1914 г. в строю оставалось несколько человек⁴. В 1917 г. гвардия находилась на фронте, где штаты не могли бесконечно разрастаться. В тылу наблюдалась другая картина: в запасных частях постоянно росло количество солдат и уменьшалось число офицеров. В среднем, например, в батальоне измайловцев на 8 тыс. солдат приходилось по 7 офицеров⁵.

Небольшое число офицеров делало невозможным поддерживать дисциплину и обучение на должном уровне. «На одного офицера, – вспоминал генерал-квартирмейстер войск гвардии, – приходилось несколько сот полумужиков. Влиять на них было трудно, держать твердо в руках невозможно»⁶. Это становилось все более и более заметным. Уже 14 (27) ноября 1916 г. военный министр издал приказ № 54, начинающийся следующими словами: «Ввиду возникающих нареканий на нарушения чинами Петроградского гарнизона общего порядка военной службы и обязанностей военной дисциплины на улицах и вообще вне мест их казарменного расположения...». Дела нарушителей без всякого замедления предлагалось передавать в военно-полевые суды. Приказ подчеркивал очевидную, казалось бы, мысль об ответственности старших чинов за действия и проступки подчиненных⁷.

Итак, в столичном гарнизоне налицо были первые признаки разложения воинской дисциплины. Складывалась весьма неприглядная картина, для полноты которой необходимо добавить, что далеко не все офицеры, особенно младшие, готовы были не только поддерживать дисциплину, но и соблюдать ее. Более того, за время войны, отмечал доклад на имя главы правительства о состоянии армии в январе 1917 г., различие между «кадровыми» офицерами и офицерами почти совершенно стерлось: «Различие лишь существует в служебных качествах и верности присяге. В случае зарождения массовых выступлений и протестов все же “кадровые” офицеры будут вернее своей присяге в большинстве»⁸.

В армии вообще господствовали опасные настроения. Офицеры и солдаты в массе своей были еще настроены на продолжение войны до победного конца, но длительность войны, а также перебои в снабжении в основном объяснялись влиянием некой «немецкой партии» в тылу. В связи с этим почти повсеместным стало отрицательное отношение к правительству и все заметнее растущая поддержка идеи «ответственного министерства». Не одобряя в целом деятельности Государственной думы, армия тем не менее связывала свои надежды на успокоение страны и благоустройства тыла именно с ней. При этом даже в штабе фронтов (справка о настроении армии составлялась на основе информации по Северному и Западному фронтам) публично высказывались мысли о том, что «в случае роспуска Государственной думы, необходимость переворота будет признана самыми умеренными кругами общества»⁹.

Отношение к императору в целом оставалось хорошим, но Александра Федоровна, которую повсеместно считали главой немецкой партии в России, не пользовалась популярностью среди военных¹⁰. Армия продолжала верить в Николая Николаевича (младшего), на авторитет которого абсолютно не повлиял 1915 г. Результат был явно не в пользу сохранения существующего порядка. «Никогда раньше, – отмечалось в докладе, – в обществе офицеров и даже в присутствии высшего командования не могли происходить такие откровенные разговоры о возможности падения династии»¹¹. Над всеми этими настроениями витали новости из тыла, которые оказывали самое негативное влияние на настроение солдат и офицеров: «Все, возвращающиеся из тыла, говорят об ужасной атмосфере, которая заставляет скорее стремиться на фронт, где легче дышится»¹².

Нечто подобное происходило и в тылу Балтийского флота, скованного на своих основных базах льдом. «В этом году, – вспоминал свою январскую стоянку в Гельсингфорсе командир эсминца “Новик” капитан 1-го ранга Г. К. Граф, – все как-то старались бесшабашно веселиться. В последние месяцы это стало носить даже какой-то дикий отпечаток, будто людям было нечего терять впереди, и они, махнув на все рукой, торопились забыться...»¹³ В столице обстановка была еще хуже. Британский дипломат Роберт Брюс Локкарт так описывал атмосферу в Петрограде перед революцией: «Шампанское лилось как вода. “Астория” и “Европа” – два лучших отеля в столице – были забиты офицерами, которые должны были быть на фронте. Не было никакого позора в том, чтобы быть “симулянтom” или найти синекуру в тылу»¹⁴.

Большое количество беженцев и мобилизованных, увеличившийся гарнизон и рабочие были причиной резкого увеличения населения города. Осенью 1915 г. в городе проживало 2,3 млн человек. Число только зарегистрированных беженцев составило 82 тыс. человек. Прирост населения увеличился на 400 тыс. человек (21 %) по сравнению с уровнем 1910 г.¹⁵, при этом ситуация в разных районах Петрограда разнилась, перенаселенность больше всего была заметна в самом центре города. Так, например, население Петроградской стороны выросло со 190 тыс. человек в 1910 г. до 290 тыс. человек в конце 1915 г.¹⁶ К началу 1917 г. население столицы и ее окрестностей выросло до 3 млн человек. В Петрограде резко

и быстро дорожали квартиры, топливо, транспорт, продовольствие¹⁷. Если зарплата рабочих выросла приблизительно на 100 %, то цены на основные продукты – на 300 %. Только 2 % рабочих Петрограда считали свое материальное положение «сносным». Дороговизна вызвала огромное недовольство как в тылу, так и на фронте, где солдаты не могли не беспокоиться о положении своих семей¹⁸.

Зимой, естественно, задачи снабжения такого огромного города, как Петроград, усложнялись, труднее было найти и временную работу. Все это происходило на фоне очередей за хлебом на улицах города. Большей частью в них стояли женщины, занимавшие очередь в 4–5 часов утра и вынужденные стоять в них на 10-градусном морозе¹⁹. Очереди превращались в своеобразные клубы, в которых распространялись всякого рода слухи и небылицы²⁰. Пока во главе Министерства земледелия и государственных имуществ стоял А. В. Кривошеин, оно справлялось с поставками продовольствия армии и городу. Но когда он по требованию общественности был заменен на графа А. А. Бобринского, ситуация резко изменилась. В интересах городского населения были введены фиксированные цены на основные предметы продовольствия²¹.

Финансовое положение страны было сложным. С одной стороны, говорить о катастрофе не приходилось. С 1916 г., после падения 1914 и 1915 гг., начался рост доходов государства. На 1917 г. доходная часть бюджета была рассчитана на 4 млрд руб., то есть на сумму, на 581 млн руб. превышающую показатели доходов довоенного 1913 г. Все это позволило правительству запланировать рост расходов на нужды здравоохранения, земледелия, торговли, промышленности, железных дорог, церкви и земств. Если в 1913 г. соответствующие расходные статьи составили 1223 млн руб. (37,9 % общих расходов), то на 1917 г. – 1675 млн руб. (46 %)²². С другой стороны, на руках у населения накапливалась явно избыточная денежная масса. Если на 1 января 1915 г. в обращении находилось 2 947 млн руб., то на 1 января 1916 г. – 5 617 млн руб., а на 1 января 1917 г. – уже 9 104 млн руб. При этом выпуск кредитных билетов в январе – феврале 1917 г. составил 846 млн руб.²³

Бумажный рубль постепенно обесценивался вместе с ростом военных расходов. Среднесуточный военный расход страны в 1915 г. равнялся 26 млн руб., в 1916 г. – почти 42 млн руб., и в 1917 г. – свыше 58 млн руб. Курс рубля, который начал падать с первых дней войны, снизился в 1915 г. до 80 коп., к концу 1916 г. – до 60 коп., и к февралю 1917 г. – до 55 коп. относительно уровня 1914 г., а его покупательная способность к 1 марта 1917 г. сократилась в 4 раза. В условиях инфляции результат популистской продуктовой политики был неизбежен: уже в начале 1916 г. возникли перебои со снабжением и резко развился «черный рынок»²⁴.

Урожай 1916 г. не был богатым. Впрочем, ничего катастрофического также не произошло. По данным статистического комитета МВД, к 1 (14) сентября 1916 г. рост запасов товарного хлеба по сравнению с показателями от 1 (14) июля 1916 г. составил 15 589 704 пуда, а общее количество этих запасов по всей Империи достигло 165 523 992 пуда. При этом абсолютное большинство запасов товарного хлеба находилось в Европейской России – 120 538 712 пудов (для сравнения, на Кавказе было 18 594 038 пудов, в Сибири и Средней Азии – 29 391 242 пуда)²⁵. Общие запасы торгового хлеба по всей Империи на 1 (14) октября 1916 г. составили 174 185 573 пуда, что было на 8 661 581 пуд больше, чем 1 (14) сентября того же года. В эти показатели не вошел хлеб, уже закупленный для снабжения армии. Абсолютное большинство товарного хлеба по-прежнему находилось в Европейской России – 142 616 127 пудов (на Кавказе – 12 895 596 пудов, в Сибири и Средней Азии – 18 675 850 пудов)²⁶.

Впрочем, это относительно хорошее состояние начало быстро меняться с конца августа – начала сентября 1916 г. К моменту установления твердых цен в ряде местностей они оказались ниже рыночных. В результате закупки хлеба для фронта и города оказались под

серьезнейшей угрозой. При этом задания продовольственной кампании 1916 г. превышали показатели годичной давности в 2,5 раза. Если в 1915 г. для армии было поставлено 342 млн пудов, то в 1916 г. хлеб централизованно закупался и для армии, и для работающих на оборону, и для крупных промышленных центров. Вместе это составило 755 млн пудов, а с учетом поставок хлеба в незернопроизводящие районы – 900 млн пудов. Уполномоченные по скупке в ряде районов начали попросту реквизировать торговые запасы зерна, что практически немедленно привело к прекращению частной торговли²⁷. Итак, твердые цены на хлеб привели к его исчезновению, во всяком случае, из нормальной, свободной продажи²⁸. По данным полиции, хлеб уже с осени 1916 г. в ожидании повышения цен удерживали от продажи не только его производители – крестьяне и помещики, – но и перекупщики²⁹.

За четыре месяца (август – ноябрь) закупки хлеба нового урожая составили 102 млн пудов. Кроме того, имелись и 85 млн пудов резерва Министерства земледелия. Сделать больше не удалось. Резервы хлеба для армии и города постепенно сокращались³⁰. Для решения этой проблемы по рекомендации А. Ф. Трепова министром земледелия был назначен А. А. Риттих³¹. Это был энергичный человек, заслуженно пользовавшийся репутацией настоящего знатока своего дела³². К моменту его назначения на фронтах запасы хлеба исчислялись нормами, рассчитанными на несколько дней. Новый министр вынужден был прибегнуть к экстраординарным мерам: «Все хлебные грузы, находившиеся в это время в вагонах, были экстренными маршрутными поездами отправлены на фронт. Для удовлетворения неотложных потребностей фронта был почти полностью использованы и те 85 миллионов пудов зерна, которые во время осенней навигации были вывезены на верховья и среднее течение Волги. Принятыми мерами удалось за две недели довести запасы фронтов до менее угрожающего состояния»³³.

Исправив грозившее катастрофой положение, Риттих активно взялся за исправление создавшейся кризисной ситуации. В декабре 1916 г. выход был найден в разверстке 772,1 млн пудов хлеба различного вида по основным губерниям России. При этом часть урожая сдавалась по фиксированным ценам, часть подлежала свободной продаже. При общей верности этого подхода, он имел и скрытые недостатки: разверсткой облагались не только зернопроизводящие, но и нуждающиеся во ввозном хлебе губернии. В результате возникла необходимость дополнительного уточнения первоначальных планов, и срок окончательного выполнения разверстки был передвинут с 6 (19) января до 1 (14) марта 1917 г. Тем не менее этот план выполнен не был, во всяком случае, вовремя³⁴.

Риттих ввел оплату за перевозку хлеба поставщиками по нормам гужевых поставок. Крестьяне должны были подвозить зерно на пункты приема на железной дороге, ранее оплачивалась перевозка на расстояние не более 20 верст, что, разумеется, никак не соответствовало реальному положению вещей: фактически многие поставщики были вынуждены заниматься извозом бесплатно. Изменение норм оплаты немедленно дало о себе знать: в декабре 1916 г. поставки составили 49 млн пудов, в январе 1917 г. – 65 млн пудов³⁵. Ситуация стала явно меняться к лучшему, когда в середине января средние цены на закупку продовольствия выросли более чем 2,5 раза³⁶. К февралю 1917 г. исполнение разверстки по 60 зернопроизводящим уездам составило 97 %³⁷.

Практически все это время (ноябрь 1916 г. – январь 1917 г.) первоочередным образом выполнялись продовольственные наряды фронтов, что позволило к февралю 1917 г. создать там запасы на 18–30 дней. При этом наряды Москвы и Петрограда выполнялись на 10 % и менее³⁸. Столицы вынуждены были расходовать запасы и экономить потребление продовольствия. Результат не замедлил сказаться. Количества муки, масла и яиц, поступав-

ших в Петроград, было недостаточно для удовлетворения ажиотажного спроса на продовольствие³⁹. Атмосфера накалялась. «Достаточно будет, – предупреждало столичное охранное отделение еще в октябре 1916 г., – если хлеб будет прятаться и в дальнейшем, одного этого исчезновения хлеба, чтобы вызвать в столицах и других наиболее крупных населенных пунктах империи сильнейшие волнения с погромами и бесконечными уличными беспорядками»⁴⁰.

Столичные власти шли на любые меры для того, чтобы увеличить производство хлеба. 14 (27) декабря было издано распоряжение градоначальника, запрещавшее под угрозой штрафа в 3 тыс. руб. или трехмесячного заключения выпечку и продажу сдобных булок, тортов, пирожных, печенья и т. п. Все кондитерские должны были перейти на выпечку хлеба. Исключение делалось на рождественские и новогодние праздники (23–27 декабря, 31 декабря и 1 января, Страстную и Пасхальную недели)⁴¹. К началу 1917 г. ситуация не улучшилась. «Лавки, в которых продавался хлеб по гарантированным ценам, стали притягивать к себе тысячи представителей беднейших слоев городского населения. Иностранные обозреватели, – вспоминал Нокс, – постепенно привыкли к длинным очередям бедняков, часами ожидавших на холоде своей очереди или в хлебных магазинах, или в ужасно переполненных трамваях. Эти трудности продолжались так долго, что они стали думать, что эти люди слишком пассивны для того, чтобы предпринять организованное выступление против правительства»⁴².

Это убеждение разделяли и многие русские политики. Риттих на докладе в Особом совещании по обороне 15 (28) февраля 1917 г. заявил, что кризис будет преодолен только при условии удержания объемов поставок на уровне не менее 60 млн пудов ежемесячно. При этом, учитывая недобор урожая в 400 млн пудов, что составляло приблизительно половину количества хлеба, который оставался в России вследствие отсутствия экспорта, министр считал выполнение объемов заготовок в 900 млн пудов нереальным в любом случае. «Без значительного сокращения потребностей тыла, – сказал он, – мы окажемся не в состоянии удовлетворить армию, что ни в коем случае не может быть допущено. Если всеми сознающими долг гражданами России не будут приложены дружные и энергичные усилия к разрешению продовольственного вопроса в указанном направлении, нам предстоит, быть может, тяжелые потрясения»⁴³.

К сожалению, далеко не все оказались в состоянии столь трезво оценить уровень грозящей опасности. Может быть, не все воспринимали возможные потрясения как опасность. Когда Нокс попытался обратить внимание Родзянко на опасное положение с продовольствием в тылу и сказал, что даже офицерские семьи не имеют достаточно муки и сахара и что люди завтра могут начать бить окна, последовала удивительная для британского военного атташе реакция: «Он (Родзянко. – *А. О.*) только рассмеялся и сказал, что у меня горячая голова»⁴⁴. На самом деле, основания для беспокойства были. В тылу не было надежной вооруженной силы. Обучение новобранцев-пехотинцев не было поставлено на должный уровень. Несколько лучше дело обстояло в кавалерии и артиллерии.

«Солдаты после двух лет войны в значительной массе также были уже не те, – вспоминал генерал Врангель. – Немногие оставшиеся в рядах старые солдаты, несмотря на все перенесенные тяготы и лишения, втянулись в условия боевой жизни, но остальная масса, те пополнения, которые беспрерывно вливались в войсковые части, несли с собой совсем иной дух. Состоя в значительной степени из запасных старших сроков, семейных, оторванных от своих хозяйств, успевших забыть пройденную ими когда-то воинскую школу, они неохотно шли на войну, мечтали о возвращении домой... Подготовка пополнений в тылу, обучение их в запасных частях стояли в общем низко. Причин этому было много: неправильная постановка дела, теснота и необорудованные казармы, рассчитанные на значительное

меньшее количество запасных кадров, а главное отсутствие достаточного количества опытных и крепких духом офицеров и унтер-офицеров инструкторов. Последние набирались или из инвалидов, или из зеленой молодежи, которой самой надо было учиться военному делу. Особенно резко все эти недочеты сказывались в пехоте, где потери и убыль кадровых элементов были особенно велики»⁴⁵. Положение в Петрограде было особенно тяжелым.

Значительная часть солдат запасных полков состояла из жителей столицы, не отличавшихся высокими боевыми качествами. В массе своей это были рабочие, настроенные против войны⁴⁶. Поднять их боеспособность власти не могли, как, впрочем, и занять свободное время солдат. В этих условиях запасные части не могли быть поддержкой для фронта, скорее наоборот. Бывший военный министр генерал Редигер с горечью восклицал: «Да как же и могло быть иначе, когда эти войска почти не имели кадров и в них не было ни порядка, ни правильного обучения, и нижние чины сами видели, что их напрасно призвали!»⁴⁷ Полковник В. М. Пронин вспоминал: «Это были не солдаты, а одетые в солдатские шинели разных категорий люди, над приведением коих в солдатский вид нужно было и время, и совершенно другая обстановка, и, наконец, что самое важное, достаточное количество хорошего качества обучающего (офицерского и унтер-офицерского) кадра. Обстановка большого города развращающе действовала на запасных»⁴⁸.

Казармы были переполнены, койки стояли в три ряда, при отсутствии достаточного числа офицеров и унтер-офицеров контролировать эту массу было очень сложно. С осени 1916 г. нормы пищевого довольствия как на фронте, так и в тылу были сокращены в 1,5 раза. В гвардии нижние чины стали получать по 2 фунта хлеба и 0,5 фунта мяса в день. В тылу было введено 3 постных дня в неделю, в которые вместо мяса солдатам давали треску или воблу. Сокращение было разумным, но встречено оно было крайне неприязненно, тем более что качество пищи часто оставляло желать лучшего. Скучный солдатский паек, наличие соблазна в виде переполненного одинокими женщинами города – все это провоцировало самовольные отлучки. Боролись с ними усилением пропускного режима: переполненные казармы все более походили на тюрьму⁴⁹. «По беспечности или отсутствию предвидения, – вспоминал Маннергейм, – в Петербурге не было надежных войск, но только новобранцы и подкрепления, набранные из местных резервистов, большей частью фабричных рабочих. Это было очень необычно для России, где было правило никогда не держать солдат поблизости от их домов»⁵⁰.

Большая часть запасных, около 200 тыс. человек, действительно была собрана в 1916–1917 гг. из местного населения, преимущественно из рабочих⁵¹. «Что касается солдат столичного гарнизона, – отмечал великий князь Кирилл Владимирович, – то они были обеспечены всем необходимым и почти ничего не делали»⁵². Особенно опасным для правительства подобный гарнизон делала обстановка в столице. Николай II по инициативе генерала Безобразова – командующего Гвардейским корпусом – хотел перебросить в столицу фронтовые гвардейские части еще до болезни Алексея, однако начальник штаба категорически возражал, и император решил не настаивать. Алексеев аргументировал свою позицию следующим образом: во-первых, он надеялся осуществить весной 1917 г. прорыв на Юго-Западном фронте и наиболее боеспособные части предпочитал держать именно на этом направлении, а во-вторых, по его мнению, казармы Петроградского гарнизона были и так переполнены⁵³.

Казалось бы, события, произошедшие в начале июня 1915 г. в Москве, доказывали необходимость иметь хотя бы в столицах и наиболее крупных городах большие силы полиции, подкрепленные надежными воинскими частями. Гвардейские кавалеристы осенью 1916 г. прочно засели в окопах под Стоходом. «Было скучно и неудобно; все поглощены были одним желанием, – вспоминал офицер лейб-драгунского полка, – отсидеть положенный срок

в грязных и сырых окопах, уехать к коноводам, или в лучшем случае в отпуск в надежде вымыться и привести себя в порядок»⁵⁴.

Гурко вспоминает, что по инициативе Протопопова император предложил ему послать в Петроград две кавалерийские дивизии (одну гвардейскую из Особой армии) для отдыха от фронта. Это свидетельство подтверждается и Курловым. 14 (27) января 1917 г. 1-я гвардейская кавалерийская дивизия – отборная часть с хорошо сохранившимся офицерским составом – получила приказ о подготовке к возвращению с фронта на зимние квартиры в столицу. Уже началась подготовка казарм к принятию полков, как через три дня приказ был отменен. Гурко считал его выполнение невозможным по причине того, что войска негде разместить. Император удовлетворился переброской части гвардейского флотского экипажа в Царское Село. Это была часть, пользовавшаяся особой симпатией монарха, но сам он среди моряков не был популярен⁵⁵. В результате ситуация несколько не улучшилась.

Именно Особая армия обладала наиболее дисциплинированными воинскими частями, гвардией. Начальник разведывательного бюро австро-венгерской армии полковник М. Ронге вспоминал: «В декабре 1916 г. разведка распространила в расположении противника листовки с приказом императора Карла по армии и флоту о мирном предложении Австрии, Болгарии и Турции и затем повсюду проследила, какое впечатление произведет этот приказ в неприятельских странах. У русских наши воздушные шары с листовками часто встречали восторженный прием. Впрочем, в Особой армии братание с нашими солдатами было ликвидировано русским командованием при помощи телесных наказаний. Пленные, в особенности из русских гвардейских частей, расценивали мирное предложение как признак нашей слабости»⁵⁶.

Однако и гвардия, разбавленная после потерь, понесенных в июле – сентябре 1916 г., низкими по качеству подготовки пополнениями, была не столь однородной. Пришедшие из тыла запасные приносили с собой настроения столичного гарнизона⁵⁷. Гораздо лучше дело обстояло в кавалерийских частях, которые не использовались так же активно, как пехота за последний год войны. Однако ни гвардейская пехота, ни гвардейская кавалерия так и не остались на месте. Об отказе командования перебросить гвардейские части в столицу свидетельствует и Вырубова, имевшая возможность достаточно близкого общения с императорской четой непосредственно в предфевральский период: «Вероятно, все же государь отчасти тревожился и высказывал сожаление, что в Петрограде и Царском Селе нет настоящих кадровых войск, и выражал желание, чтобы полки гвардии поочередно приходили в Царское Село на отдых и, в случае нужды, думаю, чтобы предохранить от грозящих беспорядков. Первый приказ последовал гвардейскому экипажу выступить с фронта в Царское Село, но почти сейчас же получил контр-ордер от главнокомандующего генерала Гурко, заменившего больного генерала Алексеева»⁵⁸. Экипаж все-таки вошел в Царское Село после длительной волокиты, но, вспоминает Вырубова, Гурко удалось под различными предлогами уговорить императора отказаться от намеченного плана перевода туда же полка улан Его Величества⁵⁹. Об этом же свидетельствует и дворцовый комендант⁶⁰.

Казалось бы, предлагалась весьма разумная мера. Если не хватало места в столичных казармах, то необходимо было выводить из них части на фронт, сделать отдых в Петрограде своеобразным вознаграждением заслуженным, отличившимся подразделениям, тем более что кавалерия не находила себе применения на фронте. Кроме того, фронтовым частям нужно было бы больше времени, чтобы попасть под влияние атмосферы и пропаганды столицы, ротация частей могла бы сделать это влияние невозможным и обеспечить силу для введения военного положения в тылу. Эта мера могла бы частично снять утомленность войск на позициях. С 1915 г. отпуска захватывали от 2 до 5 % состава армии, к началу 1917 г.

в них находилось до 500 тыс. солдат и офицеров⁶¹. Утомившись в бесполезной борьбе с военными, Министерство внутренних дел вынуждено было попытаться обойти их организационно: «В Петрограде собралась огромная масса запасных, которые напоминали скорее бунтовщиков, чем дисциплинированные войска. Все меры Министерства внутренних дел по охране порядка наталкивались на противодействие главнокомандующего армиями Северного фронта, генерал-адъютанта Рузского, так что Протопопов принужден был просить государя изъять столицу в административном отношении из ведения главнокомандующего. Но царь дал свое согласие только перед самой революцией»⁶². Начальник гвардейских запасных частей и вместе с тем начальник войсковой охраны Петрограда генерал-лейтенант А. Н. Чебыкин 9 (22) января 1917 г. ушел в отпуск по болезни и отправился на Кавказ, сменивший его полковник В. И. Павленков был тоже очень больным человеком, вообще в гарнизоне было очень много больных и раненых офицеров. В начале февраля по личному указанию Николая II была утверждена новая должность командующего войсками Петроградского округа, непосредственно подчинявшегося военному министру. Им стал все тот же Хабалов⁶³.

Это был человек нерешительный, более педагог, чем военный, и более теоретик, чем практик. Он явно был не на уровне тех требований, которые предъявляло к его новой должности время. «То был довольно старый, не разбиравшийся в политике генерал солдатского типа, – вспоминал генерал Спиридович, – когда-то отличный начальник Павловского военного училища, но теперь человек усталый. Боевая работа ему была уже не по плечу, а пост ему доверили боевой»⁶⁴. Генерал был плохо известен в войсках, его имя ни о чем не говорило простому солдату, и он не мог надеяться увлечь его за собой⁶⁵. Власти ожидали обострения ситуации 14 (27) февраля, в день открытия работы думской сессии. Еще 8 (21) февраля в Министерстве внутренних дел было принято решение подготовить проект манифеста о роспуске Думы, а на следующий день был подготовлен и план охраны столицы на случай волнений 14 (27) февраля. Главную роль в обеспечении порядка должны были играть части Петроградского гарнизона⁶⁶.

Когда проект роспуска Думы еще только рассматривался в МВД, Протопопов попросил Курлова, своего однополчанина и друга, выяснить степень надежности гарнизона столицы. Тот пригласил к себе командира резервных частей гвардии генерала Чебыкина и его помощника полковника Павленкова. Они убеждали Курлова в абсолютной благонадежности своих частей, несмотря на недостаток кадровых офицеров⁶⁷. Это поведение может показаться удивительным, так как при получении плана действий гвардии на случай волнений командовавший преображенцами Павленков и командир измайловцев полковник П. В. Данильченко твердо заявили о том, что гвардейские части в столице могут только готовить пополнение и явно не в состоянии выполнить ту задачу, с которой гвардия справилась в 1905 г.⁶⁸

Чебыкин прервал рассуждения подчиненных, заявив офицерам, что собрал их не для критики плана, утвержденного двумя министрами – военным и внутренних дел. Генерал был категоричен: «Ваше дело исполнять приказание»⁶⁹. Чебыкин надеялся возглавить новый резервный Гвардейский корпус, который мог бы быть сформирован из резервных частей столичного гарнизона. Он был заинтересован в его сохранении. На совещании у Хабалова в штабе Петроградского округа 9 (22) января 1917 г. Чебыкин поручился за свои войска, тем более что он планировал задействовать при подавлении возможных выступлений «все самые отборные, лучшие части – учебные команды»⁷⁰. Эти части считались благонадежными и министром внутренних дел⁷¹.

Курлов и товарищи министра внутренних дел князь В. М. Волконский и В. А. Балъц придерживались абсолютно другой точки зрения на запасные гвардейские части. Протопопов был потрясен⁷². Император колебался: практически все его окружение, за исключением императрицы, уговаривало его пойти на уступки, и 11 (24) февраля он отказался от предложенного проекта роспуска Думы⁷³. Тем не менее угроза того, что правительство будет действовать решительно, была замечена. В Думе с удивлением следили за развитием событий и явно опасались того, что роспуск будет немедленным. «Новый председатель Совета министров не делал никаких попыток к сближению с Г думой, – отмечал 13 (26) февраля корреспондент «Биржевых Ведомостей». – Вот почему положение остается столь неясным и туманным»⁷⁴. Действительно, предшественники Голицына сразу же приступали к попыткам наладить диалог с оппозицией. Он молчал, но при этом говорили другие.

Накануне открытия думской сессии последовало объявление о недопущении рабочих выступлений, сделанное Хабаловым. В ответ на него выступил Родзянко. 13 (26) февраля он заявил: «Я глубоко убежден, что все русские рабочие всех заводов и предприятий настроены вполне патриотично, и потому все эти слухи и предположения кажутся мне невероятными. Россия находится в периоде крайнего напряжения всех своих духовных и физических сил. В такое время отсутствие спокойного отношения к совершаемой на пользу отечества работе может принести только глубочайший вред делу государственной обороны. Я считаю всякие уличные выступления крайне вредными для нашего общего дела, и неизбежные при этом беспорядки только на руку немцам. Искреннее надеюсь, что рабочие от этого воздержатся и что возобновление занятий Г думы не будет омрачено таким бедствием, которое вселит в умы смуту и помешает успешному исполнению тех громадных задач, которые лежат на всех нас и перед Г думой в частности»⁷⁵.

Тревожный день открытия думской сессии прошел относительно спокойно: бастовало всего около 20 тыс. человек, попытки организации демонстраций были пресечены полицией⁷⁶. Положение в Петрограде не вызывало у Николая II опасений⁷⁷. Казалось, что события развиваются по привычной уже схеме. Голицын не прибыл в Думу, а выступление министра земледелия А. А. Риттиха, призвавшего депутатов к совместной работе, было ими проигнорировано. Думцы продолжали выступать против правительства, но эти выступления не имели уже того накала, как в ноябре прошедшего года⁷⁸. 21 февраля (6 марта) император принял доклад министра внутренних дел. Протопопов уверял его в том, что столица находится под контролем⁷⁹.

Ставка, железные дороги, признаки кризиса

Николай II собирался выехать в Могилев в среду 22 февраля (7 марта) 1917 г.¹ Там происходили рутинная смена и отчет командования. В этот день в Ставку вернулись Гурко и Алексеев, «заметно поправившийся», как отмечает Генбери-Вильямс². Хотя официальной встречи не было назначено, Алексеева встречали почти все его подчиненные. «Хорошо загоревший на южном солнце, он не производил впечатления человека, который находился на волоске от смерти всего несколько месяцев назад», – вспоминал Гурко³. Как показали дальнейшие события, Алексеев скорее отдохнул, чем излечился⁴. Уже через несколько дней после возвращения доктора ему прописали соблюдать постельный режим по несколько часов в день⁵. За два дня Гурко отчитался перед Алексеевым и испросил разрешение на отпуск. Окончательно он получил его от императора и отбыл в Луцк, в штаб Особой армии, чтобы 1 (14) марта уехать на Северный Кавказ отдыхать и лечиться⁶.

Император отсутствовал почти два месяца, но 22 февраля (7 марта) в 14:00 и прибыл в Ставку. Императорский поезд, как всегда состоявший из шести вагонов, следовал обычным путем через Лихославль, Вязьму, Смоленск, Оршу в Могилев. Ничего тревожного по дороге не наблюдалось. На вокзале Верховного главнокомандующего встречал Алексеев и чины штаба⁷. «Был солнечный и холодный день, – писал Николай II, – и меня встретила обычная публика с Алексеевым во главе. Он выглядит действительно очень хорошо, и на лице выражение спокойствия, какого я давно не видал. Мы с ним хорошо поговорили с полчаса»⁸. Пробыв в Царском Селе почти два месяца, Николай II вернулся в Ставку 23 февраля 1917 г., в четверг. Его возвращение не вызвало, по словам Шавельского, особой радости у чинов Ставки, особенно у старших. Нередки были разговоры: «Чего едет? Сидел бы лучше там! Так спокойно было, пока его тут не было...»⁹ Это говорилось за несколько дней до начала волнений в столице. Морально Ставка была уже к ней готова. «Внутреннеполитическая напряженность, охватившая широкие общественные круги страны незадолго до революции, не могла, конечно, не повлиять в той или иной мере на психологию офицерства Ставки, которое по своему положению было более в курсе всего происходившего, – вспоминал один из офицеров. – Не скажу, чтобы часто, но все-таки были разговоры и суждения на политические темы, являвшиеся отзвуком тогдашних общественно-политических настроений. Из Петрограда доходили слухи о могущих быть “крупных переменах наверху” и даже о “дворцовом перевороте” и т. п. Однако о возможности революционного взрыва во время войны не допускалось и речи»¹⁰.

Преемник генерала С. А. Ронжина (он был переведен в распоряжение военного министра 15 (28) января 1917 г.)¹¹ на посту начальника военных сообщений театра военных действий генерал Н. М. Тихменев отмечал: «По своей должности я непосредственно осязал оба эти явления, будучи, с одной стороны, ответственным за железнодорожные перевозки на театре военных действий, а с другой, зная несоответствие количества перевозимых продовольственных грузов потребностям армии. Причины обоих явлений были очень понятны. Наша слабая железнодорожная сеть (значительно, впрочем, усиленная на театре войны заботами Ставки Верховного главнокомандующего) не могла справиться с большими дополнительными перевозками, вызванными потребностями войны, и работала с перегрузкой. По общему закону каждое механическое устройство может дать только ту работу, на которую рассчитано. Всякое насилие над ним ведет только к его изнашиванию и отказу. Этот простой закон в применении его к железным дорогам никак не усваивался ни высшими военными

начальниками, ни правительственными учреждениями, ни так называвшейся “общественностью”. Железные дороги казались каким-то таинственным и неисчерпаемым источником, который должен был давать все, что от него требовали и сколько бы ни требовали. Приходилось вести постоянную борьбу с требованиями на экстренные поезда разных имущих власть лиц, с требованиями пропуска разных благотворительных учреждений в поездах не только мало полезных для армии (но тешивших самолюбие тех лиц, которые их устраивали, или способствовавших карьерным целям этих лиц), но и прямо вредных, ибо они отнимали часть пропускной способности железных дорог, необходимой для удовлетворения более насущной пользы армии и населения»¹².

В конце 1916 – начале 1917 г. стали ощущаться первые признаки расстройства железнодорожного транспорта и кризис в снабжении продовольствием города и армии. На некоторых направлениях морозы и перегруженность коммуникаций приводили к резкому сокращению снабжения продовольствием. «Насколько плохо было с железными дорогами на румынском фронте, – вспоминал один из железнодорожников, – видно из того факта, что там пришлось приостановить обращение санитарных поездов и отправлять раненых в товарных вагонах, освобождаемых от прибывавшего провианта. Смертность была ужасная. Многие при 20-градусных морозах просто замерзали в неотапливаемых вагонах. Восстановить же санитарные поезда – это значило прекратить подвоз пищи здоровым»¹³.

Особенно тяжелым было положение на Николаевской железной дороге, эксплуатация которой во время войны была особенно напряженной. Уже зимой 1915 и весной 1916 г. для того, чтобы обеспечить бесперебойное движение грузов по ней, Министерство путей сообщения вынуждено было три раза останавливать пассажирские перевозки по линии Москва – Петроград на срок до семи дней. Выйти из этого тупика путем усиленной эксплуатации дороги, как предлагала думская оппозиция, было невозможно: это приводило к «полной зашивке», то есть к забитости путей вагонами.

Выступая в марте 1916 г., то есть немногим более чем за год до февральского кризиса, А. Ф. Трепов обрисовал сложность положения следующими словами: «Надо же обратить внимание на то, каковы потребности Петрограда и близлежащих к нему местностей и каковы способы их удовлетворения. Население Петрограда во время войны дошло до двух с половиной миллионов человек, заводы, работающие на государственную оборону, сосредоточены в огромном своем количестве в г. Петрограде, производительность их увеличилась в три с половиной раза; следовательно, и снабжение их как углем, так и сырьем потребовало в три с половиной раза больше перевозок. Независимо от этого, за Петроградом стоит Финляндия, снабжавшаяся в мирное время всеми продуктами либо из Швеции, либо морем из других стран, – это все легло ныне на Петроград. Обмен наших товаров со Швецией является тоже необходимостью в виду того, что некоторые предметы мы получать должны оттуда; следовательно, перевозки эти тоже должны обслуживаться нашими дорогами. Вот, сводя это все вместе, я думаю, это совершенно ясно удостоверяет, что потребности перевозочные для Петрограда возросли в крайних пределах. Между тем что же у нас осталось для их удовлетворения? Как я уже говорил, морские перевозки совершенно отпали. Из железных дорог, вследствие сравнительной близости к нам фронта, для обслуживания потребностей военных отошли Балтийская, Северо-Западная и Москово-Виндаво-Рыбинская. Финляндская дорога находится за Петроградом; ее считать не приходится. Что же нам остается? Одна Николаевская дорога, потому что северные дороги я тоже считать не могу, ибо они примы

кают к Николаевской дороге и выход у них является единым. Вот на одной Николаевской ж. д. зиждется весь Петроград; она является нервом жизни

столицы, значит, нервом жизни страны (подчеркнуто мной. – А. О.)»¹⁴.

За год обстановка практически не изменилась, во всяком случае, к лучшему. 26 января (8 февраля) 1917 г. начальник Московско-Казанской железной дороги инженер Ю. А. Пешель заявил: «Ни для кого не составляет тайны, что наши дороги чрезвычайно бедны техническими усовершенствованиями и не удовлетворяют требованиям. Помимо обстоятельств, вызванных войной, к этому в настоящее время добавилась еще новая беда – морозы и метели. До морозов мы еще добивались все-таки того, что довольно правильно отправляли грузы, морозы лишили нас возможности выполнять определенные задания; естественно, что при таком положении вещей созданся угрожающий затор грузов, и на очередь стал вопрос о необходимости принятия радикальных мер по разгрузке дорог. Но сделать это можно только путем применения героических мер»¹⁵. Под последними подразумевалось прекращение, хотя бы частичное, пассажирского сообщения на железной дороге.

1 (14) февраля 1917 г. Управление Николаевской железной дороги вынуждено было объявить, «ввиду совершенно необходимого в государственных интересах усиления перевозок топлива, продовольствия и других важнейших жизненных грузов в потребных количествах», перерыв в прямом пассажирском железнодорожном сообщении Петроград – Москва (3 ежедневные пары поездов). Отмена частично компенсировалась выделением дополнительных вагонов на поезда Петроград – Тифлис (Севастополь, Кисловодск, Ташкент, Саратов). Последняя мера не решала транспортных проблем, и управление вынуждено было ввести ограничение на продажу билетов, которые теперь можно было приобрести при условии поездки «по делам обороны»¹⁶. Перерыв в пассажирском движении не был полным, но принят был с явным недовольством.

Население столицы во время войны постоянно росло. В 1913 г. численность жителей Петербурга составила 2124,6 тыс. человек, в 1914 г. – 2217,5 тыс. человек, в 1915 г. – 2314,6 тыс. человек, в 1916 г. – 2415,7 тыс. человек, и в 1917 г. – 2420 тыс. человек¹⁷. Эти цифры не учитывали численность гарнизона, кроме того, значительная часть беженцев, переполнивших русские города в 1915 г., вообще слабо поддавалась учету. Суровая зима добавила проблем и к без того напряженной ситуации. Нерв жизни столицы, а значит, и страны, был временно выведен из строя. Посетивший в конце 1916 г. Петроград генерал Маннергейм вспоминал: «Мораль в Петербурге находилась на очень низком уровне. Не только правительство, но и Царь открыто подвергались критике. Люди устали от войны, экономика погрузилась в хаос. За время последних недель сильные холода вывели из строя более тысячи локомотивов, и, кроме того, положение усугубили сильные снегопады, которые были причиной перебоев на транспорте, приведших к острой нехватке горючего и хлеба в столице и других крупных городах»¹⁸.

Уже 6 марта на улицах Петрограда появились усиленные казачьи патрули, а вскоре и небольшие предвестники будущего – несколько сот человек, разбившихся на группы по 10–15, – молчаливо прогуливались по Невскому. Их не разгоняли¹⁹. Возможность революционного выступления была очевидной, и поэтому так же, как и в феврале 1916 и январе 1917 г., были обсуждены министром внутренних дел и градоначальником Петрограда генералом А. П. Балком предупредительные (доставка продовольствия) и карательные меры по борьбе с беспорядками. Балк ранее занимал должность помощника варшавского обер-полицмейстера и имел опыт борьбы с революционными выступлениями 1905 г. Кроме того, его кандидатуру поддерживал Протопопов: они вместе учились в 1-м кадетском корпусе. За основу было взято положение 1905 г., при этом предполагалось по возможности обойтись – без привлечения запасных войск – полицией, конной стражей, жандармами и учебными командами запасных батальонов. Их было недостаточно – всего около 12 тыс. (из которых полицейских жандармов только 1200), в то время как требовалось не менее 60 тыс.²⁰ Собственно,

полицейские силы Петрограда не превышали 3500 городских, вооруженных револьверами и устаревшими японскими винтовками. Конные городовые имели нагайки и шашки²¹.

Слабость столичной полиции была очевидной. Естественно, что подобное положение вещей не могло не настораживать. 22 февраля (7 марта) военный министр созвал на совещание всех начальников управлений своего министерства для того, чтобы заявить о приближавшихся опасных для государства волнениях. «В своей речи, – вспоминал один из участников заседания, – Беляев выявил себя вполне растерянным человеком, совершенно не знающим, что предпринимать ему самому и что мы должны делать при развивающихся непредусмотренных событиях. Насколько он был растерян, можно было заключить из того, что он предложил развести мосты, чтобы воспрепятствовать проникновению рабочих из Выборгского района и Петербургской стороны в центр города; ему тотчас же заметили, что реки скованы льдом и эта мера не имеет никакого смысла»²². Точной информации о настроениях гарнизона власти не имели, так как с 1913 г. ни Охранное отделение, ни департамент полиции не имели прав ввести агентуру в войска²³.

Беспорядки в столице

В четверг, 23 февраля (8 марта) 1917 г. в столице начались демонстрации. Причиной их было недостаточное количество хлеба, вызванное забастовкой пекарей¹. На ряде заводов (например, «Арсенал») забастовка начиналась следующим образом: на территорию вторгалась толпа агрессивных подростков от 16 до 18 лет (около 70 человек), которая начинала призывать бросить работу и избивать противников стачки². В результате количество стачечников росло как снежный ком. Попытка директора завода устыдить рабочих (он заявил, что остановка работы на военном заводе во время войны является предательством) вызвало ответные крики: «Сухомлинов! Мясоедов! Царица сама шпионка!». Причина такой осведомленности была проста. Один из кричащих вспоминал: «Перед этим ведь рабочие читали письмо к рабочим членов Государственной думы со списками замешанных в шпионстве»³.

К полудню на Выборгской стороне бастовало уже около 30 тыс. человек, активное участие в волнениях поначалу приняли женщины. Рабочие останавливали движение трамваев и, переходя от одного завода к другому, призывали прекратить работу и снимали с производства тех, кто не прислушивался к этим словам. Демонстранты начали выходить на Литейный и Невский проспекты⁴. Следует отметить, что разношерстная масса поначалу вовсе не была агрессивной⁵. «Густая толпа медленно и спокойно двигалась по тротуарам, – вспоминал генерал Балк, – оживленно разговаривала, смеялась, и часам к двум стали слышны заунывные голоса: хлеба, хлеба... И так продолжалось весь день всюду. Причем лица оживленные, веселые и, по-видимому, довольные остроумной, как им казалось, выдумкой протеста»⁶.

Вскоре события стали приобретать непредвиденный никем характер. «Крушение романовской монархии в марте 1917 года было одной из самых спонтанных, анонимных и лишенных вождей революций в истории.

В то время как почти каждый думающий наблюдатель в России в зиму 1916–1917 гг. предвидел вероятность краха существующего режима, никто даже среди революционных лидеров не осознавал, что забастовки и продовольственные беспорядки, начавшиеся в Петрограде 8 марта, закончатся мятежом гарнизона и свержением правительства через четыре дня»⁷. Эти слова американского исследователя Февраля во многом заложили начала историографической традиции этих событий. С ними трудно не согласиться: прежде всего, начавшаяся революция стала неожиданностью для революционеров. И это вполне естественно, потому что она ими и не готовилась. Начавшись неожиданно для одних, и не мечтавших о быстрой и скорой революции, она почти сразу стала приобретать неожиданные формы и для других, так мечтавших о государственном перевороте. Впрочем, свой вклад в начало движения (во всяком случае, на улицах) внесли все неправые элементы общества.

На совещании у Хабалова 23 февраля (8 марта) было подтверждено решение о разделении города на участки и закреплении за каждым воинской части, которая могла быть задействована в случае, если не хватит сил полиции и казаков. Вопрос об усилении полиции пулеметами не рассматривался даже в этот момент, а без разрешения воинских властей полиция не могла получить это оружие⁸. Пулеметов, о стрельбе из которых потом так много говорили «февралисты», на вооружении у полиции не было⁹. Военные власти накануне событий были слишком растеряны для того, чтобы подготовиться к решительным действиям. Их неуверенность сказалась сразу же. 23 февраля (8 марта) исполняющий тогда обязанности делопроизводителя в Главном штабе В. Д. Набоков заметил, что «...в Петербурге очень неспокойно, рабочее движение, забастовки, большие толпы на улицах власть проявляет нервность и как

бы растерянность и, кажется, не может особенно рассчитывать на войска, в частности, на казаков»¹⁰.

Конные городовые, которые поначалу действовали на улицах, разгоняли собравшихся, по преимуществу женщин (толпа пропускала их и снова смыкала ряды после их проезда)¹¹. Без поддержки войск сил полиции было совершенно недостаточно для более жестких действий. Именно на кавалерию начальник столичного гарнизона возлагал особые надежды. Поскольку толпа на улице поначалу вела себя достаточно спокойно, Хабалов распорядился воздерживаться от применения оружия, разгоняя демонстрантов конными частями. Он считал возможным ограничиться этими мерами и обойтись без кровопролития, а также предпринял усилия по увеличению выпечки хлеба. Генерал считал, что его недостаток был результатом провокации и ажиотажа, вызванного слухами и ожиданием введения карточной системы распределения¹².

В городе были значительные запасы муки – около 450 тыс. пудов. При жестком нормировании этого хватало на обеспечение трехмиллионного населения Петрограда не менее чем на шесть дней (приблизительно 2,4 кг хлеба на человека, исходя из нормы 400 грамм – 1 фунт – в день);

при установившемся (100 тыс. пудов в день) – примерно на четыре дня. Сложное положение с хлебом продолжалось с осени 1916 г., а двухнедельное прекращение железнодорожной связи между Москвой и Петроградом (с 1 (14) февраля 1917 г.) ухудшало это положение и провоцировало рост опасений среди населения столицы. Петроград особенно сильно зависел от железнодорожных и дальних перевозок: сказывалось его географическое положение и отдаленность от основных зернопроизводящих центров страны. 79,4 % хлебных грузов, прибывающих сюда, проделывали путь, превышающий 1000 верст, в то время как в Москве эта цифра равнялась только 13,5 %. 25 февраля (10 марта) ожидалось прибытие шести «маршрутных поездов» с зерном, а 2 марта – еще шести, что обеспечило бы столицу хлебом до мая¹³.

Норма снабжения оставалась неизменной – 1,5 фунта хлеба на неработающего жителя города, 2 – на рабочего и солдата. Правда, для получения этой нормы необходимо было выстоять очередь¹⁴. Слухи, вызвавшие ажиотажное потребление, резко увеличили длину очередей, превратив их в рассадники для распространения новых слухов. «Очереди за хлебом увеличились вдвое, – вспоминал американский журналист. – Многие стояли в них целую ночь. Булочные, которые получили муку и работали всю ночь, к девяти утра были уже пустыми. Даже те из них, которые имели запасы муки, не могли производить хлеб достаточно быстро. Быстро распространялись сообщения о нехватке хлеба»¹⁵. Вызванные заморозками перебои с движением срывали ежедневную норму питания Петрограда – 40 вагонов с зерном в день. Следует учесть, что все расчеты снабжения не учитывали наличия военных запасов, которые также можно было пустить в дело и компенсировать взятое после восстановления нормальной работы железной дороги¹⁶. Положение было сложным, но еще не критическим.

Иными словами, хлеба было достаточно на складах, но не хватало на прилавках: это вызывало продовольственную панику и будило протестные настроения. В немалой степени пробуждению этих настроений способствовал и следующий факт, отмеченный в рапорте градоначальника столицы на имя командующего войсками Петроградского округа от 23 февраля 1917 г.: «В течение последних четырех дней почти вся столичная пресса посвящала ряд заметок и статей вопросу о введении в Петрограде карточной системы на хлеб: обстоятельство это было вызвано тем, что петроградское общественное управление занялось обсуждением этого дела, не имея на то, по моему мнению, ни права, ни достаточных оснований

без ведома уполномоченного председателя Особого совещания по продовольствованию столицы»¹⁷.

Группы демонстрантов во второй половине дня прорвались в центр города, где их встретили усиленные наряды конной полиции и казаков. Толпы останавливали трамваи, били в них стекла. Демонстрантов разгоняла конница, но они собирались снова. К вечеру 23 февраля (8 марта) активность на улицах столицы спала: митингующие разошлись по домам¹⁸.

Несмотря на размах забастовки (в ней принимало участие до 200 тыс. рабочих), она первоначально не вызвала особого опасения столичных властей.

«Такие забастовки, – вспоминал начальник Петроградского охранного отделения, – бывали и раньше и не могли предвещать чего-либо опасного и на этот раз. Но через ЦВПК в рабочие массы были брошены политические лозунги, и был пущен слух о надвигающемся якобы голоде и отсутствии хлеба в столице»¹⁹. В этот день Керенский предложил в Думе включить в формулу перехода требование отставки правительства и создания нового кабинета, подчиненного «контролю всего народа», а также свободы слова, собраний и организаций²⁰. Требования к правительству были сформулированы менее радикальным образом: «Признавая необходимым: 1) чтобы Правительство немедленно приняло меры для обеспечения продовольствием населения столиц так же, как и других городов; 2) чтобы, в частности, были немедленно удовлетворены продовольствием рабочие заводов, работающих на оборону; 3) чтобы к распределению были теперь же широко привлечены городские самоуправления и общественные элементы и организованы продовольственные комитеты, и 4) чтобы все уволенные рабочие Путиловского и Ижорского заводов были немедленно приняты обратно и деятельность заводов немедленно восстановлена, – Государственная дума переходит к очередным делам»²¹.

В Ставке тем временем внешне все шло обычным чередом. После утреннего чая последовал доклад Алексеева, на котором присутствовали генералы В. Н. Клембовский и А. С. Лукомский. В 12:30 за завтраком собрались представители иностранных военных миссий, Свита, генералы Алексеев и Иванов, великие князья Сергей и Александр Михайловичи. К тому времени были получены первые телеграммы о волнениях, офицеры за столом переспрашивали друг друга о последних новостях из Петрограда. Но атмосфера в целом была спокойной: по окончании завтрака император поехал на автомобильную прогулку²². Даже на следующий день Николая II больше беспокоило состояние здоровья детей: они заболели корью. За исключением этого, он чувствовал себя спокойно и уверенно: «Мой мозг отдыхает здесь – ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания»²³. Тем не менее начавшиеся в Петрограде волнения в Ставке восприняли с опасением, так как знали, что в городе нет ни одной «прочной кадровой части»²⁴.

Уже в первый день волнений подтвердились опасения насчет частей гарнизона. Поздним вечером 23 февраля (8 марта) в здании столичного градоначальства было собрано совещание военных и полицейских властей Петрограда под председательством Хабалова. Генерал Балк сделал доклад о прошедшем дне. Выяснилось, что из выделенных в распоряжение конных частей решительно действовал 9-й запасной кавалерийский полк; 1-й Донской казачий Ермака полк, недавно прибывший в столицу после доукомплектования призывными старших возрастов, фактически бездействовал. В этот же день произошла первая встреча казаков с демонстрантами: всадники мирно проехали через толпу, не нарушая строя и не предпринимая ничего. И «улицу» и «тротуар» это чрезвычайно ободрило. Вялые действия своих подчиненных командир полка полковник Троилин объяснил недавно поступившими пополнениями, неумением казаков действовать против толпы, отсутствием привычки

к городским условиям их лошадей и... отсутствием у казаков нагаек! По приказанию генерала Хабалова в полк было немедленно выделено по 50 коп. на казака для обзаведения ими²⁵.

В результате совещания в Петрограде было введено так называемое 3-е положение (по 1-му и 2-му порядок поддерживался полицией, по 3-му власть переходила к военным). Таким образом, с 24 февраля (9 марта) столица была передана под ответственность военных. Вступал в силу разработанный ранее план охраны Петрограда. Мобилизовывалась полиция, усиленная казачьими и резервным кавалерийским полками и жандармским дивизионом, войска занимали основные административные здания, речная полиция – переходы через Неву²⁶. «По предварительно разработанному плану, – вспоминал начальник Охранного отделения, – Петроград был разделен на несколько секторов, управляемых особыми войсковыми начальниками, а полиция почему-то была снята с занимаемых постов и собрана при начальниках секторов. Таким образом, с 24 февраля город в полицейском смысле не обслуживался. На главных улицах и площадях установлены были войсковые заставы, а для связи между собой и своими штабами – конные разъезды. Сам Хабалов находился в штабе округа на Дворцовой площади и управлял всей этой обороной по телефону»²⁷.

В городе сразу же почувствовали, как резко увеличилось присутствие армии. По улицам тянули связь для полевых телефонов, дымили полевые кухни, появились палатки Красного Креста. Невский проспект был оцеплен и получил вид военного лагеря²⁸. Первоначально это зрелище само по себе действовало на людей пугающе. «В городе, говорят, беспорядки усиливаются, – отмечал в своем дневнике инженер-путеец Ю. В. Ломоносов, – но носят они совершенно неорганизованный характер. В нашем районе тишина и спокойствие. Что это? Случайная вспышка изголодавшихся людей или провокация? Боюсь, что последнее»²⁹. Уходя с вечернего совещания у Балка, генерал Глобачев высказал свое убеждение, что на завтрашний день демонстраций уже не будет³⁰. Позиция военных властей была несколько более сложной. С одной стороны, они не могли тешить себя подобными надеждами, а с другой, не испытывая поначалу недоверия к войскам, они все же хотели избежать применения оружия. «Я говорил Хабалову, – сообщал позже на следствии военный министр генерал Беляев, – какое ужасное впечатление произведет на наших союзников, когда разойдется толпа, и на Невском будут трупы»³¹. Неуверенность командования в такой обстановке быстро передается подчиненным. В результате в столице еще можно было найти политиков, гарантировавших восстановление порядка путем расстрелов, но уже явно не хватало тех, кто был готов стрелять.

На самом деле сделать это, опираясь на имевшиеся в распоряжении полицейские силы и вяло действовавших казаков, было трудно. «24 и 25 февраля забастовка питерских рабочих приобрела всеобщий характер, – вспоминал один из активных ее участников. – Все заводы замерли, зато улицы приняли оживленный вид. Рабочие со всех районов направлялись в центр города. Несмотря на полицейские заграждения на мостах через Неву и Фонтанку, в одиночку и группами, по льду и обходными путями люди стекались на Невский проспект. Кое-где начались столкновения с полицией, пытавшейся разогнать демонстрантов. Нередко полицейские получали серьезный отпор. Рабочие от обороны переходили к наступлению, порой разоружали городских. Невский был полон народу, движение трамваев и другого транспорта приостановилось»³².

Протест против власти в столице становился модным, как и в 1905 г. 24 февраля (9 марта) забастовал даже хор в императорской опере³³. Вместо заявленной по программе «Майской ночи» Мариинский театр поставил «Каменного гостя»³⁴. В протесте хора против действовавших еще солистов было нечто символичное для лиц, ответственных за порядок в столице и стране. Хабалов пытался успокоить горожан, опубликовав объявление о том, что

хлеба в городе достаточно, а подвоз муки идет без перерыва. Но лозунг «Хлеба!» 24 февраля (9 марта) перестал уже быть главенствующим. Волнения практически повсюду стали переходить к политическим лозунгам³⁵. Верным показателем напряженности на улице стало исчезновение с тротуаров «благomyслящей публики», которая до этого любовалась зрелищем относительно безопасных беспорядков. К 19:00 столица замерла. Было совершенно неясно, что произойдет утром следующего дня³⁶.

24 февраля (9 марта) в Мариинском дворце под председательством князя Голицына было проведено совещание по вопросу снабжения столицы продовольствием, в котором приняли участие министры военный, торговли и промышленности, земледелия, путей сообщения, а также главы Государственного совета, Государственной и Городской дум. Выяснилось, что в городе имеется свыше 460 тыс. пудов ржаной и пшеничной муки – вполне достаточный для обеспечения жителей Петрограда запас – и что подвоз продовольствия идет в обычном режиме. В результате на совещании было принято решение предоставить контроль над распределением хлеба Городской думе³⁷. Нетрудно представить инициатора данного решения. Скорее всего, им был Родзянко. Оно полностью соответствовало пункту 3 формулы перехода, принятой накануне Государственной думой³⁸.

Справиться с возложенной на них задачей городским властям не удалось. Между тем ранним утром могло показаться, что обстановка начала разряжаться: вновь начали ходить трамваи, улицы стали убираться, на Сенной площади принцем Ольденбургским был организован шатер-колбасная, продававший дешевую и качественную колбасу – ее активно раскупали люди. Вскоре картина резко изменилась³⁹. Тем же утром сорокатысячная демонстрация прорвалась с Выборгской стороны через Литейный мост на Литейный, а далее и на Невский проспект. Значительное количество людей проникало по льду в центр города, где возникали стихийные митинги. Командование ввело в полную силу 3-е положение⁴⁰.

Для поддержки полиции все чаще стали посылать войска. Демонстранты поначалу игнорировали распоряжения военных или применяли по отношению к ним оружие. Войска отвечали им выстрелами⁴¹. Пока что армия выступала скорее в качестве свидетеля происходивших событий и только реагировала на нападения. Уже два дня в столице шли волнения и на ее улицах появлялись армейские части. Тем не менее даже среди командования по-прежнему не было решительности и единства во взглядах относительно того, как их следует использовать. Командование считало, что появления войск будет достаточно для успокоения, и решило воздерживаться от применения оружия⁴².

Одним из проявлений этой нерешительности было то, что информация о событиях в Петрограде, получаемая в Могилеве, была крайне сбивчивой и неточной. 25 февраля (10 марта) Хабалов известил Алексеева телеграммой о том, что в столице началась забастовка, вызванная недостатком хлеба, и что в столкновениях с демонстрантами принимают участие войска, не употребляющие пока что оружия. «В подавлении беспорядков, – сообщал командующий Петроградским военным округом, – кроме петроградского гарнизона, принимают участие пять эскадронов 9 запасного кавалерийского полка из Красного Села, сотня лейб-гвардии сводно-казачьего полка из Павловска, и вызвано в Петроград пять эскадронов гвардейского запасного кавалерийского полка»⁴³. В штабе Хабалова в это время все были спокойны и уверены как в войсках, так и в правильности выбранного поведения⁴⁴.

Между тем положение было сложным, и оно ухудшалось с каждым часом. Приехавший 25 февраля (10 марта) с Северного фронта в Петроград генерал А. П. Будберг с удивлением обратил внимание на то, что на вокзале и улицах отсутствовали представители власти: были лишь наряды запасных нижних чинов гвардейских полков. Вид и поведение солдат напомнили генералу пережитые им дни волнений во Владивостоке в 1906 г. Будберг немедленно

направился в штаб гвардии и предложил немедленно приступить к выводу ненадежных гвардейских запасных частей и заменить их вызванной с фронта кавалерией. Чебыкин проигнорировал это предупреждение: он по-прежнему не ожидал серьезных проблем от своих подчиненных⁴⁵.

Сомнений у командования запасные части еще не вызывали⁴⁶. Зато их поведение на улицах порождало надежды у революционеров. Уже начинали проявляться последствия нерешительности командиров и, как следствие, бездействия слабых в кадровом отношении подразделений. Армия уже не была единой и перестала восприниматься сторонниками революции односложно. «Я вспоминал атмосферу Московского восстания 1905 года, – отмечал Суханов. – Все штатское население чувствовало себя единым лагерем, сплоченным против военно-полицейского врага. Незнакомые прохожие заговаривали друг с другом, спрашивая и рассказывая о новостях, столкновениях и о диверсиях противника. Но замечалось и то, чего не было в Московском восстании: стена между двумя лагерями – населением и властью – не казалась такой несокрушимой: между ними чувствовалась диффузия. Это увеличивало возбуждение и вливало в массы подобие энтузиазма. Прокламации Хабалова срывались со стен совершенно открыто. Городовые-одиночки вдруг исчезли с постов. Заводы встали. Трамваи не ходили»⁴⁷.

Твердой уверенности в войсках у командования не было. 25 февраля (10 марта) в Ставку пришла телеграмма от Протопопова, извещающая о том, что беспорядки в городе вскоре будут подавлены. В это же время весьма активную личную деятельность развил Родзянко. Он ездил по городу, встречался попеременно с министрами и думцами, убеждая и тех, и других, что только его приход к власти может гарантировать восстановление порядка: «Дайте мне власть, я расстреляю, но в два дня все будет спокойно и будет хлеб»⁴⁸. Таким образом, и Протопопов, и Родзянко были уверены в том, что подавить начавшиеся волнения силой, в принципе, возможно.

Между тем утром и днем 25 февраля (10) марта в Петрограде продолжались многочисленные столкновения войск и полиции с демонстрантами⁴⁹.

Демонстранты у Казанского собора опрокинули два проезжавших воза с пустыми бутылками и стали забрасывать ими полицию. Когда подошла пехота, люди стали уговаривать солдат не стрелять и часто имели успех⁵⁰. В целом, полиция, пехота и кавалерия действовали энергично, были случаи применения оружия. В отличие от них казаки продолжали вести себя вяло, в ряде случаев своим поведением демонстрировали сочувствие митингующим. Появляются первые признаки будущего развала воинской дисциплины. На Знаменской площади у памятника Александру III казак зарубил шашкой пристава полиции, пытавшегося рассеять толпу и отнять красный флаг. Новость об этом воодушевила демонстрантов. Вскоре один из конных взводов 4-го Донского полка обстрелял наряд полиции. Со второй половины дня войска и полиция все чаще пускают в ход огнестрельное оружие, что приводит к панике на Невском. Демонстранты начинают разбегаться⁵¹. Здесь же на Невском казаки вновь отличились: они атаковали нагайками и разогнали полицию⁵².

С вечера в центре города царил полнейшая тишина; именно в это время приходит телеграмма императора, предписывающая командующему войсками округа немедленно «прекратить беспорядки в столице». Хабалов отдал распоряжение: в случае мирного хода демонстрации продолжать действовать конницей, в случае агрессивного, то есть революционного поведения, открывать огонь после трехкратного предупреждения. Утром 26 февраля (11 марта) в Петрограде установилось видимое спокойствие⁵³. Хабалов известил об этом Ставку, добавив, что им было «...выпущено объявление, воспрещающее скопление народа

на улицах и подтверждающее населению, что всякое сопротивление беспорядка будет подавляться силойю

оружия»⁵⁴.

«День 25 февраля был нами проигран во всех отношениях, – справедливо отмечал генерал Балк. – Не только руководители выступлений убедились, что войска действуют вяло, как бы нехотя, но и толпа почувствовала слабость власти и обнаглела. Решение военного начальства импонировать силами, в исключительных случаях применять оружие не только подлило масла в огонь, но, замотавши войска, дало им возможность думать, что на хулиганские выступления начальство смотрит растеряннo, как бы боится “народа”, а помехой всему власти и ненавистная полиция»⁵⁵.

Поздним вечером 25 февраля (10 марта) на квартире у председателя Совета министров князя Голицына было собрано совещание правительства. Начавшись около 12 часов ночи, оно завершилось в 4 утра 26 февраля (11 марта)⁵⁶. В ходе совещания обсуждался вопрос о роспуске Думы. Вызванные Протопопов, Хабалов, Белецкий и Глобачев производили впечатление колеблющихся людей, но тем не менее они предложили распустить Думу и ввести в городе осадное положение. В результате этот вопрос так и не был решен, но зато Голицын поручил министрам иностранных дел и земледелия вступить в консультации с лидерами Думы и намекнул на то, что в правительстве могут произойти перемены. Имелась в виду отставка Протопопова. Что касается демонстраций, то совет согласился с предложением Хабалова обратиться к их участникам с предупреждением о том, что войска будут действовать против них оружием⁵⁷.

Правительство колебалось между политикой «кнута» и «пряника». Риттих требовал не останавливаться перед пролитием крови, потому что в противном случае ее прольется гораздо больше. Покровский предлагал обратиться к императору с просьбой разрешить уйти в отставку, так как члены правительства «не снискали доверия страны». В целом, большинство участников совещания все же склонялось к выбору решительных действий⁵⁸. В результате было принято решение о введении осадного положения, но при этом главный исполнитель был в растерянности. «На членов Совета министров генерал Хабалов произвел неудовлетворительное впечатление, – вспоминал Барк. – Он, видимо, растерялся, и в нем не чувствовалось надлежащей энергии для проведения решительных мер»⁵⁹.

Перед совещанием правительства Хабалов собрал начальников военных районов столицы: все они, без исключения, высказались за энергичное применение войск⁶⁰. Среднее командное звено было настроено решительно, чего нельзя было сказать о высшем. Хабалов и Беляев продолжали колебаться, явно опасаясь брать на себя ответственность за последствия. Участник правительственного совещания вспоминал: «Заседание министров в этом отношении принесло пользу: два генерала, далеко не воинственные, набрались энергии и освободились от страха ответственности перед Царем и обществом»⁶¹. В результате диалог с общественностью лишился всякого смысла. Толку в нем в любом случае было немного, так как судьба страны уже решалась на улицах ее столицы. Тем не менее, сославшись на личную инициативу, Риттих и Покровский пригласили на совещание Маклакова и выразили свою уверенность в необходимости создания «ответственного министерства»⁶².

Объявления с суровыми предупреждениями были расклеены по всему городу. Казалось, они начинают действовать, а город – успокаиваться. Уже днем демонстранты были обстреляны войсками у Казанского собора. Особенно активно действовала учебная команда лейб-гвардии Волынского полка. Счет убитых и раненых пошел на десятки⁶³. Улицы в центре были очищены от демонстрантов, на них остались лежать только трупы. Многим начало казаться, что революция в очередной раз потерпела поражение⁶⁴. Достаточно было

появиться самому небольшому числу солдат, готовых действовать оружием, как обстановка сразу же начинала меняться. При первых же выстрелах толпа разбегалась⁶⁵. Так, полуэскадрон 9-го запасного полка – около 80 человек под командованием одного корнета – всего несколькими залпами разогнал демонстрацию численностью в несколько десятков тысяч человек⁶⁶. Вместе с тем в ряде случаев к вечеру пехота и даже юнкера стали действовать без особой решимости⁶⁷.

Сторонники активных мер считали необходимым возвращение императора в столицу, так как только его присутствие могло заставить преодолеть неуверенность у колебавшихся членов правительства. Вечером 26 февраля (11 марта) Спиридович позвонил в Могилев Воейкову и сообщил ему об этом⁶⁸. Николай II был спокоен и не торопился с отъездом, который планировал на вторник, 28 февраля (13 марта). В Ставке знали, что беспорядки в Петрограде приняли большой размах, но все же больше всего Верховного главнокомандующего и его начальника штаба беспокоило положение дел на Юго-Западном фронте, где весной должно было начаться наступление⁶⁹. Там возникла опасная ситуация со снабжением. 25 февраля Николай II писал жене: «Последние снежные бури, окончившиеся вчера, по всем нашим югозападным ж.[елезно]-д.[орожным] линиям поставили армии в критическое положение. Если движение поездов немедленно не восстановится, то через 3–4 дня в войсках наступит настоящий голод»⁷⁰. Внимание к этой проблеме легко объяснимо: если волнения в Петрограде были вызваны сложностями с обеспечением хлебом, то снежные заносы могли создать гораздо более опасную ситуацию в армии.

26 февраля (11 марта), в воскресенье, день в Ставке начался службой в соборе, которую вел отец Георгий Шавельский. На ней присутствовали Николай II, Алексеев, Свита, команды солдат и простые прихожане. Далее день следовал по обычному распорядку, но беспорядки в столице все больше и больше начали беспокоить императора⁷¹. Во второй половине дня информация о них вызвала у ряда сотрудников Ставки испуг. Алексеев держался спокойно: он предлагал императору перейти к решительным мерам для разрешения вопросов снабжения, осложняющих положение фронта и армии⁷².

В это время председатель Думы готовился связаться по телеграфу с императором по вопросу об ответственном правительстве. В 14:00 Нокс приехал к Родзянко на Фурштадтскую. О том, в каком настроении находился этот человек, свидетельствует дневник британского офицера. Кандидатуру на пост премьера Родзянко обсуждать не хотел, но дал ясно понять, что лучшим человеком на этом месте будет он сам. Понятливый британец догадался и спросил главу Думы, не согласится ли он принять эту ответственность на себя. «Он ответил утвердительно, что он, может быть, делает ошибку, но все же он сделает что-то. Как всегда, он предложил британскому и французскому послам сделать совместное представление (по его кандидатуре. – А. О.). Родзянко считает, что этот кризис пройдет, но неизбежно еще будут возникать похожие кризисы, так как людям до смерти надоело правительство. Боюсь, что Родзянко велик только физическими размерами»⁷³. Именно после этого разговора он убеждал, что некое лицо, облеченное доверием, сможет навести порядок на улицах. Между тем в Петрограде порядок начал покидать не только улицы, но и казармы.

Беспорядки перерастают в революцию

Уже вечером 26 февраля (11 марта) взбунтовалась 4-я рота запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка. Переполненные запасными казармы, почти полное отсутствие офицеров, отсутствие обучения (хорошо дело было поставлено лишь в учебной команде) – все это привело к тому, что значительная часть солдат, вооружившись, пошла за агитаторами-рабочими на улицу. Бунт был подавлен с помощью преображенцев, но 21 солдату с оружием удалось бежать. Новость о том, что солдаты стали переходить на сторону революции, ободрила улицу и усилила натиск пропагандистов на войска¹.

Движение еще оставалось преимущественно стихийным. «Настроение в рабочих кварталах, – вспоминал о ситуации, сложившейся с 26 на 27 февраля В. Д. Бонч-Бруевич, – было сильно приподнятое, полное решимости и воли к действию. Но никак нельзя сказать, что тем движением, которое нарастало с каждым часом, кто-либо руководил»². Характерно, что активность демонстрантов, стремившихся в центр города, резко возрастала к середине светового дня и падала с наступлением сумерек. К вечеру 26 февраля (11 марта), после стрельбы по толпе, ситуация в центре Петрограда казалась стабильной, а в ночь на 27 февраля (12 марта) Невский, освещаемый прожектором с Адмиралтейства, полностью обезлюдел. После полуночи полная тишина иногда прерывалась винтовочными выстрелами³.

Приблизительно в два часа ночи петроградский градоначальник подошел к окну своего штаба: «Столица спала. Казалось, отдыхала от безобразий последних дней, лишь у пылающих костров жались извозчики, а около них неподвижно стоял неизменный страж порядка – старый петербургский городской»⁴. На самом деле, идиллии не было. Одинокого полицейского не просто было встретить вдалеке от здания градоначальства на Гороховой, во дворе которого, кстати, с началом волнений расположился жандармский дивизион⁵. «На улицах пустынно. Полиции нет, – вспоминал Спиридович. – Изредка встречаются патрули или разъезды. Спокойно. Зловеще спокойно. Но беспокойно в казармах. Всюду разговоры о событиях за день. Обсуждают бунт Павловцев. Смущены не только солдаты, но и офицеры. Офицеры видели за день на улицах полную бестолочь. Нет руководства. Нет старшего начальника»⁶.

Все сильнее сказывалось недостаточное количество офицеров в запасных частях. Количественная и качественная слабость командных кадров приводила к тому, что войска быстро терялись в сложной, наэлектризованной обстановке противостояния с демонстрантами. «Войска вышли на улицу без офицеров, – писал об этих днях А. И. Деникин, – слились с толпой и восприняли ее психологию»⁷. Патрули и разъезды выходили в наряд без офицеров. «Город не походил на самого себя, – писал американский журналист. – На улицах почти никого не было, кроме групп солдат, которые производили впечатление часовых, о которых забыли. Не было видно ни одного полицейского»⁸. Пока старшие командиры в столице старались ускользнуть от ответственности и отдачи приказов, активизировались политики.

Вечером 26 февраля (11 марта) правительство вновь собралось на совещание на квартире Голицына. Теперь большинство министров твердо поддержали предложенный ранее проект роспуска Думы, и Голицын, воспользовавшись специально оставленным ему подписанным императором бланком, поставил на нем дату 25 февраля (10 марта), объявив прекращение сессии с 26 февраля (11 марта), о чем и было сообщено Родзянко в ночь на 27 февраля (12 марта)⁹. Тот развил исключительную активность, отсылая телеграммы уже не только в Ставку, но и в штабы фронтов. В 22:22 26 февраля (11 марта) в Могилеве приняли его послание Алексею, в котором председатель Думы описывал трагическое положение экономики

страны и недвусмысленно намекал на то, что без кардинальной смены политического курса поражение неизбежно¹⁰.

«Население, – телеграфировал Родзянко генералу, – опасаясь неумелых распоряжений властей, не везет зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы, и угроза недовостатка муки встает во весь рост перед армией и населением. Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок. России грозят унижение и позор, ибо война при таких условиях не может быть победоносно окончена. Считаю необходимым и единственным выходом из сложившегося положения безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения. За таким правительством пойдет вся Россия, воодушевившись вновь верою в себя и в своих руководителей. В этот небывалый по ужасающим последствиям и страшный час иного выхода на светлый путь нет, и я ходатайствую перед

Вашим Высокопревосходительством поддержать это мое глубокое убеждение перед Его Величеством, дабы предотвратить возможную катастрофу. Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно. В Ваших руках, Ваше Высокопревосходительство, судьба славы и победы России. Не может быть таковой, если не будет принято безотлагательно указанное мною решение. Помогите Вашим представительством спасти Россию от катастрофы. Молю Вас о том от всей души»¹¹.

В час ночи 27 февраля (12 марта), через два часа после получения текста этого обращения Алексеевым, в Могилев начальнику штаба Верховного главнокомандующего телеграфировал Брусилов. Главнокомандующий ЮгоЗападным фронтом считал необходимым согласиться с предложениями председателя Государственной думы и просил сообщить об этом императору. Вечером того же дня Брусилова поддержал Рузский¹². Алексеев принял решение сообщить о просьбе Родзянко на утреннем докладе. Между тем около двух часов ночи Голицын телеграфировал императору в Могилев о принятом Советом министров решении распустить Думу. Об этом же и приблизительно в то же время Хабалов известил Алексеева.

Обстановка в Петрограде была совершенно неопределенной. С одной стороны, волнения показали и решимость рабочих, и колебания среди войск гарнизона, с другой – большая часть последних пока еще оставалась верной Присяге и не останавливалась перед употреблением оружия против демонстрантов¹³. Такое положение не могло продолжаться долго.

Первым выступил лейб-гвардии Волынский полк. Интересно, что в 1905–1907 гг. он имел репутацию одного из самых консервативных полков гвардии: за жестокие расправы с участниками беспорядков волынцы получили репутацию черносотенцев¹⁴. Теперь волнения начались в его учебной команде, которая за день до этого несколько раз обстреливала демонстрантов. Ее солдаты и унтер-офицеры были явно недовольны той ролью, которую им приходилось играть на улицах Петрограда¹⁵. Прибывший в полк штабс-капитан Лашкевич построил в казарме учебную команду и поздоровался с ней. Ответа не было. Не поздоровались с командиром даже правофланговые унтер-офицеры. Лашкевич спустился по лестнице и вышел на плац, направляясь в канцелярию полка. Тут из окон учебной команды прозвучал выстрел – офицер был убит наповал. После этого у солдат уже не было выбора. Вооружившись, они вышли на улицу, увлекая за собой остальных¹⁶.

Однако это не было простым солдатским мятежом, превращающим воинскую часть в вооруженную толпу. Волынцы шли в полном порядке, во главе с офицером, с пулеметной командой. Появившиеся драгуны, еще верные правительству, не решились атаковать восставших. Занимавшийся пропагандой большевик Бонч-Бруевич с несколькими рабочими сразу же бросился к казармам полка, но солдат там уже не было: «Тут же во дворе казарм мы увидели труп убитого капитана, который хотел оказать сопротивление солдатам, бросив-

шимся к запертым пирамидам с винтовками. Он был смят, а потом застрелен. Хранилище взломано, и ружья выхвачены. Несколько винтовок валялись здесь же на полу. Рабочие взяли винтовки»¹⁷.

Сказалась и близость казарм гвардейских полков, окружавших Таврический дворец. Волынцы отправились к преображенцам, и в результате к восставшим присоединился еще один полк. К солдатам подходили вооруженные рабочие, демонстранты и т. д. Работал принцип снежного кома, которому нечего было противопоставить. Началось избиение офицеров, тем более что часть из них оказала посильное сопротивление в казармах лейб-гвардии Московского полка и батальона самокатчиков на Выборгской стороне, куда поначалу двинулись волынцы и преображенцы¹⁸.

Самокатчики были практически единственной частью с прочным, нетекущим составом рядовых и волевым, популярным среди солдат командиром. В результате батальон под руководством своего командира полковника Бакашина не только оставался под контролем, но и оказывал вооруженное сопротивление революции вплоть до утра 28 февраля (13 марта). Для того чтобы заставить самокатчиков присоединиться к восставшим, бараки, в которых находилась эта часть, были подвергнуты пулеметному, а затем и артиллерийскому обстрелу. Так как орудий у самокатчиков не было, они вынуждены были сдаться. Полковник Бакашин вышел к революционерам для того, чтобы защитить своих подчиненных от самосуда. Он сказал, что солдаты выполняли его приказ, после чего был застрелен¹⁹.

Утром 28 февраля (13 марта) непродолжительное время сопротивление оказывали и гардемарины Морского училища, однако долго продержаться они не могли²⁰. Воспитатели и командиры училища, понимая бесперспективность сопротивления огромной толпе, основу которой составляли запасные Финляндского и 180-го пехотного запасного батальона, допустили в здание выборных представителей. Те искали пресловутые пулеметы и, не найдя оных, удалились. Это, правда, не спасло училище от разграбления его арсенала²¹.

«Кончились “беспорядки”, – верно отмечал А. А. Бубликов, – началась “революция”. Но в нее все еще все продолжали не верить»²². Впрочем, осознание серьезности происходящего приходило быстро.

На Выборгской стороне произошло окончательное слияние восставших солдат с рабочими. Толпа начала громить и поджигать полицейские участки, осадила тюрьму «Кресты» и вскоре ворвалась в нее²³. «К этому времени, – вспоминал генерал Балк, – картина падения власти уже вырисовывалась. Войска не противостояли бунтовщикам, переходили на их сторону, в лучшем случае бездействовали. С большинством участков телефонная связь прекратилась. Некоторые из них были разгромлены и подожжены. Чины полиции переодевались в штатское и разбегались, ища пристанища у знакомых»²⁴. Рабочие освободили из тюрьмы «Кресты» заключенных, вместе с политическими на свободу вышли и уголовники. Процедура освобождения была проста. Камера открывалась, находившиеся в ней освобождались «волею Революционного Народа»²⁵. Именно они прежде всего бросились к зданию окружного суда на Литейном проспекте. Толпа перешла через Литейный мост и взяла Дом предварительного заключения, освободив всех находившихся там под арестом. После этого был взят и подожжен окружной суд. Ненавистные преступникам судебские чиновники избивались и выгонялись на улицу. Архивы суда горели в центре города, а уголовники не давали пожарникам подойти к зданию²⁶.

При этом и революционная толпа, и бандиты постоянно боялись того, что появится сила, перед которой придется держать ответ. Дерзость действий коренилась, по словам очевидцев, в страхе «появления карающей десницы и соответствующего ущемления». Во время погрома в здании суда кто-то крикнул: «Семеновцы идут!». Этого слуха и памяти о том,

какую роль сыграл полк при подавлении восстания в Москве в 1905 г., оказалось достаточно. Началась паника и толпа побежала к Литейному мосту, сминая все на своем пути. У входа на мост образовалась давка, люди прыгали на лед и бежали по замерзшей Неве на другой ее берег²⁷.

Подобное поведение неудивительно, если вспомнить о том, кто играл роль гвардии революции на улицах. «Революция в Петербурге, – вспоминал Ф. И. Родичев, – ознаменовалась, прежде всего, сожжением зданий судебных мест и Дома предварительного заключения, освобождением повсюду арестантов и сожжением полицейских учреждений и дел мировых судей. Это был свой фронт. Вливалась в жизнь новая волна, не то, чтобы чистая, но, несомненно, революционная. Первым завоеванием революции была гарантия безнаказанности преступников. Они образовали почетный легион движения. Весна 1917 года была раем для воров»²⁸. Говоря точнее, по мере исчезновения власти страна превращалась в рай для бандитов и налетчиков.

К вечеру было разграблено и подожжено здание охранного отделения²⁹. «По всей России весь старый уголовный мир был выпущен на свободу, – вспоминал начальник контрразведки Петроградского военного округа, – и фатально сгустил революционную накипь»³⁰. Впрочем, в самом начале настоящей гарантии безнаказанности еще не было. В условиях возникающего вакуума власти ее могла предоставить только одна из ветвей этой власти, тем более что будущее оставалось совершенно неясным. Иначе говоря, нужна была санкция, которую в этих условиях могла предоставить только Дума. На этот момент только она была единственным общепризнанным центром оппозиции Короне.

Руководство Думы также колебалось и по той же самой причине: победа улицы в Петрограде отнюдь не была еще гарантией победы окончательной. В конце концов, было принято решение подчиниться указу о роспуске и немедленно собраться на частное совещание, где и был избран Временный комитет Государственной думы во главе с Родзянко. В него вошло все руководство «Прогрессивного блока», а также А. Ф. Керенский и Н. С. Чхеидзе³¹. Думский февраль 1917 г. с самого начала нес в себе элементы двусмысленной игры руководителей думской оппозиции. И порядок, и спокойствие, и новую форму правления Родзянко надеялся получить, лавируя между революцией и старой властью. 27 февраля (12 марта) в Думе собрались практически все депутаты «Прогрессивного блока» – около 200 человек. Они ждали развития событий³².

Между тем освобожденные из тюрьмы члены рабочей группы ЦВПК во главе с К. А. Гвоздевым оказались во главе толпы, которую они и повели по привычке к Думе, то есть к штабу собственных руководителей. Здесь они вместе с членами социал-демократической фракции и меньшевиками-оборонцами и создали ядро будущего Петросовета – Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов³³. Управляющий делами ЦВПК генерал-майор барон В. Н. фон Майдель на собственном автомобиле возил Гвоздева по заводам, помогая ему организовывать немедленные выборы в Петросовет³⁴.

Когда через несколько месяцев после этого два английских лейбориста прибыли в Петросовет, они с самого начала были поражены отсутствием среди его членов рабочих. «Взгляните на их руки! – воскликнул один из них. – Ни один из них не работал ими и дня за всю жизнь!»³⁵ Создаваемая либералами для контроля над рабочим движением структура, таким образом, сыграла роль остова будущего орудия их уничтожения. Милюков в своей исторической речи о создании Временного правительства особо отметил ее создателей. Перечисляя членов нового кабинета, он заявил: «Далее мы дали два места представителям той либеральной группы русской буржуазии, которые впервые в России пытались организовать представительство рабочего класса... А. И. Коновалов помог сорганизоваться рабочей группе

при Петроградском военно-промышленном комитете, а М. И. Терещенко сделал то же самое относительно Киева»³⁶.

В тот же день, 27 февраля (12 марта), в Думу явились представители полков для того, чтобы осведомиться о позиции избранников народа. Родзянко принял их и передал солдатам единогласно принятое решение совета старейшин: «Основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой. В деле осуществления этого Государственная дума примет живейшее участие, но для этого, прежде всего, необходим порядок и спокойствие»³⁷. В значительной мере храбрости ему придал тот факт, что на сторону революции перешел Преображенский полк (вернее, его запасной батальон, так как сам полк в это время был на фронте). Родзянко потребовал полного себе подчинения. Комендантом города был назначен член Думы отставной полковник Генерального штаба Б. А. Энгельгардт³⁸. Наряду с теми, кто выполнял Присягу, и с теми, кто просто выжидал, чем закончатся события, с самого начала февральских событий проявилась и другая линия поведения офицеров, и причем молодых кадровых офицеров, вскоре назвавших себя «младотурками».

Приехавший в столицу из Ставки 26 февраля (11 марта) полковник П. А. Половцов вечером того же дня узнал о том, что Энгельгардт уже «собирает в Думе людей, могущих содействовать восстановлению нормальной жизни»³⁹. Вечером следующего дня Половцов получил приглашение от нового коменданта Петрограда примкнуть к этому подобию революционного штаба. Это была «военная комиссия» Думы под председательством А. И. Гучкова. Половцов, по его словам, окунулся в революцию: «Столпотворение в Тавриде не поддается описанию... Здесь (на втором этаже дворца. – А. О.) помещается “военная комиссия”. Из кого она состоит, довольно неопределенно. Гучков – председатель, из Генерального штаба здесь болтаются Туманов, Якубович, Туган-Барановский, Гильбих... Кавардак невероятный: все бегает, все распоряжаются, но толка не вижу»⁴⁰. Эти офицеры сразу поддержали революцию и «полностью предоставили себя в распоряжение Государственной думы»⁴¹. Первым реальным действием комиссии было подчинение броневых автомобилей и радио. Вслед за этим она активно занялась подчинением восставших частей и раздачей вооружения и боеприпасов своим, как, очевидно, казалось «младотуркам», сторонникам⁴².

Несмотря на эти усилия, положение на улицах и в казармах столицы было уже таким, что Дума не могла его контролировать. Тем не менее она еще в какой-то степени влияла на ситуацию. Законодательная палата сумела внедрить в массовое сознание свой образ как центра сопротивления «темным силам» в борьбе за интересы России. Так, во всяком случае, руководители Думы декларировали свою миссию в собственных программных документах. Созданный 27 февраля (12 марта) Исполнительный комитет Государственной думы издал документ о создании нового органа власти. «Временный комитет Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознывая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием»⁴³.

Это был осознанный выбор в сторону поддержки переворота. Комитет сразу же обсудил и вопрос о создании и составе будущего правительства. Возглавить его должен был князь Львов. Думцы активно разъезжали по казармам, представители власти призывали воинские части выступить против монархии⁴⁴. Все, что противопоставляло себя императорской власти, со второй половины 27 февраля (12 марта) стремилось к Таврическому дворцу⁴⁵. Без Думы, как отмечал американский журналист – свидетель происходивших событий, – требование отречения императора было бы невозможно. Она была единственным органом, кото-

рый мог претендовать на роль представительского учреждения, вокруг которого могла объединиться страна. Дума была в состоянии выполнить эту миссию, и она ее выполнила. «Но, с другой стороны, – продолжал Дош-Флеро, – у интеллигенции и Думы не было такой же ярости мятежа. Они ворчали и критиковали, но когда дело дошло до насилия, их страсть исчезла»⁴⁶.

Воспоминания русского очевидца не слишком расходились с этими словами: «Первое: солдатский бунт в Петербурге разросся в победоносную революцию только потому, что он был возглавлен поначалу Государственной думой, давшей революции свое знамя, но бес- сильной овладеть событиями. Против Думы посылать тогда войска было нельзя. Второе: успех восстания в Петербурге еще не означал гибели монархии в России. Тыловой, взбун- товавшийся “неизвестный солдат” сам в первые дни еще трепетал, требуя “неразоружения и невывода” из Петербурга на фронт. Решающей силой был именно фронт, сравнительно еще крепкий. И вот тут-то соотношение сил было внезапно изменено в пользу революции – не только союзом, очень недолгим, Думы и улицы, но и скоропалительным отречением. А отречение было вызвано тем, что ближайшие к царю генералы были обмануты гипнозом думского февраля. Именно генералы, а не Гучков, вынудили у Государя отречение»⁴⁷.

Ставка и революция

Утром 27 февраля (12 марта) в Могилеве все казалось еще спокойным. Ген-бери-Вильямс отмечал в своем дневнике за этот день, что Алексеев немного нервничал, но по общей атмосфере в Ставке нельзя было сделать вывод о том, что положение действительно угрожающее¹. Между тем новости из столицы сотрудники штаба восприняли с опасением. Они знали, что на гарнизон рассчитывать нельзя, так как в его составе «нет ни одной прочной кадровой части»². На утреннем докладе Наштаверх затронул, кроме положения армии, и вопрос о событиях в Петрограде. Он показал императору телеграммы от Голицына, Родзянко и главнокомандующих фронтами. Николай II отказался пойти на уступки. Доклад затянулся, что вызвало взволновавшее всех опоздание императора и Наштаверха к завтраку³. В штабе уже знали о телеграммах из столицы и о том, что Алексеев взял их с собой на доклад. Последний завтрак в императорской Ставке прошел в полном молчании⁴. Ситуация еще не казалась опасной, хотя после завтрака, в 12:10 (перед ежедневной прогулкой императора), была получена телеграмма Хабалова о начавшемся бунте в запасных батальонах гвардейских полков с просьбой о присылке надежных частей с фронта⁵.

Именно этого опасалась наиболее решительно настроенная часть думцев: они требовали прекратить речи и установить прочную власть, пока не пришли верные правительству войска⁶. Глава Думы продолжал обращаться в Ставку с просьбами к Николаю II согласиться на образование «ответственного министерства»⁷. «Занятия Государственной думы указом Вашего Величества прерваны до апреля, – телеграфировал 12:40 в Могилев Родзянко. – Последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому Министерства внутренних дел и Государственной думе. Гражданская война началась и разгорается. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною Вашему Величеству во вчерашней телеграмме. Повелите в отмену Вашего Высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. Возвестите безотлагательно эти меры высочайшим манифестом. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец, и крушение России, а с ней и династии, неминуемо. От имени всей России прошу Ваше Величество об исполнении назначенного. Час, решающий судьбу Вашу и Родины настал. Завтра может быть уже поздно»⁸.

Эту телеграмму императору вновь лично отнес Алексеев, который снова попытался убедить Николая II пойти на уступки. Успеха эта попытка не имела⁹. Необходимо отметить, что сообщение от Родзянко было подано Николаю II после донесения, отправленного из Петрограда полчасом позже военным министром¹⁰. Генерал Беляев в 13:15 извещал Ставку о том, что волнения, начавшиеся с утра в некоторых частях «твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и батальонами. Сейчас не удалось еще подавить бунт, но твердо уверен в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры. Власти сохраняют полное спокойствие»¹¹. Родзянко не вызывал и ранее у Николая II какого-либо уважения, и в этот раз его слова также были оставлены без внимания. Император доверял своему военному министру и полагался на его донесения. День был солнечный, и он отправился на автомобильную прогулку за город¹². Более точную информацию о событиях в Петрограде в Могилеве получили только во второй половине дня.

Стало ясно, что беспорядки приняли большие размеры и что к ним начали присоединиться запасные части¹³.

Обстановка в столице во второй половине дня 27 февраля (12 марта) менялась стремительно. Вечером правительство собралось на очередное совещание в Мариинском дворце. Протопопов выглядел подавленным и спросил у Шаховского, не нужно ли ему застрелиться¹⁴. Голицын вывел из состава Совета министров Протопопова, и после недолгого обсуждения было принято решение ввести в Петрограде осадное положение. В 18:00 императору была направлена телеграмма, в которой глава правительства просил об отставке и назначении командующим войсками популярного генерала, который смог бы справиться с кризисом¹⁵. К этому времени Хабалов контролировал только свой штаб и ближайшие подступы к нему. Оставшиеся в его подчинении части он поначалу стянул к Зимнему дворцу¹⁶.

Еще днем военный министр генерал Беляев назначил командовать войсками Петрограда генерал-майора М. И. Занкевича. Тот командовал на войне лейб-гвардии Павловским полком и имел репутацию решительного, боевого начальника. Прибыв в градоначальство, Занкевич встретил там офицеров из разных частей и распорядился собрать все подчинявшиеся еще командам части в Зимнем дворце. Вскоре там собрались четыре роты из трех полков и запасной батальон павловцев. Настроение солдат и офицеров поначалу было бодрое, но полное отсутствие действий быстро начало сказываться на нравственности отряда. Не имея ни плана, ни команд, Занкевич выжидал. Поскольку о снабжении отряда также не было отдано распоряжений, он отпустил своих подчиненных в казармы для принятия пищи. Оттуда они уже не вернулись, перейдя на сторону революции¹⁷.

Имея под своей командой около 1,5–2 тыс. солдат и офицеров, Хабалов попросту не знал, что предпринять, тем более что командующим войсками Петроградского военного округа был уже назначен генерал-адъютант Н. И. Иванов. Ожидавшееся прибытие нового командующего предполагало передачу власти над верными правительству войсками ему. В этой ситуации ни военный министр, ни сам Хабалов не захотели брать ответственность на себя. Командование было поручено третьему лицу – Занкевичу¹⁸. В результате обсуждения было принято решение оставить здания на Дворцовой площади и перейти в Адмиралтейство, которое было легче оборонять. Верные еще начальству войска были переведены туда, а потом, после споров между несколькими генералами (Хабаловым, Беляевым и Занкевичем), возвращены назад во дворец. Занкевич считал, что лучше с честью погибнуть, защищая символ царской власти, чем отсиживаться в Адмиралтействе¹⁹.

Командовавший остатками верных присяге измайловцев полковник Данильченко также настаивал на переходе во дворец: он получил приказ защищать Зимний и не мог выполнить его, находясь в Адмиралтействе. Данильченко хорошо знал дворец, так как неоднократно назначал туда караулы. Имея в распоряжении 3 роты измайловцев и 1 роту 2-го Царскосельского стрелкового полка (солдаты имели по 15 патронов), 2 пулемета и 2 орудия (по 5 снарядов), он начал готовиться к круговой обороне. В этот момент в Зимний прибыл великий князь Михаил Александрович²⁰. С самого начала волнений он пребывал под сильным впечатлением от происходившего. Встречи с представителями Думы и Беляевым не добавили ему уверенности в себе²¹. Брат императора прибыл приблизительно в 15:00. После разговора с Родзянко, убеждавшего не допустить того, чтобы в людей стреляли из «царского дворца», он отправился в штаб округа и передал эти слова Беляеву и Хабалову. Министр приказал Занкевичу вновь следовать в Адмиралтейство²². Данильченко получил этот приказ со ссылкой на нежелание великого князя допустить кровопролития. Ему оставалось только подчиниться²³.

На Дворцовую площадь под полковым знаменем и с оркестром вышел Кексгольмский полк. В 17:00 под звуки полкового марша кексгольмцев с Зимнего дворца был спущен императорский штандарт²⁴. Под контролем правительственных войск некоторое время оставалась еще и Петропавловская крепость, которая не была занята восставшими, но они блокировали подходы к ней. Прорываться к ней без жертв было невозможно. Войска без особых сложностей перешли в Адмиралтейство и заняли позиции для обороны: во дворе стояла артиллерия (2 орудия с 80 снарядами), пехота заняла второй этаж, там же были установлены пулеметы. Однако у оборонявшихся не было продовольствия, почти не было патронов, конные команды не могли ни напоить, ни накормить своих лошадей²⁵.

Настроение было самым подавленным²⁶. Метания от одного здания к другому не могло воодушевить отряд, но самым тяжелым образом подействовал на сознание офицеров и солдат тот факт, что дворец они покинули по приказу брата императора²⁷. Они не могли рассчитывать ни на сочувствие, ни на поддержку. К концу дня 27 февраля (12 марта) 1917 г. большая часть Петроградского гарнизона уже перешла на сторону революции. Беляев, который еще днем был уверен «в скором наступлении спокойствия», вечером, в 19:22, был настроен уже пессимистически, он сообщал в Ставку, что «военный мятеж» имевшимися у него «немногими оставшимися верными долгу частями погасить пока не удастся», и поэтому просил о спешной присылке «действительно надежных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различных частях города»²⁸.

Буквально через несколько минут военный министр отправил еще одну телеграмму, сообщавшую о том, что Совет министров принял решение объявить Петроград на осадном положении и что «ввиду проявленной генералом Хабаловым растерянности» в помощники ему назначен Занкевич²⁹.

Следует отметить, что реального положения дел в Петрограде в Ставке по-прежнему не знали. По свидетельству Генбери-Вилльямса, абсолютно неясно было, где находится Правительство и кому принадлежит власть в городе. К 12 марта точно было известно лишь то, что на улицах северной столицы России арестовывают офицеров³⁰. Только теперь в штабе Главковерха поняли всю серьезность положения в столице, и Алексеев решился направиться на доклад к императору³¹. Генералу было трудно выполнять свои служебные обязанности, у него была высокая температура. Судя по всему, Алексеев всего лишь хорошо отдохнул в Крыму, до выздоровления ему было далеко. В Ставке офицеры считали, что генерал вернулся, не завершив лечение, для того, чтобы возглавить подготовку к весеннему наступлению³².

Было ясно, что перестановки в командовании гарнизоном столицы не могли уже изменить ход событий. Совершенно очевидно, что в Петрограде был необходим новый командующий и, что не менее важно, новые войска. Вновь возникла кандидатура Иванова: генерал имел репутацию человека, умеющего общаться с солдатами, кроме того, вспомнили и о том, как энергично он действовал при подавлении мятежей в первую русскую революцию. Алексеев сделал очередной доклад императору, во время которого предложил назначить Иванова командующим Петроградским военным округом и придать в его распоряжение части, снятые для подавления мятежа с Северного и Западного фронтов³³. После доклада Николаю II Наштаверх послал главнокомандующим Северного и Западного фронтов телеграммы, извещающие их о новом назначении Иванова. Кроме того, Алексеев приказал «с возможной поспешностью» отправить в столицу по бригаде кавалерии и пехоты с артиллерией и во главе с энергичными начальниками с тем, чтобы они «имели под командой свои полки, хорошо им известные и на которые они могли бы иметь нравственное влияние...»³⁴

Во время доклада начальник штаба Ставки рекомендовал придать Иванову батальон георгиевских кавалеров и роту Сводного полка для того, чтобы избежать «неприятностей» по пути³⁵. Император еще не хотел покидать Ставку, а батальону первоначально ставилась только задача охраны и сопровождения генерала Иванова³⁶. Сам он узнал о своем назначении после обеда, на который был приглашен днем³⁷. Квартира генерала располагалась в здании вокзала, в четырех верстах от Ставки, жил он уединенно и к моменту назначения имел самые смутные представления о том, что творилось в столице³⁸. По завершении обеда он был приглашен императором в кабинет, где и получил приказ о новом назначении³⁹. Информацию о том, что происходит в столице, Иванов также получил лично от монарха.

Она сводилась к следующим словам: «Я Вас назначаю главнокомандующим Петроградским военным округом. Там в запасных батальонах беспорядки и заводы бастуют»⁴⁰. После этого Иванов отправился в кабинет Алексеева, где находился генерал Тихменев, только что получивший приказ готовить поезд для Иванова и георгиевского батальона. Увидев своего бывшего командующего, Алексеев встал и сухим голосом сказал: «Ваше Высочайшее Превосходительство, Государь Император повелел Вам во главе георгиевского батальона и частей кавалерии, о движении коих одновременно сделаны распоряжения, отправиться в Петроград для подавления бунта, вспыхнувшего в частях Петроградского гарнизона». Иванов ответил, что воля императора для него священна и он постарается выполнить его распоряжение⁴¹.

Вечером 27 февраля (12 марта) Николай II изменил свои планы. В 19:06 он отправил жене телеграмму: «Выезжаю завтра 2.0. Конная гвардия получила приказание немедленно выступить из Нов.[города] в город (Петроград. – А. О.). Бог даст, беспорядки в войсках скоро будут прекращены»⁴². Причина этого решения была проста: в Царском Селе еще сохранялось спокойствие, однако прочно полагаться можно было лишь на две сотни Собственного Его Величества конвоя по 150 человек каждая, которые несли охрану дворца. Подступы к дворцу охранял Сводный полк. Тем не менее даже взятые вместе оборонять дворец и тем более само Царское Село без поддержки его почти сорокатысячного гарнизона эти части, естественно, не могли⁴³. Между тем военный министр генерал Беляев сообщил о возможности движения революционных толп к Царскому Селу и посоветовал вывезти оттуда царскую семью. Из Могилева был отдан приказ готовить специальный поезд, докладывать о подготовке императрице запрещалось. Обсуждалась возможность отправить семью в Ливадию. От этих проектов отказались. Дети Николая II были больны корью, вывезти их поездом к отцу не представлялось возможным, и он решил сам поехать в Царское⁴⁴.

Император отправился в здание штаба, где его встретил Лукомский. Алексеев лежал с высокой температурой в своей комнате. Николай II заявил, что лично составил текст телеграммы (о придании Иванову диктаторских полномочий), и просил передать, что «это мое окончательное решение, которое я не изменю, и потому бесполезно мне докладывать что-либо по этому вопросу»⁴⁵. Начальник штаба Ставки был категорически против отъезда императора. Когда вечером Николай II все же решил уехать, он отправил дворцового коменданта известить о своем решении генерала Алексеева. Тот уже спал. Воейков так описывает последовавшую сцену: «Как только я сообщил ему (М. В. Алексею. – А. О.) о решении Государя безотлагательно ехать в Царское Село, его хитрое лицо приняло еще более хитрое выражение, и он с ехидной улыбкой слащавым голосом спросил меня: “А как же Он (Николай II. – А. О.) поедет? Разве впереди поезда будет следовать целый батальон, чтобы очищать путь?”»⁴⁶ Эти слова вызвали удивление Воейкова, потребовавшего ясного ответа, считает генерал Алексеев поездку императора опасной или нет. Алексеев ответил, что ничего не

знает и ничего против подобной поездки не имеет. В общем, первая реакция генерала очевидна: он был против отъезда Николая II, однако не настаивал на своей точке зрения. Вскоре сам Алексеев явился к императору, но и после этой встречи решение последнего отправиться в Царское Село не изменилось. На убежденность Николая II, безусловно, сильно повлияли опасения за будущее его семьи, тем более что вывезти ее в безопасное место не представлялось возможным⁴⁷.

Революция победила в Петрограде, но в Могилеве еще не осознали масштаба случившегося. Вечером в Ставку пришла следующая телеграмма от Родзянко: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо поручить лицу, пользующемуся доверием, составить новое правительство. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, что бы этот час ответственности не пал на Венценосца»⁴⁸. Телеграмма осталась без ответа. Ту же самую информацию от Родзянко получили 27 февраля (12 марта) и в штабе Северного фронта⁴⁹. В эти первые дни февральских событий в Ставке офицеры были настроены спокойно, сообщения Родзянко считали преувеличенными и были уверены, что власть скоро подавит «опасный бунт»⁵⁰. Сам Иванов поначалу был уверен в успехе, помня о том, как легко удалось справиться с волнениями в Сибири в 1905 г.⁵¹

Алексеев считал, что все закончится довольно скоро: он даже отправил своего адъютанта в город для того, чтобы купить продукты. Он собирался передать их знакомым в Петрограде⁵². Георгиевский батальон был надежной частью, по пути движения в столицу он должен был получить поддержку других подразделений, которые предполагалось снять с фронта. Вечером 27 февраля (12 марта) Алексеев известил о принятых решениях Беляева, ночью 28 февраля (13 марта) – Голицына. Рузскому и Эверту было приказано выделить по одной конной и одной пешей батарее от каждого фронта, обеспечив их снарядами по норме 1 орудие – 1 зарядный ящик⁵³. В помощь войскам Н. И. Иванова отправлялись с Северного фронта 2-я бригада 17-й пехотной дивизии, а с Западного фронта – сводная бригада 9-й пехотной дивизии, всего 4 пехотных полка, имевших репутацию наиболее надежных. В Царском Селе, таким образом, под командой Иванова должны были собраться 13 батальонов, 16 эскадронов, 4 батареи, 2 пулеметные команды Кольта. Это была немалая сила, однако с посылкой войск не торопились⁵⁴. Например, посадка войск Западного фронта в эшелоны должна была начаться во второй половине дня 28 февраля (13 марта) и закончиться 2 (15) марта⁵⁵.

Тем временем спокойствие в Царском Селе подходило к концу. Вечером 1 (14) марта в гарнизоне уже началось брожение, на улицах появились пьяные солдаты – явное свидетельство того, что контроль над казармой был утрачен⁵⁶. Командование охраны дворца поначалу было полностью уверено в своих подчиненных: выставлялись посты с пулеметами, высылались разведывательные патрули и т. п. Один из офицеров Сводного полка вспоминал: «Нервы у защитников оставались поднятыми: разложение еще не коснулось ни колеблющихся, ни малодушных»⁵⁷. Так не могло продолжаться бесконечно: начало сказываться напряжение неизвестности. Вскоре части начали покидать охрану дворца, в котором остались лишь сотни конвоя, 2,5–3 роты Сводного полка и взвод зенитной артиллерии⁵⁸. Тем не менее дворец и подступы к нему прочно контролировались. Окруженные ждали приезда императора и держали оборону. Никто не пробовал проверить ее прочность, так как все ограничилось несколькими выстрелами по дворцу⁵⁹.

В эти дни высший генералитет все активнее втягивался в политику. От его позиции по отношению к движению в столице зависело очень многое. 30 августа 1939 г. Н. Е. Борисов решил ответить на опубликованную в «Царском вестнике» (№ 679) 13 августа 1939 г. статью Константинова «На путях к правде», где со ссылкой на генерала Пустовойтенко говорилось о том, как М. В. Алексеев требовал от императора введения в России конституции. Характерно, что ссылка была именно на Пустовойтенко, который пригласил в Ставку Лемке, зная о его политических пристрастиях. Борисов признал, что подобные разговоры имели место: «И вопрос этот не раз дебатировался в кабинете оперативных докладов после оперативного доклада, когда у царя оставалось свободное время до завтрака. Так что то, что Пустовойтенко застал, был лишь один момент из нескольких»⁶⁰. Более того, Борисов пытался доказать, что Николай II относился к обсуждению конституционной перспективы совершенно спокойно и благодушно как к вопросу постоянно дебатировавшему с 1905 г.⁶¹ Это потрясающее заявление Борисова не имеет аналогов.

Даже П. Н. Милюков сообщал о том, что только лишь перед отъездом Николая II из Ставки, приведшей его в Псков, Алексеев «убеждал его дать “конституцию”»⁶². Более осторожный мемуарист, лидер кадетов даже поставил это слово в кавычки. Император, который, по отзывам почти всех мемуаристов, столь отрицательно относился даже к малейшему проявлению, намеку на нарушение прерогатив Короны, почти никогда и ни с кем не говоривший на тему о перспективах развития Манифеста 17 октября в конституцию, а Государственной думы в парламент, позволяет своему подданному, а тем более занимающему ответственный пост в руководстве вооруженными силами Империи начинать и вести с собой подобные разговоры во время войны! Сама постановка подобного вопроса со стороны Алексеева граничила с декларацией нелояльности. «Будучи русским до мозга костей, будучи крайним националистом, – вспоминал князь В. А. Друцкой-Соколинский настроения генерала в конце 1915 – начале 1916 г., – обожая Родину и народ, Алексеев не был сторонником политического правления, взглядов и системы управления, олицетворяемых главой тогдашнего правительства И. Л. Горемыкиным. Мне думается, что Алексеев был детищем той среды, откуда вышел – русской мелкой буржуазии, среды, как известно, наиболее либеральной и прогрессивной, видевшей счастье народа в быстром наступательном движении вперед как в области чисто политической, так и равно в социальной. Если бы Алексеев был членом Государственной думы, то думается мне, он примкнул бы к “Прогрессивному блоку” и подал бы свой голос за ответственное министерство»⁶³. Эту характеристику следует признать удачной. В конце концов генерал и подал свой голос за программу прогрессистов.

Что же касается взглядов Николая II на этот вопрос, то здесь мне представляется возможным обращение к дневнику Генбери-Вилльямса от 26 января 1916 г. В этот день, как отмечает английский представитель в Ставке, император сам начал с ним разговор о природе республики и монархии: «...люди, которыми он управляет, столь многочисленны по крови и темпераменту, при этом столь отличны от наших западных европейцев, что император для них – жизненная потребность. Его первый визит на Кавказ произвел на него большое впечатление и убедил в этих мыслях. Соединенные Штаты Америки, сказал он, совершенно другое дело, и эти две страны нельзя сравнивать. В этой стране так много проблем и сложностей, их чувство воображения, их острые религиозные чувства, их привычки и обычаи делают Корону необходимой, и он верит, так будет продолжаться еще долгое время, что определенная децентрализация власти, конечно, нужна, но большая и решающая власть должна принадлежать Короне. Власть Думы должна расти медленно из-за сложностей в распространении процесса образования среди огромных масс его подданных»⁶⁴. Это изложение позиции императора кажется мне более близким к истине хотя бы потому, что оно более близко к традиционной консервативной точке зрения тогдашней России. И уж, во всяком случае, это

единственное упоминание в дневнике английского генерала о подобном разговоре с императором. По свидетельству А. А. Вырубовой, когда начинался разговор о проблемах внутренней политики, обычным ответом Николая II были слова: «Выгоним немца, тогда примусь за внутренние дела»⁶⁵. Конечно, нельзя не признать, что статус Генбери-Вилльямса не располагал к слишком частым беседам на подобные темы, а инициатива их обсуждения граничила с опасностью вмешательства во внутреннюю политику союзного государства. Однако и статус Алексеева как минимум не предполагал инициативы в обсуждениях «вопроса о конституции». Генерал был предан идее конституционной монархии, но не лично императору⁶⁶.

Мне представляется, что Борисов сознательно допускает искажение, стараясь доказать нормальность ненормального. Подобные обороты чрезвычайно присущи ему. Сразу же после революции Борисов убеждал полковника А. А. Мордвинова, что причиной поведения Алексеева в февральские дни 1917 г. было то, что император «...не сумел с достаточной силой привязать к себе Михаила Васильевича и мало оказывал ему особенного внимания, недостаточно выделяя его. из других»⁶⁷. Вспоминая о ситуации в России перед февральским переворотом в конце 1930-х годов, Борисов отмечал: «Военно-политическая ситуация в России настоятельно требовала решения: быть или действительно самодержавным или же действительно конституционным, но не допускала сидения между стульями. Алексеев, на котором не номинально, а чрезмерно-реально лежала ответственность за войну, сам собою чувствовал на себе все невзгоды государства, сидящего между стульями. Государь, надо отдать ему справедливость, отлично понимал невзгоду Алексеева, а потому как человек разумный относился к Алексееву не как к “изменнику”, “предателю”, а как к истинному слуге России, а с нею и Царя, и высказывающему свои искренние убеждения. Императора Николая II ни по характеру, ни по воспитанию нельзя было сделать действительно самодержавным (вроде Хитлера, Муссолини), но действительно конституционным он сам желал бы сделаться»⁶⁸.

Поражает то, что Борисов при изложении позиции скорее всего своей, а не Николая II, опять приписывая императору желание быть конституционным монархом, дает свое понимание самодержавия как диктатуры, сравнивая его с современными европейскими тоталитарными режимами. Трудно представить себе, что Борисов, профессионально занимавшийся историей Первой мировой войны, не знал о тех ограничениях «конституционного» строя, которые были приняты в Германии, Франции и даже Англии, но вряд ли он назвал бы их «самодержавными», во всяком случае, он предпочел другое сравнение. А ведь мобилизационные усилия, по крайней мере, у союзников не были секретом для русских военных. Когда Альбер Тома, министр боеприпасов, встретился в мае 1916 г. с рядом высших военных чинов русской армии, то они были поражены концентрацией власти французского министра. Генерал Беляев, тогда начальник Генерального штаба, выразил свои чувства следующим образом: «Хотя он социалист, тем не менее он может делать все, что сочтет необходимым; ни у кого в России нет такой власти. У нас нет хозяина, а ведь Россия – монархия». Еще более энергично высказался великий князь Сергей Александрович: «Вы самодержец, а я анархист»⁶⁹.

Поражает другое: насколько близок по духу к Борисову в отношении к идеальной (или единственно возможной?) форме государственной власти оказался такой человек, как Сухомлинов. Оценивая большевиков в 20-е годы, он пишет: «Их мировоззрение для меня неприемлемо. И все же: медленно и неуверенно пробуждается во мне надежда, что они приведут русский народ – быть может, помимо их воли – по правильному пути к верной цели и новой мощи... Россия и населяющее русскую землю смешение народов

нуждается в особо мощной руке (подчеркнуто мной. – А. О.)»⁷⁰. Почти точно так же, как и Борисов, Сухомлинов упрекает императора в непоследовательности: «постоянно

выходил он неожиданно из программы, на проведение которой требовалось время, и разрушал основные положения именно там, где думал их укрепить»⁷¹.

Ссылки на европейский опыт уместны только в одном случае. Как и в Германии, высший генералитет не понял той роли, которую играет монархия в организации общества. Как потом Гинденбург и Гренер оказались не в состоянии понять, планы Алексева и Борисова довести войну без императоров, которые, как им казалось, только мешали им сделать это, обречены на провал уже потому, что они-то сами как раз не были самостоятельными величинами, как им хотелось бы думать. И поэтому, как только не стало Вильгельма II и Николая II, с разной скоростью исчезли и те, кто не смог понять опасности, которая исходила от подобного рода переворотов, особенно во время великой войны. Следующие слова Людендорфа прекрасно подходят к описанию проблемы, которая стояла как перед германским, так и перед русским командованием, как, впрочем, и для описания ошибки, сделанной теми и другими: «Я предостерегал против попыток пошатнуть положение императора в армии. Его Величество был нашим Верховным главнокомандующим, вся армия видела в нем своего главу, мы все присягали ему в верности. *Этих невесомых данных нельзя было недооценивать. Они вошли в нашу плоть и кровь и тесно связывали нас с императором. Все, что направлено против императора, направляется и против сплоченности армии* (курсив мой. – А. О.). Только очень близорукие люди могли расшатывать положение офицерского корпуса и Верховного главнокомандующего в такой момент, когда армия подвергалась величайшему испытанию»⁷². Как близок к этой позиции русский чиновник: «Наша военно-административная (не политическая) машина продолжала еще работать на Россию. А работала она, часто не сознавая того, именем Государя. Работала с перебоями, но все же гораздо лучше, нежели потом, при Временном правительстве. Новое правительство не имело за собой ни рутины, ни привычки, ни движущего “завода”, одну только – чуждую народным низам – культуру»⁷³.

Еще один факт позволяет усомниться в искренности слов Борисова. Во время своего пребывания в Ставке он настолько последовательно уклонялся от приглашений к императорскому столу⁷⁴, что это даже вызвало сомнение Николая II, не демонстрация ли это негативного отношения к нему лично. Алексеву пришлось защищать своего протеже, убеждая монарха, «...что он (Борисов. – А. О.) дикарь и просто боится незнакомого общества»⁷⁵. Как представляется, Алексей тогда покривил душой. Мне кажется, что Бубнов довольно верно описывает настроения Борисова: «По своей политической идеологии он был радикал и даже революционер. В своей молодости он примыкал к революционным кругам, едва не попался в руки жандармов, чем впоследствии всегда хвалился. Вследствие этого он в душе сохранил ненависть к представителям власти и нерасположение, чтобы не сказать больше, к Престолу»⁷⁶. На подобных оценках сходятся столь разные мемуаристы, что им невозможно не поверить. Безусловно одно – в воспоминаниях 22-летней давности у генерала все же проскальзывает неудовлетворенность невозможностью выхода из двойственного, неопределенного положения.

Причина этого чувства проста. Фигура основателя Добровольческой армии и Белого движения Юга России была столь важна для эмиграции, что обвинение генерала в участии в антимонархическом заговоре граничило с дискредитацией идеи «белого дела». Такие случаи были исключительны и основывались только на вторичных источниках⁷⁷. Так, например, весной 1917 г. по свидетельству Деникина, Алексей в разговоре с ним упомянул о том, что в бумагах императрицы были найдены секретные карты всего русского фронта, которые изготовлялись только в двух экземплярах – для самого генерала и для императора. Это произвело на Михаила Васильевича самое тяжелое впечатление⁷⁸. Но если в отношении Алек-

сеева к императрице сомневаться не приходится (очевидно, что оно было отрицательным), то случай с императором более сложен. Свидетельств, исходящих из-под пера самого генерала, не было.

В архиве М. В. Алексеева, переданном несколько лет назад на хранение в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, мне удалось найти документ, проливающий свет на этот вопрос. Несложный шифр по непонятной причине не был открыт, и развернутая характеристика императора превратилась в «Заметки нравственного, политического характера, в том числе и о Л. Г. Корнилове». Объяснить ошибку легко: генерал называет Николая II в своих записках «N»; в принципе, сам текст таков, что исключает иное прочтение подобной аббревиатуры. Добавить к этому можно лишь самый простой факт: в предшествующей весне – лету 1917 г. (когда были составлены эти «заметки») личной переписке М. В. Алексеев называл императора «Н». Впрочем, судите сами: коль скоро даже в обстановке полного хаоса послефевральского периода могли появиться такие слова, то догадаться, каким же было настроение генерала накануне Февраля 1917 г., догадаться несложно:

«N человек пассивных качеств и лишенный энергии. Ему не достает смелости и доверия, чтобы искать достойного человека. Приходится постоянно опасаться, чтобы влияния над ним не захватил кто-либо назойливый и развязный. Слишком доверяет чужим побуждениям, он не доверяет достаточно своему уму и сердцу.

Притворство и неискренность. Что положило начало этому? Она – неискренность] – развивалась все больше, пока не сделалась господствующей чертой характера.

Ум.

Ему не хватает силы ума, чтобы настойчиво искать правду; твердости, чтобы осуществить свои решения, несмотря на все препятствия, и сгибать волю несогласных. Его доброта вырождается в слабость, и она принуждает прибегать к хитрости и лукавству, чтобы приводить в исполнение свои намерения. Ему, б.[ыть] м.[ожет], вообще не хватает глубокого чувства и способности к продолжительным привязанностям.

Боязнь воли, несчастная привычка держаться настороже. Атрофия воли.

Воля покоряет у него все.

Умение владеть собою, командовать своими настроениями.

Искусство властвовать над людьми.

Чувствительное сердце.

У него было слабо то, что делает человека ярким и сильным.

В его поступках не было логики, которая всегда проникает [в] поступки цельного человека.

Жертва постоянных колебаний и не покидавшей его нерешительности.

Скрытность, лицемерие. Люди, хорошо его знающие, боятся ему довериться.

Беспорывистость духа. Он был лишен и характера и настоящего темперамента.

Он не был натурой творческой. Выдумка туго вынашивалась у него.

Душевные силы охотно устремлялись на мелкое. Он не был способен от мелкого подняться к великому. Не умел отдаться целиком, без оглядки какому-нибудь чувству. Не было такой идеи, не было такого ощущения, которые владели бы им когда-нибудь всецело.

Вместо упорного характера – самолюбие, вместо воли – упрямство, вместо честолюбия – тщеславие и зависть. Любил лести, помнил зло и обиды.

Как у всех некрупных людей, у него было особого рода самолюбие, какое-то неспокойное, насторожившееся. Его задевал всякий пустяк. Ему наносила раны всякая обида, и нелегко заживали эти раны.

Эгоизм вырабатывает недоверие, презрение и ненависть к людям, презрительность и завистливость.

Была ли горячая любовь к родине.

Началась полоса поражений, а за нею пришел финансовый крах. Становилось ясно, что не только потерпело банкротство данное правительство, но что разлагается само государство... Тем бесспорно, что обычными средствами помочь нельзя»⁷⁹.

Такого рода документы придают гораздо больший вес поздним признаниям Маклакова о том, что даже во время выступления Л. Г. Корнилова Алексеев был настроен категорически против идеи восстановления монархии на том основании, что знал их (Романовых) гораздо лучше, чем другие⁸⁰. «Все могу – сказало злато, Все могу – сказал булат...» Злато и булат пришли к пониманию того, что они всеильны. При этом необходимо отметить, что в начале 1917 г. ни верхи армии, ни верхи либеральной оппозиции уже ничего не делили. Договоренность была достигнута. Тем не менее и те и другие вели себя осторожно: полной уверенности в успехе по-прежнему не было. А. Е. Эверт, находясь через год после этих событий в Смоленске, говорил о том, что генералы были уверены, что политические изменения в столице просто не затронут фронта. Его собеседник вспоминал, что этот разговор всегда заканчивался словами генерала: «Какое легкомыслие!»⁸¹. Партнеры генералитета, как оказалось, были столь же легкомысленны, но при этом гораздо менее искренны.

Армия, оппозиция и революция

Свое политическое кредо полу-искренно и полу-лживо Гучков изложил после победоносного февральского переворота: В этот-то момент для русского общества, по крайней мере, для многих кругов русского общества и, в частности, для меня стало ясно, что как во внутренней жизни пришли мы к необходимости насильственного разрыва с прошлым и государственного переворота, так и в этой сфере, в сфере ведения войны и благополучного ее завершения, мы поставлены в то же положение. Идти прежним путем – значит привести войну к полной неудаче, может быть, не в форме какой-нибудь внезапной катастрофы, но в форме, я бы сказал, тягучего процесса изнурения страны, понижения одушевления и завершения всего этого плачевным бессилием, плачевной капитуляцией. Как в вопросах внутренней политики надо было руководящим классам прибегнуть к новым приемам, так и в вопросе ведения войны надо было ясно сознать, что рука об руку с существующей властью мы к победе не придем. Нужно было стать на путь государственного переворота. Надлежало искать тех путей, которые через государственный переворот привели бы к полному обновлению нашей жизни, и тех путей, которые могли бы довершить войну успешно и с выполнением поставленных ею задач. Вина, если говорить об исторической вине русского общества, заключается в том, что русское общество, в лице своих руководящих кругов, недостаточно сознавало необходимость этого переворота и не взяло его в свои руки, предоставив слепым стихийным силам, не движимым определенным планом, выполнить эту болезненную операцию»¹.

Конечно, Гучков в последнем предложении лукавил. Он готовился к перевороту, организовывал эти события. Ставка согласилась наблюдать, а ЦВПК, в лице своего руководителя, 15 (28) февраля 1917 г. на всякий случай обзавелся документом («Деятельность Рабочей группы Центрального

являвшим нечто

о-промышленного комитета») ², по характеру своему

среднее между оправданием и доносом на самих себя (неудивительная

предусмотрительность, если учесть тот факт, что в это время императором рассматривалась возможность ареста Гучкова) ³. Можно было действовать дальше. Обстановка вдохновляла общественность на дальнейшие разговоры и они становились все менее невинными.

В первые дни переворота настроения были приподнятыми и подтверждали анализ, данный в секретном докладе полицией всем без исключения русским политическим партиям: «Что же касается предлагаемых партиями “программных рецептов”, построенных на всем им общей затаенной тенденции: поскорее закончить войну, захватить большое влияние в делах государственных и заняться перекройкой социального строя по своей собственной мерке – то говорить о них много не приходится уже в силу одной, всем партиям свойственной, огромной ошибки: нельзя рассчитывать на то, что армия по возвращении с действующего фронта не пожелает предъявить и своих собственных, совершенно особых требований, ибо “разложение армии”, о коем не перестают кричать и социал-демократы, и социалисты-революционеры, и кадеты, неизбежно должно повлечь за собою по окончании войны полную анархию в России» ⁴.

Теперь разложение армии усиливалось с каждым часом, и анархия возникала еще до окончания войны. Победа революции в столице была очевидной: наступало время упоительного торжества больших чисел. «Мятеж», сделавшись «военным», сразу же изменил не только расстановку сил на улице, но и ее облик. По Петрограду ходили толпы людей с красными бантами и лентами, некоторые одевали через плечо «широкие генеральские Ста-

ниславские или Анненские ленты»⁵. По городу разъезжали грузовики, из кузова которых прохожим раздавали оружие. Вооружение гражданского населения сразу же приняло бесконтрольный характер⁶. Часто оно было и бессмысленным и, по словам очевидца, «иногда представляло целый движущийся музей оружия»⁷. «Все закрытые лавки и винные склады были разгромлены, – вспоминал очевидец, – пьяная масса ликовала»⁸. Тем не менее победители, судя по всему, не чувствовали себя уверенно. Все или почти все боялись появления боеспособных и верных правительству войск с фронта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.